

Ольга Николаева

Мышеловка для кота

18+

Ольга Николаева

Мышеловка для кота

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48535861

SelfPub; 2022

Аннотация

Кирилл Янкевич – мечта любой женщины. Все дамы в возрасте от восемнадцати и до восьмидесяти падают к его ногам, как спелые яблоки. И я не стала исключением – тоже попала в его сети. Любопытство сгубило. Невозможно пройти мимо такого наглого, самодовольного, но такого привлекательного кота. Мышка попала в ловушку? Да ничего подобного! Один раз не считается. А для всего остального пускай Кирилл за мной погоняет. Возможно, я сделаю вид, что сдалась...

Посвящается настоящим героям, каждый день побеждающим полчища женских тараканов.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	28
Глава 2	91
Глава 3	157
Конец ознакомительного фрагмента.	186

Ольга Николаева

Мышеловка для кота

Пролог

– У вас пятнадцать минут на то, чтобы рассказать обо всем, чего хотите, и получить мой ответ. Если получится. – Надо же, какое гостеприимство... Даже голову не изволил повернуть, чтобы посмотреть в сторону впустившей меня двери.

– Добрый день. Думаю, мне этого будет достаточно. – Ну, вот. Теперь мы удивились, не успев прикрыть интерес, и взглянули в мою сторону. Нормально, я привыкла.

– У меня назначена деловая встреча, а не свидание. Дверью ошиблись.

Как же, ошибешься тут: пришлось просочиться через три кордона из амбалов, всех, как один, будто сошедших с кадра дешевых российских сериалов про 'новых русских'. Они, похоже, и не стесняются этого сходства. Вполне возможно, отсюда и набрались представлений, как себя вести и выглядеть. Через полчаса этих дотошных проверок с предъявлением паспорта, доверенностей и тому подобной ерунды, уже ощущаешь себя липкой и грязной. Они ведь не только физиономию разглядывали, уроды, скучно им...

– Я и пришла к вам на деловую встречу. Документы проверила ваша охрана.

Плохо скрытое удивление и недоверие на лице, с легким оттенком пренебрежения, – тоже привычная реакция в последние пару лет моей жизни. Спасибо, уважаемый товарищ, тебе за это. Бесит меня такое отношение и раздражает. И дает силы: нет большей радости, чем утереть нос всем самоуверенным зазнайкам мужеского пола, которые считают, что женщине в их серьезном мире совсем не место. Тем более – женщинам моложе тридцати.

– Мда? В вашей компании больше некому вести переговоры?

– Есть. Но выбрали меня. Наверное, решили, что лучше всех справлюсь, я не уточняла.

Очень даже уточняла, и даже просила: отправьте вы, ради Бога, Рахманова. У него зубы уже давно наточены, разберется и справится. А я понятия не имею, о чем и как можно говорить с племянником бандита, полгода назад 'погибшего' на трассе под Ростовом. Погиб он, само собой, не без помощи, оставив какое-то необъятное наследство, и ни одного юридического лица, на котором это наследство могло бы числиться. Я уже успела пообщаться за прошедшие полгода с мутными типами, которые отказываются называть имя, но дают гарантии, что все переданные мною под расписку тонны налички никуда не пропадут. Это в наше-то время, когда даже в ларьке за жвачку нормальные люди платят карточка-

ми. А у этих – нал, и только, пусть и относительно белый...

Но Рахманова руководство не отправило – не его, мол, уровня дело. И даже юристы открестились – сама справишься. Договор составлен, всего и делов-то – подпись получить. У собственника и потенциального партнера. А он не хочет ставить подпись. Не посылает подальше и не выселяет из помещения, и договор не подписывает. 'Только при личной встрече'. И все.

– Ну, что ж. Я слушаю, девушка.

Еще одно спасибо за 'девушку' и за снисходительный тон: он должен бы вывести из равновесия, по задумке говорящего, да вот только меня – раззадоривает. Люблю удивлять.

Но этого самоуверенного хищника удивить очень сложно. Пока я рассказывала о преимуществах продления договора и о том, почему сотрудничество с нами престижно, он почти не слушал. Он... смотрел. Разглядывал. И я в своем строгом, закрытом наглухо костюме казалась себе совершенно голой. Потому, что юбка до самых колен не могла скрыть эти самые колени, а ноги хотелось бы спрятать куда-то поглубже, да мягкий низкий диванчик в люксовом номере гостиницы этого не позволил. Черт меня дернул сегодня выбрать самые высокие шпильки... Не вынесла наглого осмотра, когда он совсем уж упорно уставился на грудь. Вернее, на то место, где пуговицы блузки слегка расходятся при движении. Сделала паузу, хмыкнула. Эффект – не тот. Поднял глаза, цинично ухмыльнулся:

– Продолжайте. Я слушаю.

– Я все сказала. – Посмотрела на время – семь минут. Уложились. Теперь бы не начал затягивать оставшиеся восемь...

– Кофе будете? – Ух, ты... Какое внимание к моей незначительной персоне...

– Боюсь, мы не успеем за отведенное время. Не хотелось бы злоупотреблять и обижать, оставляя недопитым...

– Я добавлю еще пятнадцать минут.

– Спасибо. С сахаром и сливками.

Он кому-то звонил и делал заказ, продолжая все так же беспардонно пялиться на мои достоинства, позволяя рассмотреть и себя.

Что ж, попадись он мне в другое время и при других обстоятельствах, я давно уже пускала бы слюнки... Нет, честно: такие экземпляры самцов живьем встречаются очень редко. Только в рекламе мужского белья и парфюма, да в некоторых фильмах, затертых до дыр многократными просмотрами. Он – обалденный, как сказала бы моя Нинка. И я бы не стала спорить.

Ухоженный: хорошая стрижка, гладко выбритый, костюм сидит как влитой, рубашка, кажущаяся очень простой, на деле стоит не одну сотню баксов... И отсутствие галстука – очень продуманная небрежность, позволяющая выставить напоказ мощную загорелую шею, и блеск золотой цепочки – о, да, конечно, она выглянула совершенно случайно...

Плечи широкие, ноги длинные, осанка охренительная, яв-

но какой-то спорт, или занятия в зале... Сладкий мальчик... Если бы не глаза... Холодные, спрятанные под прикрытыми веками, наблюдающие за тобой, как за назойливой мошкой... И циничная насмешка в них – непреходящая... А за всем этим прячется хищник, непрерывно следящий за каждым движением. Один промах – и вцепится в горло, сожрет, не подавится.

Короче, от таких вот 'сладких' лучше держаться подальше, как бы ни возбуждали они интерес. Если хочешь остаться с нормальной, не поломанной психикой – прячься, сворачивай, как только замаячит на дороге. Лучше уступи, обойди. И плевать на эту ауру мощи, уверенности, небрежной демонстрации: вот он я, хозяин жизни, подходи, глядишь, и тебе кусочек счастья отвалится...

– Зачем тебе это нужно? – Нежданный вопрос вырвал из размышлений. Помечтать-то можно, в конце концов...

– Нам нужно заключить официальный договор, мы и так уже полгода работаем в помещении, не имея никаких гарантий. И деньги отдаем непонятно кому...

– Нет. Я спрашиваю, зачем это нужно тебе, а не твоей компании?

– Затем, что это моя работа. Я её выполняю.

– И на кой тебе эта работа?

– Странный вопрос. Затем же, зачем и остальным. Зарабатываю деньги. Обеспечиваю себе жизнь.

– Мужчина не в состоянии? Или найти подходящего не

можешь? – Началось. Извечный вопрос, доставший до самых печенок.

– Предпочитаю от мужчин не зависеть. – Постаралась не скрипеть зубами.

– Похвально. Однако ж, приходится, да?

– Мы все в чем-то от кого-то зависим. Но я стараюсь свети это к минимуму.

– А если не получается?

– Мне кажется, мы ушли от темы разговора... – Невежливо, конечно, но время бежит, а он развлекается. За мой счет, и за счет моих невосстанавливаемых нервов.

– Нисколько. Что я получу, если соглашусь на ваши условия? – Наконец-то. Этот цепкий взгляд заинтересованности – его ни с чем не спутаешь. Только сейчас он соизволил хоть как-то проявить, что вообще слушал, а не спал, пока я распиналась.

– Лучшую цену в городе, гарантии длительного сотрудничества, авторитет федеральной сети... – Все эти преимущества я научилась перечислять на автомате.

– Я все это знаю, проблем со слухом нет. Кроме вас, на это помещение стоит очередь из десятка желающих. – И не врет же, гад. Все об этом прекрасно знают. И ждут, когда мы облажаемся и уйдем. – Нужен еще какой-то бонус. Такой, которого больше никто не предложит.

– Вашу арендную ставку никто, кроме нас, в этом городе не потянет.

– Да плевать. Сделаю склад. За копейки. Или городу отдам, под спортзал, в качестве благотворительности.

– Это же потеря дохода. Невыгодно.

– Переживу. Мне это все досталось на халяву, и хлопот прибавилось. Вторую неделю здесь зависаю, чтобы разобраться с новыми проблемами.

– Что вы хотите?

– Говорю же, бонус. Лично для меня.

– Что именно? – Терпеть не могу хождения вокруг да около. Не умею играть в угадайки.

– А что ты мне можешь предложить? – Ударение на 'ты' мне очень не понравилось. Но надежда, что я неправильно поняла, еще оставалась.

– Я могу обсудить с руководством все ваши пожелания. Только не уверена, что на все смогу сразу ответить.

– Ой, да не прикидывайся дурочкой! Причем тут твое руководство?

– Я вас не очень понимаю... – Конечно же, все понятно. И раньше получала всякие предложения, то «кофе попить», то «посмотреть новую дачу в очень красивом месте»... Но их, хоть немного, да вуалировали... А вот так, прямо в лоб... Может, мне все-таки, кажется?

– А что тут непонятного? Я давно не вел переговоров с женщинами. Забыл, какие в этом есть плюсы. Если готова все эти плюсы показать – договоримся. Я даже не стану пересматривать условия. А если тебе так важна твоя независи-

мость и гордость – извини...

Это провал. Конкретный такой и мощный. Надо уходить и отправлять сюда кого-то из парней. Пусть договариваются без меня. Я так играть не буду. Но если сейчас послать – обидится, и плакала наша аренда. Перекроют доступ сегодня же вечером.

– Я могу подумать?

– Конечно. Вам, женщинам, только глупости легко даются. А над всем остальным думать необходимо... – Теперь издевка звучала откровенно. А с ней уверенность – никуда я не денусь с этой подводной лодки.

Мы оба прекрасно понимали, что значит этот договор для моей компании, а значит – и для меня. Кажется, до этого момента он понимал намного лучше. А до меня только сейчас допёрло.

– Сколько у меня есть времени?

– Неделя. В следующий вторник жду. В это же время.

Ну, и замечательно! За неделю я успею уломать шефа, вызвать сюда Рахманова и умыть руки. Пусть мальчишки сами в свои игры играют. Я – пас. Как бы ни хотелось доказать свою состоятельность, но меня только что уверенно ткнули мордой, доказав, что не со всем я могу справиться...

– До свидания. – Ответного прощания не дождалась. Да и Бог-то с ним. Уйти бы, не показав, как нервничаю, не перейти на бег, и не начать вытирать руки, взмокшие от волнения...

Ровно через неделю, во вторник, мне снова пришлось пройти через кордон из низколобых амбалов, снова ловить на себе их сальные, ощупывающие взгляды... Вот только теперь на них было совсем параллельно. То, что меня ожидало за охраняемой дверью, было в разы противнее и грязнее. Да. Моя истерика протяженностью в семь дней не дала никаких результатов. Генеральный, урод, элементарно не поверил. Ни моим рассказам о том, что эти люди не работают цивилизованно... Ни о том, что охрана досматривает, прощупывая одежду по швам, не разбирая мужчин и женщин... Про нескромное, мягко говоря, предложение, даже слушать не стал. Все, что мне довелось услышать: 'Дорогая, мы же в двадцатом первом веке. Что вы мне страшилки рассказываете, родом из девяностых? Пригласите его куда-нибудь, выпейте коньяка... Глядишь, и получится договориться... Это будет для вас очень полезным опытом. Давайте, мы верим в вас'

Сволочь такая! Неужели не ясно, что с девочками просто так не пьют коньяк?! Еще бы в баню пригласить предложил... И знает ведь, собака, на что давит: молодая, неопытная, хоть и с мозгами. Опыта нужно набираться...

Что ж, теперь у меня будет и такой опыт...

В этот раз Янкевич даже посмотрел в сторону открывшейся двери...

– Ты? Ну, что ж, здравствуй... Проходи... Не ждал... – Я бы даже поверила его радушию, наверное, если б не помни-

ла, зачем я здесь, и чего он 'не ждет'.

– Отчего же? Я обычно сдерживаю обещания. Кроме совсем уж сложных случаев. – Вру, конечно. Но на кой ему знать правду?

– Похвально. Итак?

– А сегодня не будет ограничений по времени? На сколько мне можно рассчитывать?

Ох, какая поганая улыбка расплылась по этой наглой, самоуверенной роже... Наверное, решил, что я сейчас начну уговаривать, унижаться, предлагать компромиссы... Спасибо. Одного мне будет вполне достаточно. Тем более, зная такую породу, пытаться уговорить – впустую переводить свои нервы и время.

– Сегодня ограничений не будет. Как справишься. Все твое...

– Жаль. У меня сегодня лишь час свободный, на все про все. – Очень старательно прятала злость, но она все равно прорвалась, а с ней – ехидство: извини, мой милый, но больше часа моей жизни ты не стоишь...

Вальяжность исчезла: передо мной снова собранный, мощный хищник. А я – дичь. Уже практически пойманная. Но поймать нужно, пока не удрала.

– Что ж, тогда на разговоры тратить время незачем... Ты ж не говорить пришла? – Вкрадчиво. Молодец. Бизнесмен до мозга костей: намеки намеками, а прояснить все пункты необходимо...

– Нет.

– Ну, тогда действуй.

– А насчет действий мы не договаривались. Я не знаю, какие там плюсы вам понадобились. И угадывать не буду. Так что, действуйте сами. Обещаю не орать и не сопротивляться. Только, чур, без извращений.

Взгляд – совсем темный. Тяжелый. Такими убивают, наверное. Или обжигают. А мне как-то все равно стало. Всю дорогу нервничала, а теперь – поздно. Назад ходу нет. Пусть смотрит.

– Смелая? Или наглая? Или просто глупая?

– Не знаю. Вам судить. Опять же, я себя не навязываю. Могу и уйти, если передумали. – Надежда, последняя капелька, все-таки, жила.

– Думала, вот так, на дурака, отделаешься?

– Нет. Даю вам возможность выбора. – А я уже свой выбор сделала. Вот такой вот, для тебя, козел, неожиданный. Думай сам, как теперь быть...

– Никого не пускать, пока не дам отмену. – Короткий приказ по телефону. Видимо, амбалам... Ну, вот и все. Прилетела, птичка. Садись в клетку.

– Выпьешь, что-нибудь, для храбрости? Мне тут обмороки ни к чему... – Хм... Забавно... Он что, волнуется? Вряд ли, конечно, однако, очень смахивает на то...

– Нет. Спасибо. На деловых встречах не употребляю. Правило. – Если выпью, то не плакать, а хохотать начну. От аб-

сурдности происходящего.

Знала бы мама, где сейчас её паинька-дочка, и чем собирается заняться... Нет, об этом, надеюсь, никто не узнает. Может, подруги в старости, лет через сорок...

– Ну, что ж... – Прошелся вокруг моего дивана, о чем-то раздумывая... Уселся обратно, сложил руки в замок. Осмотрел меня вновь, очень внимательно: будто примериваясь, с чего начать. Неуверенность мне, все же, почудилась. В глазах – предвкушение, на губах – легкая, порочная ухмылка. В другой ситуации она меня, наверное, смутила бы... Но не сейчас. Поздно смущаться. – Иди сюда.

Похлопал рукой по колену. Недвусмысленно. Очень внятный призыв.

А я не глупая. Я понимаю с первого раза. Аккуратненько так присела, стараясь очень не прижиматься. Да где уж там... Руки, длинные и заgreбушие, тут же обвили талию, одна так и осталась там, а вторая поползла по бедру, остановилась у самого краешка юбки. Пальцы огладили край, ненадолго там задержались, и двинулись вверх, нещадно сминая ткань, собирая узлом ближе к поясу. А глаза – в глаза, следят за реакцией. Я тоже слежу. Нечасто вот так, среди бела дня, меня раздевают незнакомые, можно сказать, му... жчины. Любопытно же, что при этом чувствуешь...

– Ну, и чего ты ждешь? Думаешь, я сейчас отпущу, скажу, что это розыгрыш? – Темный, темный взгляд... Опасно-искушающий... И предупреждение в нем: 'Не шути...'. А я не

шучу. Все на полном серьезе...

– Нет. Вы меня уже облапали по полной программе. Разве так разыгрывают?

– Тогда – жду активных действий. Что ты сидишь, как школьница на приеме у директора?

– Ну, уж простите... Я на вас бросаться не собираюсь. Это у вас, похоже, проблема с личной жизнью, раз так ее устраиваете... Вот и набрасывайтесь. А я обещала не оказывать сопротивление. Все. – Ох, с огнем играю. Напрошусь... Или уже напрашиваюсь?

– Смелая? Или глупая? Или борзость зашкаливает?

– Всего по чуть-чуть... Если хотите, можем обсудить мой характер, только я лучше пересяду поудобнее...

– Наглая. – Удовлетворенное хмыканье. – Что и требовалось доказать... Доигралась. Был у тебя шанс...

– Да ладно? Когда это? Чтобы знать на будущее?

– Поздно. Уже вляпалась. – Пусть будет так. Пусть считает, что маленькая глупенькая дурочка попалась в руки жирному и наглому коту. Хорошо – не жирному. А очень даже...

Что-то подобное из размышлений еще трепыхалось в мозгах, которые начали тихо плавиться. Сложно держать рассудок холодным, когда тебя усаживают верхом на мужские колени, заставив упереться в грудь, прижимают – так, чтобы уже не осталось сомнений, что не отделаешься легким испугом. Все, ставки сделаны, карты розданы, играем, господа... И не буду врать сама себе, что эта игра мне не нравится...

Глаз не отвести от его пальцев, медленно, слишком медленно расстегивающих пуговицы на блузке... Сил хватает лишь на то, чтобы проследить за его взглядом – а он смотрит в мое лицо, не отрываясь, следит, как захватывает меня процесс... Никогда не считала мужские руки настолько сексуальными... Много потеряла в жизни. Несколько движений, намеренно-неторопливых, а внутри все сжимается от волнения. Смуглые пальцы на белой ткани, сильные, уверенные – хочется запечатлеть, поставить в рамочку... Глупости... О чем я думаю?

Да вообще не о том, о чем следует думать приличной девушке! Только, вот беда: приличная осталась за той вот, захлопнутой дверью... Будем надеяться, что амбалы справятся с задачей, и никто ее не откроет не вовремя.

Потому, что меня сейчас нагло, уверенно раздевают, а мне это, черт возьми, нравится... И то, как он сдвинул бюстгальтер, не сильно заморачиваясь на застёжки, лишь мельком глянув на кружевной узор... Правильно, нефиг на узоры смотреть. Они сделаны только для тех, кто больше ничего не увидит и не поймет – не дано. Или не положено. А этому хозяину жизни позволено все, или почти... Но думать об этом пока не стоит...

И не хочется думать-то, вот в чем дело... Гремучая смесь из опаски, азарта и предвкушения – вот и все, чем наполнена голова. Где-то постукивает молоточком тревога: 'Во что ты вляпалась, мать?!' (почему-то Нинкиным голосом)... Да ни

во что. В самую необычную ситуацию. Не было еще в моей жизни такого товарища. И не будет уже, наверное, никогда. И что я теряю? Сейчас – ничего. А могла бы и потерять. Эти вот ощущения: воздух, остуженный кондиционером, горячие руки – контрастом – гуляющие над кружевной резинкой чулок (ясен пень, подготовилась), и, пока еще, очень сдержанное дыхание. Интересно, кто первый сорвется и покажет, что ему не все равно? Что происходящее уже вылетело за рамки нормальности? От меня-то уж не дождется... Я тут птица, как будто, подневольная... Мое дело – молчать и страдать. Вот и смотри, как я страдаю... Ага. Что ж ты делаешь, сволочь такая?! Кто тебе рассказал, что вот так поступать со мной – это самое правильное? Нет... Не смей! Чуть не оттолкнула руки, которые прошли по позвоночнику – слегка так, невесомо, так правильно, так, как нужно, чтобы завести и заставить выгнуться, будто кошка, так, что мурашки прошли по всей коже – от поясницы и до затылка... Вцепилась в запястья ногтями, не выдержала...

– Что? Не нравится? Прекращаем, отбой? – Наглый котятра. Мурлычет он... А то не видит, что творит с организмом... А я-то, между прочим, должна быть сдавшейся, проигравшей стороной. Хреновый какой-то проигрыш получается...

– А что такое? Вы передумали? Бойтесь, что не справитесь? – Максимально невинно. Даже палец большой прикусила, как будто в растерянности... Эх, и что ж меня в юности

отказались брать в местный актерский кружок... Сама себе поверила – так отыграла роль хорошо...

Угу. Доигралась. Все. Прощай, чистая совесть и шансы уйти без потерь...

Мир перевернулся. В самом что ни на есть буквальном смысле: только что сидела верхом на мужчине, смотрела свысока на него, и вот – уже он оказался сверху, а я только успела заметить, какой замечательный здесь потолок... Рассмотреть его толком не вышло (жаль, у меня впереди ремонт, давно не могу определиться с цветом и фактурой)... Хорошая попытка отвлечься, но как-то слабо сработала... Все обозримое пространство закрыли широкие плечи, грудь, пока еще в рубашке, шея... Все. Дальше смотреть отказываюсь. Закрывает глаза. Пусть думает, что стесняюсь. Вдруг, поверит?

Ага. Размечталась.

– Ну, что, все еще не передумала? Что глазки-то прячешь? Да что ж за человек такой, не понимаю... Психанула, по-настоящему.

– Слушай, соблазнитель! Ты сейчас кого уговариваешь? Меня или себя? Сколько можно спрашивать об одном и том же? Я тебя, что, уламливать должна? – Переходить на "ты" вот так резко, конечно, невежливо... И мы еще даже ничего серьезного не сделали... Но орать на человека, при этом "выкая" совсем уж глупо.

Даже столкнуть попробовала, и всерьез хотела уйти. Развлечение, конечно, уже получилось, но, вот так завести, а по-

том задавать глупые вопросы... Верхняя граница идиотизма. Все наследство профукает с таким подходом. А я-то думала, умный мужик попался, слюнки распустила...

Насчет ума, все же, можно было поспорить, и насчет занудства... Однако в упрямстве ему равных нет. Стоило взбрыкнуть – опомнился, придавил всем весом... Хана моей шелковой блузке, похоже... Буду, конечно, надеяться, что немнущаяся... И юбка подозрительно затрещала... Последние внятные мысли...

Взгляд его потерял ленивую поволоку: она слетела, как шелуха. Только цепкая, внимательная настороженность. Вся – для меня. Какие же умные руки у этого хищника... Точно знают, как нужно пройтись по ребрам, зацепив грудь, сдвигая все выше чашечки лифчика (снять окончательно так и не удосужился, зря...), прижать на кончиках... И все – можно брать тепленькую... Не берут. Двигают дальше: по плечам, к запястьям, надежно фиксируют – не больно, однако, так, что сразу ясно – лучше не дергаться... Вот и хорошо. Пусть лучше так, иначе сорвусь, начну рвать ему пуговицы... Пусть сам раздевается. Даже не намекну...

Дымка нереальности происходящего, чувственный бред – можно представить, что все не настоящее... Пока пальцы не сдвигают уверенно в сторону кружево белья...

Господи... Отключи мне... соз-на-ни-е... Даже думаю – в такт. Толчкам, выбивающим крупную дрожь. А он, сволочь такая, смотрит, не отрываясь... Нравится? Смотри... Я тоже

смотрю. Глаза в глаза. Долго не получается. Приходится закрыть. И губы закусывать. Чтобы не попросить... Нет. Чтобы не потребовать большего. Разве можно так измываться?!!

Тело дрожит, не слушаясь. Очень стараюсь молчать, не выдать, как хочется... стонать от сладкой боли, что начала закручиваться там, где его пальцы все еще мучают... тянут время... зачем?!! Я же слышу дыхание рвется; сквозь ресницы успела заметить, как жадно блестят глаза... Может, извращенец?

Черт... Я, кажется, вслух произнесла последнее...

Смешок. Плотоядный.

– Вот, хоть бы раз что-то умное сказала... А так – сплошные наезды и оскорбления...

Точно. Извращенец: правду говорит, я только и делаю, что нарываюсь... Но он заводится от этого, все больше и больше...

Движения пальцев – еще настойчивей, дыхание – чаще... Боже, если б я знала, что буду так радоваться звуку расстегнутой молнии... В лицо бы расхохоталась! А теперь уже не посмеюсь... Краснеть буду, если научусь.

Томительные секунды ожидания... Меня ломает... А этот поганец и не думает ускориться... Вымучивает новый стон...

И еще один. И не один, а много... Ногти с силой впиваются в грубую кожу подлокотников... Чтобы не впиться в него... Довел до состояния, когда мозг молчит, а все тело кипит и плавится. На границе сознания держит одно: умолять

не буду, пусть не старается. Пусть первый не выдержит.

А выкрикивать "да... наконец-то..." я себе не запрещаю... Боже мой... Да...

Не успела понять, когда руки исчезли... Но момент, когда мощно вломился, рванул, затих – как его можно было не заметить? Вот только пауза напрягла...

– Ммм? В чем дело? – Чего уже медлить-то? Передумал, не понравилось? Вспомнил про другие, более важные дела?

Само собой разумеется, все эти вопросы выпалила. Потому что нечего дразниться...

Странное дело: промолчал. Не ответил. Только тягучая, лениво-порочная улыбка по лицу расплылась. Конечно, довольный: он своего добился уже. А я?!!

А за-ме-ча-тель-но! Просто круто, классно, восхитительно... Да! Я хотела, хочу и буду хотеть этого мужчину! Даже в дряхлой старости буду помнить про этот секс, и внучкам рассказывать...

А если быть честной: я забыла... Русский язык, свое имя, неподходящесть времени и места... Чешуя полная! Главное – чтобы не остановился опять, вот так не вовремя, на самой последней секунде, когда вот-вот уже... И снова по нарастающей, резкие движения, потом плавные, потом – что-то невыносимо сложное, отчего дрожит каждая мышца живота, спина изгибается, меня не слушаясь...

Да что там спина... Все тело звенит, как струна натянутая, кажется, всего одно движение и – бздынь... взорвется, огла-

шая окрестности рваным звоном... Ну же, не томи, сколько можно? Эта сволочь все видит, и слышит, и все понимает... Слишком рожа довольная, чтобы не понимать... Но снова тянет, выматывает все нервы, не позволяя взорваться... В самый нужный момент – притормаживает, придумывает что-то новое... Этот несчастный диван, скорее всего, придется выкидывать на помойку. Слишком многое он выдержал и вытерпел за это время...

Время? Что-то же было с ним связанное... Точно!

– Ты весь час меня будешь мучить? Я надеялась, что останется время на "поговорить"... – С огнем играю, конечно же... Но сколько можно измываться над живым человеком?!

Тихий смешок. Прямо в ухо... Щекочет, обжигает и заставляет заледенеть:

– Твои "разговоры" уже весь отель услышал... Тебе этого мало? Хочешь еще кого-нибудь оповестить?

Вот же ж ! Ссс... собака серая! Чтобы тебе после меня только хромые, убогие и фригидные попадались!!!

– Я, все же, надеюсь, что ты можешь удовлетворить женщину, а не только попользовать... Знаешь, в чем разница?! – Не люблю я бить по больному, тем более – в постели. Можно и импотентом оставить, моральным, естественно. Зачем такой грех на душу брать? Но этот индюк самодовольный заслужил, и моя совесть спокойно молчит. Разозлил. Сколько можно-то?!

– Знаю. – Больше ни слова. Но и в этом одном чересчур

много зловещего обещания.

И да. Я не зря старалась. Так бурно и часто взрываться, раз за разом, не успев перевести дыхание, мне в жизни еще не случалось. И да, я устала от этого. Сначала пробовала дать понять без слов, просто не реагируя на новые ласки. Фиг там был. Добивался своего, снова и снова, пока не взмолилась, требуя прекратить.

А он мстил, похоже, за все гадости и подколки, что успел выслушать за недолгое время общения... Как еще можно понять упорство, с которым он выбивал из меня очередной, как будто финальный, выкрик? Который тут же обрывался прелюдией, подводящей к новой "маленькой смерти"? В жизни всему существуют пределы. Даже количеству оргазмов, пережитых за короткий промежуток времени.

– Если ты сейчас не остановишься, я умру. Честное пионерское. Оно тебе нужно, с телом потом маяться, прятать его? – Смогла выдавить, с трудом проталкивая слова через сорванное горло. Губы, высохшие и искусанные, плохо слушались... Очень хотелось столкнуть с себя жаркое тело, обмякшее после финального рывка и утробного, довольного рыка... Вроде бы, и не придавливал сильно... Однако, уже очень хотелось на свободу... Нужно было срочно валить, пока не подседа на это выматывающее удовольствие. Поиграли и будет.

Он что-то понял, видимо. А может быть, просто устал удерживаться на локтях... Сдвинулся в сторону, перекатил-

ся на спину и сыто потянулся...

– Пить хочешь? – Очень логичное окончание эпизода.

– Хочу.

– На столике минералка.

– Спасибо.

Ох, как сложно дотянуться до заветной бутылочки... А открутить пробочку... Ну, все... Я сейчас умру смертью храбрых, захлебываясь слюной, но так и не сумев открыть заветный сосуд...

– Дай, помогу. – Смуглая рука протягивается, блеснув позолотой часов, выдергивает минералку, без особых нежностей. Затем возвращает, уже открытую.

– Спасибо. – Абсолютно искреннее, между прочим.

В два глотка выливаю в себя половину содержимого. Можно бы, конечно, и всю осушить, но жадность – не то, чем хотелось бы отличаться.

– Держи. – Протянула остатки воды, не глядя в его сторону. Дождалась, пока бутылка уйдет из поля зрения, и поднялась.

Судя по часам, тикающим на стенке, у меня осталось немного времени.

Санузел нашла наугад: хоть номер и крутой, а логика в планировке ничуть не отличается от обычных, и даже – от самых дешевых.

Беглый осмотр внешности слегка расстроил... Косметику смыть придется в ноль, чтобы не выглядеть полной... Обой-

демся без определений. Потому что, как ни убеждай себя, а легким поведением я только что отличилась. Но это дело мое, и других не касается. Пусть все лесом идут.

С волосами тоже творится что-то ужасное... Еще бы, ими так активно подметали диван, подлокотники, полу, кажется, тоже немного досталось... Расчесывать бесполезно – застряну до вечера. Собрала в пучок. Вернее, его подобие.

Чулки, как ни странно, остались целыми. Даже зацепок нет. Вот что значит, дорогостоящий бренд. Хотя, лучше снять и выкинуть, поменяв на запасную пару.

А юбка с блузкой... мда... останется лишь поплотнее запахивать кардиган, не забыть бы о нем на выходе. Куда уж там, теперь не забуду.

Ну, вот и все. Спину держим прямо, нос повыше, шаг от бедра. Главное, с дрожью в коленях справиться.

– Ну, все. Я пошла. Спасибо.

Он уже сидел в кресле, расслабленный и довольный, лениво затягиваясь какой-то безумно ароматной сигаретой. Классика, мать твою...

– Что? Даже не останешься на кофе?

– Нет. Час закончился.

Гадкая усмешка. Да. Очень двусмысленно вышло. И пусть.

– Как знаешь...

Да так и знаю.

Все. Дверь захлопнулась, отсекая меня от этого страшного

и сладкого хищника. Навсегда.

Папочка с договором осталась лежать на столике.

Глава 1

Блаженное законное ничегонеделание... Мой личный, персональный, заслуженный рай. Который я наполняю кремовыми пирожными, заедаю свежими фруктами – только-только с базара: сочащимися, ароматными персиками, сладкой черешне; сезон клубники, похоже, заканчивается, но и её успела урвать и заесть сливками... И никто не звонит, ничего не требует... Можно целыми днями зависать на балконе, жмурясь, вглядываться, как солнце играет между листьями старого, очень густого клена... И плевать, что соседка недовольно косится, когда я закидываю ноги на перила. Мне так нравится. А соседку я, в скорости, больше не увижу. Ни-ког-да.

Не мешало бы, конечно, встретиться с подругами, предупредить о новости... Но вот уже целых три дня, как я не хочу никого видеть. Заслужила. Честно. Имею полное право на это счастливое одиночество.

Трель телефона. С каждым днем они становятся все реже. Жду – не дождусь, когда можно будет сменить номер. Но ... всего один разговор, а там уже будет можно.

– Здравствуйте. С вами говорит секретарь Янкевича. Кирилл Владимирович сообщил, что договор подписан. На ваших условиях. Можете подъехать и забрать.

Ха! Вот и он, долгожданный... Вообще-то, я думала, что

промурыжит неделю... Раньше спохватился, надо же...

– Спасибо. Я передам сотрудникам нашей компании, чтобы они забрали документ.

– Но... – Судя по тону, холодно-вышколенному ранее, и вдруг растерянному, такого ответа девочка не ожидала. Ну, что ж, случается. – Кирилл Владимирович очень четко сказал, что забрать его должен человек, который вел переговоры.

– Мне жаль. Но я не смогу подъехать. До свидания.

И первая нажала отбой. Пусть сама теперь трепыхается, я помогать не буду.

И я даже не стану засекаать время. Хотя... Почему бы и не засечь? Если все идет так, как я думаю, счет сейчас на минуты...

Ага. Целых тринадцать с половиной. Успела съесть всего три ягодки, и вот новая трель. Чуть не подавилась.

– Да.

– С вами сейчас будет говорить Кирилл Владимирович. Оставайтесь на линии.

Хотелось, ради шутки, спросить, кто это такой, да не успела... Так меня еще ни с кем не соединяли. Надо же, какой у него сервис, мать ети...

– Алло. Елизавета?

– Ёксель-моксель! Какая честь! Чем обязана? – Нет, я ничуть не издеваюсь. Ну, может быть, самую капельку...

– Ты знаешь поговорку "Язык мой – враг мой"?

– Очень даже. Только не про меня. Мой язык четко выговаривает именно те слова, которые требуется. Так чем обязана?

Пауза. Переваривает информацию. А еще – наверняка – пытается так построить фразу, чтобы звучала максимально ровно, без интереса и претензий. Сама такая же, сложно не понять.

– Я подписал договор.

– Замечательно. Я и не сомневалась в вашем слове, Кирилл Владимирович.

– Можешь придти и забрать.

– Ваш секретарь хорошо справляется с обязанностями. Я с первого раза все поняла. Не стоило тратить время на повторение...

– Отдам его только тебе. Лично в руки. Это последнее слово.

– А так мы не договаривались. О том, что забирать буду я, речи не было.

– Забирать его должна ты. И контактировать, в будущем, планирую только с тобой.

Ишь ты, понравилось ему "контактировать"...

– Я не имею права работать с этим документом.

– В смысле?

– В прямом. Я больше не работаю в этой компании. – Боже... Не устану повторять эту сладкую фразу... Не боялась бы показаться совсем свернутой, наверное, звонила бы всем

знакомым и хвасталась.

– В смысле? Они что, тебя уволили?

– Вот еще. Обижаете. Сама ушла.

– Тогда... Какого хрена?!

– Ну, я же женщина... Имею право на легкие капризы. Ну, вот... Можете считать это благотворительностью... Как вам будет угодно, так и думайте.

Тишина. Такая тяжелая, что даже из трубки повеяло холодом. Страшно? Конечно. Поэтому я скоро свалю из города, надеюсь, что насовсем...

– Хочешь сказать, что это ты меня поимела, так? – Пятерка за честность! И еще одна – за умение вслух признавать поражение.

– Я ничего такого не говорила. Вообще, не хочу обсуждать события прошлых недель.

– Неужто надеешься, что тебе это сойдет с рук?

– Странно было бы думать, что такой серьезный и занятой человек станет тратить время на какую-то безработную...

– Естественно. Ты права, Елизавета.

– Ага. Не смею задерживать. До свидания.

– Ну, быть по-твоему. Пока.

Отбой нажал первым. Сама не рискнула. Все же, инстинкт самосохранения до конца не умер...

Как-то скучно, вдруг, стало. И даже стрелять косточками по голубям неинтересно. А целых два дня этим развлекалась. Даже наметился прогресс, при моем-то, извечном, умении

скосить налево, иногда – направо...

Что ж, теперь осталось вынуть сим-карту и выкинуть. Жаль, слишком легкая и так далеко, как косточки, не летает.

А о чем тут, собственно, грустить? Я его обыграла. Ну, ладно, пусть будет "один-один". Он, ведь, тоже что-то с меня поимел.

Хотя, увольнение из конторы, которая готова была, не глядя, подложить меня под важного партнера... За одно это можно было бы искренне поблагодарить. Так бы еще сто лет маялась, а теперь – отрезало, на раз-два.

Так что, черт с ним, с таким самонадеянным. Не зря мне попался на дороге. Все к лучшему. Про секс вообще молчу: будет теперь, с кем новых избранников сравнивать.

Девчонки что-то пищали, в восторге от происходящего. Я тоже визжала. Не часто увидишь такой классный танец в мужском исполнении. Стриптизом "это" язык не повернется назвать. И никакой низменной похоти не вызывает. Чистый эстетический восторг: от красоты тел, от силы, мощи, слаженности движений... Да если бы они танцевали, закутанные в восемь слоев одежды, до самых ушей, визжала бы не меньше.

Ну, да. Если бы не пары алкоголя, то просто попискивала бы. Но в не меньшем восторге.

И вообще – мне сегодня все очень нравилось. И даже тоска от мысли, что долго не увижу подруг, временами накаты-

вала, но радости не омрачала. Я летала. Смеялась. Радовалась жизни. Отжигала на танцполе, не парясь, что кто-то меня узнает, и будет ужасный урон деловой репутации.

Нет у меня здесь никаких больше дел! И плевать мне с высокой колокольни на ту репутацию!

И какое, все-таки, счастье – делать ровно то, что хочешь, а не что требуется. И можно выглядеть малолеткой, в своих драных джинсах, футболке со стразами и кроссовках, и да, с дурацким хвостиком, а не приличной, подобающей положению укладкой. И пусть даже девочки мои, любимые и драгоценные, кривят нос от такого прикида, а мне в нем очень даже комфортно.

Ну, подумаешь, клеятся совсем юные парнишки... А какая разница кто и в каком возрасте пристаёт? Шанс у всех одинаковый: прямо и на выход. Особо непонятливым даже дорогу могу показать. В том самом направлении. Подруги лишь вздыхают, что никогда мне пару не подберут... А кто в клубах и кабаках ищет себе пару? С моим-то китайским везением только в темноте мужчин и выбирать, мало мне опытов при дневном свете...

Так, если только поржать... Но, в последнее время, такое веселье уже не прельщает...

А вот жесткие ритмы техно, транса, чего-то еще (какая мне, к бесу, разница, как это называть), все мощнее захватывающие танцпол – главное удовольствие, за которым сюда пришла. И уже не хочется никаких коктейлей – только гло-

ток воды, и уже не помнится, что подружки устали и затихли за столиком... Им скучно: такие танцы не позволяют плавно извиваться, стреляя глазками, прижиматься к мужскому телу или позволить ему обнимать себя... Короче, брачные игры под эту музыку совсем не играют. Эх, Нинки моей не хватает... С ней бы зажгли... Но она умотала в северную столицу и давно уже, там отрывается... А этим красоткам скоро наскучит, и они засобираются по домам. Поэтому – не отвлекаемся, Лизонька, и уходим в отрыв... А еще, в это время, думать хорошо получается. Кто бы догадался...

Долго "думала". Пока не поняла, что пора проветриться: полчаса в таком ритме, и не нужно никакой аэробики. Дыхание восстановить, да и остыть не мешало бы. Потом еще полчасика, и домой. Иначе, просто вынесут. Практически трезвую, но без ног. Хм, посмотрел бы сейчас на меня мой бывший генеральный директор... Обморок? Нет, скорее, инсульт ему был бы обеспечен...

В общем, не зря расстались: обоим пойдет на пользу больше никогда не видеться.

Выбрала паузу между двумя треками, аккуратно пробралась сквозь толпудвигающихся тел, махнула девчонкам, указав на коридор, ведущий к туалетам, чтобы не беспокоились...

В изолированной от звуков тишине дамской комнаты поняла, что почти оглохла, и ноги не держат... и видок – будто

марафонскую дистанцию на спринтерской скорости сделала. Все. Пора домой, в люльку. Во всем хорошем нужно знать меру. Вот она и настала.

Бросила девчонкам смс-ку "Встречаемся на выходе. Хочу домой" и неспешно побрела по затемненному проходу. На контрасте с ослепляющим светом и грохочущей музыкой, здесь, кажется, темно и глухо, как в склепе... Только далекие басы отдают вибрацией по полу и стенам...

– Ууу, какие цыпочки тут бродят... Сладкие и без охраны... Не хочешь пообщаться, цыпочка?

Блин. Вот за что не люблю такие места: вечно выныривают какие-то наглые, хамоватые мажоры...

– Боюсь, молодой человек, я давно не цыпочка. А для вас, так и вообще, бабушка-наседка. О чем нам с вами говорить? О размерах пенсий или ценах на вставные челюсти?

Порой, прокатывает такой вот снисходительно-усталый тон. Ему праздника хочется, а тут я унылая. Но не с этим.

– А может, я люблю поопытнее? – Ясно. Так же, как и он, я обозналась. Не так уж и юн. И ухмыляется совсем не пьяно. Развлечений ищет, причем осознано и целенаправленно. А такой классный вечер был...

– Простите, конечно, я бы и не прочь, да только вот... Справку из вендиспансера давно не обновляла. А оно вам надо, лишние проблемы со здоровьем?

Сейчас главное – рожу кирпичом, и по-быстрому бежать, пока он осмысливает и догоняет, о чем я, собственно...

– Хочешь сказать, мне теперь тоже нужно озаботиться на эту тему? – Черт! А этого откуда принесло? Какого хрена он делает в провинциальном клубе?! Подкрался откуда-то из-за спины. А тот, первый, куда-то слился. Подстава? Или просто почуял, что здесь водятся особи помощнее, и ушел, уступив дорогу более сильному?

Какая разница, в общем-то... Итог один: с Янкевичем придется разговаривать...

– Откуда мне знать, что у вас за заботы, Кирилл Владимирович... Желаю всего хорошего. Адью... – Все же, как радостно, что мне от этого товарища больше ничего не нужно, и можно даже не делать вид, что общение доставляет удовольствие...

– Постой. – Резко выставил руку, перегородив коридор. Странно. Раньше он не казался мне таким тесным. Развернулась и пошла в другую сторону. Хм... Ну, как "пошла"... Дернулась. Вторая рука, точно так же упертая в стену – и я взаперти. Не станешь же, в конце концов, брыкаться и царапаться, чтобы отпустил. И этот вариант могла бы попробовать, но... Что-то кожаное, прочное одето. Жалко ногтей. И так, весь маникюр к черту полетел, после предыдущей встречи...

– Стою.

– Так что там, насчет справки-то? – Он серьезно спрашивает, или издевается? Реально поверил в возможность что-то подцепить? Так меня еще ни разу не оскорбляли.

– До встречи с тобой я была абсолютно здорова. А теперь не знаю. Еще не обращалась к врачу.

– Шутить изволишь? Или такая дурная, все-таки?

– Как нравится, так и думай. Мне по барабану.

– Ты не заметила, что я предохранялся?

– Ой, Кирилл Владимирович, я тебя умоляю... Кожные заболевания передаются не только половым путем. И не только кожные.

– Ты доиграешься у меня... – Почти шипит, а сам все плотнее в меня вжимается...

Ну, да, конечно, есть веский повод: кто-то за спиной прошел...

И сейчас, как положено в дамских романах, моё тело должно предательски отреагировать. Ага. Ничего подобного. Мое тело до того устало от бешеных плясок, что просто радуется стеночке, на которую можно облокотиться. Хорошо стоим. Сзади – стенка, спереди – Янкевич. Можно даже расслабиться немного, физически. Расслабилась. Почувствовал. Понял, похоже, неправильно. Потому что напрягся.

– Слушай, вот что тебе нужно? Шел себе мимо, и иди. На кой тебе я сдалась? – И действительно: что ему потребовалось от такой вот меня: взмокшей, растрепанной, усталой. Еще и косметика потекла, а я не заморочилась на то, чтобы подновить – домой же собиралась.

– А я не мимо. Я за тобой.

– Боже мой, какие почести! В клубе все крошки отказа-

ли? Или поленился новую искать? Решил идти проверенным путем?

– Мне кажется, нам есть еще, о чем поговорить.

– А мне не кажется.

– Зря. Придется пару слов сказать. Или не пару.

– Хорошо. Только стоять в обнимку у дверей туалета – не лучшее состояние для общения. Не находишь?

Надоел уже, если честно. У него аура давящая, даже на расстоянии и на каблуках. А когда ты в кроссовках, и над тобой эта туша нависает... Все, что угодно, можно испытать, только не радостное предвкушение. И кто только пишет эти романы? Больше ни одного не стану читать. Только беллетристику.

– Согласен. Пойдем. – И очень так ненавязчиво взял под локоток. И в спину подталкивает. Нежно, но настойчиво. Примерно, как бульдог, который нашел под диваном любимую тряпку. И неважно, что хозяйка в ней видит свою лучшую блузочку. Тянет аккуратно, чтобы не порвать, но не отпустит.

Повел куда-то вглубь, я и не знала, что коридор так далеко продолжается...

– Чего оглядываешься? Кого-то потеряла?

– Амбалов твоих ищу, высокоинтеллектуальных. Куда дел?

– Они все рядом, не переживай.

Понятно теперь, что я не догадывалась о существовании

этой вип-комнаты: простым смертным знать о таких не положено. Лучше бы и дальше, конечно, не знать, да куда теперь денешься.

– Что будешь пить?

– Воду. Лучше газированную. И холодненькую. И побольше. – В горле першило давно, грех моментом не воспользоваться.

– А покрепче?

– Ну, можно чай... Только, тогда сладкий.

– Я имею в виду алкоголь.

– А... Нет. Его же нельзя мешать с колесами.

Брезгливо поморщился. Может быть, сейчас ему станет противно, он поймет причину моей неадекватности, и отпустит меня, с богом?

Пригляделся внимательно. Прямо в глаза.

– Врешь.

– Интересно, и как ты понял? По линзам и в темноте?

– Вижу, что придуливаешься.

– Молодец, разгадал. Так что тебе нужно?

– Разъясни.

Водички мне, все-таки, заказал. И себе что-то. Невесть откуда взявшийся официант дал немного времени на подумать.

– Ну, расскажи мне причины своих действий.

– Каких? Я за последнюю неделю чего только не сделала.

– Не дури. Что ты творила, не относящееся ко мне, совер-

шенно не интересно.

Хм... А у меня вся последняя неделя, так или иначе, связана с ним. Благодаря ему уволилась, начала искать работу в другом городе, договорилась с Ниной, чтобы начала при-
сматривать квартиру или комнату для меня... Прямо-таки, путеводная звезда в моей жизни.

Однако, рассказывать о том Янкевичу не буду. Еще возгордится...

– Задай конкретный вопрос.

– Окей. Зачем ты это сделала?

– Что именно? Переспала с тобой? Ты об этом?

– Да. – Удовлетворение на лице. Мрачное такое. – Я верил в твою сообразительность.

Снова официант. Принес ледяную бутылку. Что-то кру-
тое, не банальная "БонАква"...

– Не отвлекайся, говори.

– А в чем суть вопроса? Ты же сам потребовал. Если пе-
реводить на официальный – намекнул.

– Ты же уволилась. Могла вообще не приходить.

– Вот смотри. Ты, за каким-то хреном, выловил меня
здесь. Надеюсь, это случайное совпадение?

– Угу. – Не поймешь, подтвердил или отрицает.

– Что тобой двигало?

– Сейчас не я, а ты на вопросы отвечаешь.

– Хорошо. Любопытство. Правильно? Ой, не надо хму-
риться. Что еще может быть? Неземная любовь резко вспых-

нула? – Непроницаемое, как стена, лицо. Еще бы, в такой гадости заподозрили... – Вот и я думаю, что любовь нужно вычеркнуть. Остается простой исследовательский интерес.

Помолчала, делая глоток, чересчур глубокий. Не слишком ли далеко захожу? Все-таки, из бандитской породы, не смотри, что вид вполне себе приличный.

– Вот и у меня. Тоже любопытство...

– В каком смысле?

– В прямом. – И замолчала. Если умный – поймет без расшифровок. По мне, так все должно быть ясно и так. – А больше водички нет? В этой бутылке закончилась...

– Куда в тебя столько влезает? – Но, спасибо, нажал на кнопку вызова...

– Всего-то пол-литра... А знаешь, сколько из меня жидкости испарилось, пока танцевала? Если не восполню, то резко начну стареть. А мне не хочется.

Он поморщился:

– Избавь от подробностей. Я жду пояснений, все-таки... – Черт. Зря надеялась на понятливость.

– Так я ж сказала: простое человеческое любопытство. Которое, вместе с ленью, двигает прогресс и толкает цивилизацию в пропасть. Вот и всё.

– И что же конкретно тебе хотелось узнать?

Вот теперь настала моя очередь ухмыляться – свысока и порочно. Опасно, конечно, однако, парнишка в подходящем настроении... Глядишь, и пронесет...

Окинула взглядом с ног до головы, потом обратно, максимально загадочно поиграла бровями... Ну, старалась, во всяком случае, чтобы выглядело загадочно...

– А может, мне просто хотелось? Фаза луны такая – очень требовалось для здоровья. И тут очень удобный случай. Даже не нужно искать...

– А при чем здесь тогда любопытство?

– Согласна. Эта отмазка не прокатывает. Дай мне минуту. Еще одну сочиню. Я просто устала сегодня очень. Плохо соображаю. Сейчас придумаю.

– А если не выдумывать? А просто правду?

– А почему тебя это так волнует? С тобой ни разу еще никто просто так не... Ладно, без грубостей обойдемся... В первый раз, что ли, у тебя был секс просто так, а не по обязанности? Я сейчас разочаровалась, вообще-то...

– Это почему же?

– Ну... как... Я думала: "О, боги! Какой лакомый кусочек! Его же все хотят и любят! А мне, простой смертной, даже рядом постоять – нужно в конец длиннющей такой очереди..." И тут – секс. На халяву. Надо брать, не думая. Вдруг, такого шанса больше не обломится? Ну, и ухватила за шанс...

– Прямо так и ухватила? – Развеселился. Конечно, столько меду на самолюбие только что пролила.

– Ага. – Вздыхнула, как можно горестнее. Очень натурально вышло. Все же, я очень устала. И от вечера, и от разговора. – А теперь, оказывается, что халява эта никому, кроме

меня, не нужна... Лопухнулась я, в общем.

– Издеваешься по-тихому, да?

– Нет. Я просто расстроилась. Имею же право? А признавать свои неудачи – это вообще, очень больно...

– Значит, говоришь, неудача? Поэтому прячешься? Стыдно смотреть? – Что-то не слышу в голосе ни обиды, ни расстройства. Конечно, ему железобетонную самооценку годами строили и укрепляли. Попробуй пошатнуть.

– Конечно. Думала – сделаем все по-быстрому, разойдемся по сторонам, и это маленькое приключение навсегда забудется. А ты никак не угомонишься. Вот что ты пристал ко мне? Как будто бы девицу невинную чести лишили.

– Не люблю ощущения, что меня кто-то поимел. В любой форме.

– Друг мой. Ничего, что так фамильярно? Хочу напомнить: все было по доброй воле, по твоему настойчивому требованию, и, если не ошибаюсь, стороны разошлись, взаимно удовлетворенные. В чем проблема-то?

– Да я сам не знаю. Нужно проверить.

– Вот лучше так и скажи, что тебе скучно в чужом городе, девочек искать некогда, проститутками брезгуешь, и тут я удачно подвернулась. Во второй раз. Не так?

– Почти угадала. И мне, действительно, скучно. А ты забавляешь. Наверное. Пока не понял.

– Лучше скажи, что слегка раздражаю. Непривычный вкус на фоне общего поклонения. Давай уж прямо, я не расстро-

юсь. Предпочитаю честность.

– Вот поэтому и забавляешь.

– Это, конечно, круто все... Но я, действительно, устала. Домой хочу. А вместо этого – тебя забавляю. Целые полчаса, причем – заметь мою щедрость – совершенно бесплатно. Мама дорогая! – Опомнилась, полезла в сумку. Куда ж я телефон закинула? – Меня там девчонки уже, наверное, обыскались...

– Это троица, что сидела с тобой за столиком? – Значит, не показалось, не случайно мы у туалета встретились.

– Да. Откуда ты знаешь?

– Я знаю практически все и про всех в этом городе. Если и не знаю о чем-то – это вопрос времени... – Голос ленивый, но угрожающая сталь очень явно проскальзывает.

– Здорово. Мне нужно бежать. Они волнуются.

– Они уже спокойно добрались до дома. Последнюю доставили минут пять назад.

Да что ж это такое?! До какой степени я вляпалась?

– С твоими гориллоподобными? Конечно, спокойно. Сейчас корвалол хлебают, целыми пузырьками.

– У меня работают не только, как ты говоришь, гориллы. Есть и вполне обаятельные парни. Все хорошо у твоих друзей.

– И почему я тебе сейчас не верю? – Спокойствие. Только спокойствие. Никак нельзя показывать, что вот теперь я реально волнуюсь.

– Не имею понятия. – В облике заносчивого уroda промелькнуло что-то человеческое. Улыбается? Точно. Маньяк, неизвестного науке сорта. – Я пока не давал для этого повода.

– Значит, нужно проверить.

– Да ради Бога! Звони. – Он откинулся на спинку дивана, вытянул ноги, голову склонил. Зритель в кинотеатре. А я, похоже, единственный актер, который сейчас изобразит комедию. Козел.

– А ты подслушивать будешь, что ли? Это неприлично.

– Неприлично спать на деловых встречах с незнакомыми мужчинами.

Говорю же – козел!

– Так же, как неприлично склоняться к сексу деловых партнеров-женщин. И вообще, что ты заиклился на этом вопросе? Трахнулись и забыли.

– А может быть, я хочу повторить?

– Здравствуйте, приехали. Для этого нужно было ходить столько времени вокруг да около? Сразу бы и сказал. А я тут мучаюсь, не могу понять, в чем дело...

Как-то я даже немного забыла про подруг... Нет, конечно, такие догадки тоже проскальзывали... Однако... Почти растерялась.

– Ты же прекрасно все поняла: мне скучно. Думал, как быстро сама догадаешься. Не вышло. Пришлось пояснять.

– Слушай, а с какого перепуга я должна тебе стать бес-

платным развлечением? Найди специально обученных людей, с ними играй в свои игры.

– Ты сама на это подписалась, дорогуша. Теперь никуда не денешься. Слишком забавная.

– Круто. А если не соглашусь? Может быть, мне совершенно не хочется с тобой общаться?

– Ага. Поэтому ты с таким удовольствием хамишь.

– Защитная реакция. Стараюсь тебе не понравиться. Чтобы отстал и забыл.

– Снова обманываешь. Делаешь все, чтобы запомниться.

– Я делаю все, чтобы ты понял: твоя персона не у всех вызывает преклонение и обожание. Не по адресу обратился.

– Думаешь, у кого-то вызывает? И много у меня поклонников и поклонниц?

– Уже не знаю. Разочаровал ты меня. Не нужно было, действительно, связываться.

– Значит, будем очаровывать. Иначе, в сердце моем останется незаживающая рана.

– Тоже дамские романы читаешь? Или сериалы смотришь?

Расхохотался.

– С чего ты взяла?

– Нормальные мужчины такими словами не разговаривают. У них сердце – это орган, который перекачивает кровь. И раны бывают на нем от огнестрелов или от холодного оружия. Ну, может быть, от чего-то еще, не разбираюсь... И ра-

ны эти, как бы, не остаются. От них помирают. Значит, ты не нормальный мужчина, если такими фразами думаешь, или нахватался.

– А если я классику в детстве читал?

Видимо, недоверие на моем лице отразилось чересчур уж явно. Янкевич и классика? Ну-ну...

– Не веришь? Хочешь, диплом покажу? И аттестат с отличием?

– Ты его с собой вместо паспорта носишь? Ну, правильно: паспорт тебе не нужен, и так все в лицо должны знать, а вот диплом... Конечно, с этим сложнее.

– Слушай, а ты не хочешь поужинать? – Что ж, надо отдать должное умению товарища сбивать с толку. Твердые пять баллов.

– Это от темы так уходишь?

– Нет. Реально, аппетит разыгрался. У тебя, по идее, тоже должен бы. Столько калорий потеряла.

– А ты считал? Тебе не все ли равно до моих калорий?

– Нет. Не считал. Просто видел, как тебя весь вечер колбасило.

– Да ты что?! Глаз не мог оторвать, что ли? Так весело было смотреть?

– Глаза отрывал, но все равно заметил.

Вот так. Только хотела поставить плюстик к своей самооценке, и тут же обломалась. Хотя, и не очень-то нужно. И так, порой, зашкаливает...

– Ну, заметил, и что? – Глупо, само собой, но гордость настаивала: " ну, давай, начинай уже отвечать комплименты!". Я же девушка, в конце концов. Мне комплименты нравятся. Пусть и такие – полученные насильственно.

– Ничего. Вспомнил, что осталась к тебе парочка вопросов.

– Ну, я же ответила на все? Может быть, на этом стоит сказать друг другу "адью"? Или, как сейчас принято: "давай, до свидания"... – Нет комплиментов, тогда и говорить не о чем. Буду я тратить время... – Я спать хочу.

– А перекусить?

– Тоже хочу. Но это не твое дело.

– А как насчет чего-нибудь очень вкусного? – Так он это аппетитно сказал, что в желудке противно засосало. А дома, в холодильнике, только остатки черешни. Я же не предполагала, что мне что-то еще потребуется, в ночи.

– Хм... Даже не знаю, чем таким ты сможешь меня заинтересовать... – Вообще-то, конечно, жареная картошка с мясом – и я бы уже согласилась. Но я же в этом только сама себе признаюсь.

– Пойдем. Чем-нибудь удивлю.

– Никуда я с тобой не пойду. Можно и здесь поужинать.

– Здесь отвратительно готовят. Хочешь испортить желудок? В другой раз, без меня.

– Ну, иди тогда. А я останусь.

– В отеле прекрасно готовят. Любое блюдо, даже то, ко-

торого нет в меню, сделают по заказу. Шеф-повар из кожи вылезет, но приготовит по лучшему разряду.

– Понятно. – Разочаровал. – Ты меня позови еще посмотреть коллекцию этрусских ваз. Или собрание бумажных фонариков эпохи Цзы.

– Про фонарики не слышал ни разу. А чем тебя вазы не устраивают?

– Во-первых, тем, что я в них ни черта не пойму. А во-вторых, откуда в гостиничном номере эта коллекция возьмется? Ты её с собой по всему миру таскаешь?

– Я смотрю, ты неплохо осведомлена о моей жизни.

– А то! – Вот теперь уже заслуженно погордилась. – Я ко всем встречам готовлюсь заранее.

– Да ну? Даже к сегодняшней?

– К тем, которые планирую, имелось в виду.

– Допустим, что убедила. Ну, так что? Поехали?

– А можно мне еще немного повыделываться? В конце концов, я приличная дама. Мне нужно подумать, а тебе – поугovarивать. Так что, давай – начинай молить. Хотя, если честно, до сих пор не пойму, зачем тебе это надо. Давно бы уже себе девочку снял, поимел прямо здесь, а меня отправил восвояси. Мог бы даже и не подходить.

– А ты всегда такая?

– Какая?

– Циничная.

– Я тебя умоляю! – Вот сейчас обидел, почти. – Я сейчас

очень мягкая и пушистая. Весь цинизм дома оставила.

– Почти поверил.

– Вот и здорово. – Немного выждала. Театральная пауза. –

Ну, давай, начинай.

– Что?

– Умолять. Чтобы я потратила на тебя еще час своего времени.

– Послушай, женщина. Я же могу резко изменить настрой. И тогда уже ты будешь умолять, чтобы я на тебя время не тратил, а восвояси отпустил.

Вот так. Шутки шутками, а стоило зацепить посильнее и из мягких, ленивых лап тут же показались когти. Острые такие. Пара металлических нот в голосе.

– Ну, и нафиг ты тогда комедию ломал? Прикидывался добреньким... Сразу бы сказал, что ты засранец, и плевать хотел на мои желания и мнения...

– А разве ты не считала меня засранцем с самой первой встречи? Я ж по глазам вижу: сидишь, гадаешь, в чем дело, что со мной произошло?

– Ну, да, не могла понять, какой ты белены объелся. Ждала немного другой реакции на все.

– Как видишь, не тебе одной дано удивлять поведением.

– Ты не удивил, а насторожил. – Еще раз пожалела, что продолжила разговор. Не выйдет ничего хорошего из этой встречи.

– Значит, не такая безбашенная, как хочешь казаться.

Ладно, вставай, чем позже отсюда уйдем, тем позднее поужинаем.

– Точно вариантов нет? Ты можешь отдельно от меня, какой смысл переводить на меня продукты, если все уже обсудили?

– Твоя настойчивость похвальна. Я даже начал понимать, как, с таким характером, ты смогла дорасти до своего уровня в этой конторе...

– Тогда, наверное, понял, и почему ушла.

– Наверное. Ну, что, подъем?

– Черт. Умеешь ты уговаривать, Кирилл Владимирович. Даже не знаю, как отказать...

Ничего не ответил, только дверь открыл и кивнул приглашающе. А я-то надеялась, что выйдет, не оборачиваясь. Не то, чтобы искренне верила в шанс улизнуть, но... надежда, она такая, живет себе и живет...

Нас провожали. Те, кто стоял под дверью, пока мы мило беседовали. И тот хмырь, что задержал возле туалета, тоже провожал. Еще и подмигнул, зараза такая. Ну, я скривилась и показала язык. Имею полное право – он мне никто, можно не париться о впечатлении. А если за дуру примет, оно и к лучшему.

Что-то большое и черное уже стояло напротив выхода.

Мне открыли переднюю пассажирскую дверь. Удивили. Еще большее удивление – от того, что он сам сел за руль.

– А как же водитель? Тебе же по статусу не положено...

Падаешь в моих глазах... Я-то думала, у вас тут все, как в кино, про больших мальчиков...

– Сейчас могу себе позволить. А днем с водителем катаюсь. Нужно выбирать – или дела, или дорога...

– Так это же опасно... Дядя твой, я слышала, тоже за рулем был, когда его...

– Застрелили?

– Угу. – Неважно, что он был бандитом. Я такие вещи вслух произносить не люблю. Не нравятся они мне.

– Если захотят, и на заднем достанут. И даже в туалете. Охрана и водители – так, для приличия больше. Дополнительные жертвы в таких случаях.

– Очень интересно слушать про такие подробности. Только вот, меня сейчас больше волнует, что я нахожусь в этой машине, а ты за рулем. А жить хочется.

– Не волнуйся. Сейчас все вокруг спокойно. Дядя влез туда, куда не стоило. Нужно края видеть. А я их вижу.

– Ой, ну всё. Мне теперь очень полегчало. Прямо камень с души...

– Главная опасность для тебя сейчас...

– Знаю. Ты сам, собственной персоной. Ничего, что перебила?

– Ничего.

Он замолк на время, внимательно следя за дорогой: пятница, ночь, идиотов на дороге хватает, светофоры моргают оранжевым. Опаснее, чем днем, в час пик...

Подружки на СМС-ку дружно ответили, что все у них замечательно, почти уже спят. Каждая, при этом, пожелала удачного свидания. Катька наехала, что могла бы и рассказать про встречу со школьной любовью...

Капец. Приехали

– Что вы девчонкам наплели?

– Понятия не имею. Этим Сашка занимался. А что? – Короткий взгляд в мою сторону, и снова – на дорогу.

– Да они уже почти благословили меня на счастливую семейную жизнь!

– Ну, и что в этом такого страшного?

– Ничего. Я должна знать, в каком ключе отмазываться.

– Неужели, не сможешь придумать?

– Выдумка тоже должна быть логичной, чтобы поверили.

Запытают, и на нестыковках проколюсь.

– Тогда расскажи правду.

– С ума сошел?! Официальная версия моего увольнения – то, что я отказалась делать то, что от меня потребовали. А теперь я должна признаться, что все было наоборот?

– Это же твоя жизнь, почему ты должна отчитываться?

– Не так много друзей осталось, чтобы их расстраивать...

– Хорошие друзья поймут.

– И эти поймут, но все равно расстроятся. Решат, что совсем с котелком проблемы. Начнут докторов искать, промывать мозги самостоятельно... – Я уже представила эти душещипательные разговоры за бокалом чая, или за чашкой ко-

ньяка. Передернуло уже сейчас.

– Ну, твое дело. Потом уточню у Сашка, что он сочинил.

– Это не тот обаяшка, что зажимал меня в коридоре?

– Не слишком и зажимал. Ровно на столько, на сколько было позволено.

– Почему-то, я даже не удивлена...

Немного помолчали. И тут меня осенило:

– Послушай, Кирилл! – Видимо, слишком эмоционально: резко затормозил. Тут же замигали сигналками две тачки – явно, сопровождение. Бедолаги, нервничают, а тут просто я слегка перегнула с громкостью.

– Да?

– Это мы сейчас приедем, закажем, и еще минут сорок ждать придется? Время – первый час ночи... Может, в какой-нибудь фаст-фуд заглянем?

– Черт. Я думал, у тебя что-то горит. Ждать не придется. Уже все заказано. Будет готово к нашему приезду.

Я сглотнула. Это как понимать?

– Когда успел-то?

– Когда увидел тебя в клубе. Ребята сообщили, когда мы выехали. Все просто.

Польщена. Несомненно.

– То есть, все эти разговоры были так просто, для отвода глаз?

– А заткнуть тебе рот и закинуть в тачку – было бы лучшим выходом, так, что ли?

– Твоя тактичность безгранична. Ценю. Затываюсь.

– Да ладно уже, говори. Пока разрешаю.

Разрешает он... Надо же, какая душевная щедрость. Просто границ не знает.

Уткнулась в телефон. У меня там куча уровней в новой игрушке не пройдена. Вот и займусь.

– Ну, и что ты молчишь? До этого активно разговаривала...

Пожала плечами.

– А смысл?

– Действительно. Только, я думал, что ты никогда не оставишь ни за кем последнее слово. Знаю таких, неугомонных.

– Слава богам, еще в детстве избавилась от этой привычки. Иногда молчать полезнее. – И безопаснее, несомненно. Тут и договориться можно, не знаю, до чего.

– Что ж, приятно видеть крупницы здравого смысла.

– Специально заводишь, да? Развлекаешься? – А вот фигушки тебе. – Зря. Абсолютно с тобой согласна: мой мозг совершенно нездоров, раз я с тобой связалась.

Ухмыльнулся, мотнул головой, но промолчал. Вот и хорошо. А то я сбилась из-за него, уже два раза. Будет обидно, если ничего не смогу пройти.

– И что ты нашла в телефоне, такого увлекательного? – Ну, вот. А говорят, что женщины не способны переносить долгое молчание.

– Смс-ки пишу, чтобы знали, к кому обращаться, если я

без вести пропаду.

Снова – удар по тормозам.

– Да что ж такое-то? Я так без зубов останусь! Думай, что делаешь.

– Отдай телефон!

Ой. Видимо, перестаралась, дергая тигра за усы. Нужно выворачиваться. Он очень зол – вон, губы сжал, ноздри раздуваются.

– Не отдам. Если бы я это сделала, ни за что не стала бы тебе сообщать. – Хотя, идея неплохая: такими темпами, можно и заиграться.

– Ты же не хочешь, чтобы я сделал это насильно?

– Не хочу. Ты прикинулся цивилизованным – вот и продолжай держаться намеченного курса. Жизнь мне испортить ты сможешь и другими способами, ни к чему еще и грабежом заниматься.

– Ладно. Твоя взяла. В следующий раз думай, что говоришь. Могу не сдержать рефлекс, ты же и пожалеешь.

Да я уже сто раз пожалела, что мы вообще знакомы. И что теперь? Пойти утопиться? Ни за что. Слишком некрасивый и скучный способ.

Злость Янкевича по-тихому остывала, но до конца не ушла. Даже обрадовалась, когда впереди ярко засветился парадный вход отеля. Находиться в замкнутом помещении с раздраженным мужиком – то еще удовольствие. И не важно, что раздражение это сама же и вызвала. Я к нему в пассажи-

ры не напрашивалась.

– Выходи. Прибыли.

Будто сама не поняла. Выпрыгнула из тачки. Со всей изящностью, которая возможна в кроссовках и джинсах. Короче, как молодой сайгак. Видимо, так подумал служитель, метнувшийся от дверей, чтобы отогнать машину на стоянку. Ну, прости, чувак, я знаю, что из этого крокодила должны аккуратно высовываться, по очереди, бесконечно длинные стройные ноги на безумных каблуках и в мини-юбке. А тут я – картинку испортила. В жизни огорчения и пострашнее бывают.

Кирилл заметил, что я усмехаюсь собственным мыслям, дернул бровью, но ни о чем не спросил. Видимо, продолжил бороться с раздражением. Уважаю. Не все способны.

Подъем в лифте, как я ни мечтала, надолго не затянулся. Двери номера услужливо распахнулись, стоило только раз прикоснуться к ним электронным пропуском. В общем, ни одной технической заминки по пути в логово зверя. А я так надеялась, что все в этом гребаном отеле, перешедшем в собственность Кирилла Владимировича, неожиданно заклинит. Хотя, о чем это я? Если верить непроверенным источникам, ему в наследство половина города отошла. Само собой, не по документам, а по правилам, царствующим в их, когда-то далеко от меня мире. Как бы хотелось, чтобы и дальше он оставался таким же далеким...

Ясное дело, приемная, в которой мы тогда общались,

только для посторонних. Меня провели в другое помещение, не менее помпезное, но более закрытое. Вход в него я и не заметила в прошлый раз.

Даже пришлось разуваться, глядя на хозяина. Вот бы я поржала, если бы он тапочки предложил. Как в лучших домах Европы... Что-то мысли мои по сторонам бродят. Не к добру. Сейчас лучший стиль поведения – заткнуться и не отвечать лишний раз.

– Располагайся. Ужин сейчас привезут. – Кирилл направился к очередной двери. Похоже, спальня. А может быть, и гардероб. Ни за что не подумала бы, что у нас в городе в гостиницах есть такие "сложные" номера. Хотя, было бы странным останавливаться в отеле собственного города... Это вообще первый случай, нужно сказать.

– Ой, а можно твои журналы посмотреть? – Это я бросила вслед удаляющейся спине. Сама уже зарылась в стопку свежёхонькой прессы – руки чесались, так хотелось прочесть.

– Там нет никаких "Космо", "Даш" и прочей хрени. – Презрительно хмыкнул. А чего хмыкать-то? Мне вот интересно, откуда познания в области женской макулатуры? Мальчикам не положено такие названия помнить. Девочкам, в принципе, тоже не очень полезно, однако...

– Вот еще. Я все свежие выпуски еще вчера в интернете прочитала. А вот "Деньги" в сети не выкладывают. Или не полностью. А я подписку забыла продлить. – Вру, конечно. Только вчера собственноручно закрыла. Нечего засорять

почтовый ящик. А родители это читать не будут. Их мозги, тем более, пачкать не стоит. Я же заботливая дочь...

– Ах, вот оно что... На сколько я помню, у "Коммерсанта" был собственный сайт. На нем – все их издания.

– Слушай, просто признайся, что тебе жалко! Охренеть! Какой-то несчастной бумажки с буквами пожалел для де-вушки...

– Да читай, ради Бога... Что ты заводишься? – Ого. Кирилл-свет – баткович растерялся. Знала бы раньше, чем огорошить – давно бы пользовалась вовсю. – Откуда ж мне знать, что женщины такие вещи читают.

– Ну, конечно. По твоему мнению, в какой-нибудь "Лизе" для девочек дают советы, как правильно снизить арендную ставку? Или, может быть, ситуацию с безработицей описывают? Нет, может быть, всё это в них есть, но я давно не заглядывала. Некогда.

Я уткнулась в журнал, а он вышел. Молча. Надо же. Это что сейчас было? Два – один? Или два-два? Черт. Надо счет вести повнимательнее. А то выиграешь и не заметишь.

Кирилл бродил по комнате, что-то делал, я не отвлекалась. Какая мне разница, чем занят Кирилл, если я жду ужин? А его все нет и нет?

Стоило об этом подумать, как раздался стук в дверь. Конечно же, официант. Как в кино: с полотенцем через руку, с тележкой, заставленной какими-то тарелками, блюдами с крышками, бутылками... В общем, я испугалась:

– Это все – нам?

– Понятия не имею. Я заказывал несколько блюд.

Наблюдать за происходящим действием было очень любопытно. Я такой сервис видела только в сериалах, нежно любимых маменькой. В детстве вместе с ней смотрела. И представляла, как я когда-нибудь окажусь в таком же номере. Ну, оказалась, и что? Никакой радости. Только чрезмерная угодливость официанта бесит. А еще – неприкрытое ничем любопытство во взглядах, которые он бросает исподтишка.

Естественно. У хозяина в номере сидит какая-то нелепая птаха. Что забыла-то? Каким её ветром занесло? Завтра всему персоналу гостиницы будет о чем поговорить.

Честно дождалась, пока этот товарищ свалит. И даже, как приличная, смотрела, как Кирилл, по-джентльменски, снимает крышку с блюда. А потом не выдержала:

– Что. Это. Такое? – Нет, само собой, я знаю, что это лежит, но какого ж хрена?

– Устрицы. А что? Никогда не встречала? – Индюк самодовольный. – Ну, естественно, кто их ест, в вашем захолустье...

– А ты их с собой, что ли, возишь, в отдельном чемоданчике?

– Нет. По заказу доставили.

– Ты крут. Признаю. Но есть их я не буду.

– Почему? Свежайшие.

– Именно поэтому. – Недоумение в глазах. Такое. Искрен-

нее. Как бальзам на сердце.

– В смысле?

– Они живые!

Он отложил в сторону приборы. Нагнулся ко мне через стол.

– И что?!

– Их нужно убить, а потом съесть! Это же противно, как ты не понимаешь!

– Ты что, вегетарианка? Мясо не ешь? Сразу бы предупредила. Я бы тебе капусты заказал. С морковкой.

– Я не козел. Траву не ем. – Снова удивление. – Господи, это цитата из мультика. А еще умные журналы заказываешь.

– Не вижу связи.

– Я тоже. Но устриц есть не буду.

– Тогда – что? Рыбу?

– Нет. Бифштекс хочу. Средней прожарки. Можно даже не мраморный. И с овощами гриль.

Он откинулся на спинку стула, уже откровенно разглядывая.

– Мясо – да, устрицы – нет. Какая логика?

– Женская обыкновенная. Так что, бифштекс закажешь? Или я домой пойду?

– Черт! Теперь и мне этих моллюсков не хочется... А домой ты пойдешь, когда отпущу, не раньше.

– Удивил, можно подумать. Не сомневалась.

– А зачем спрашиваешь?

– Ну, попробовать-то можно?

– Я вот задумываюсь, как твое начальство, наверное, радо, что избавилось от заразы...

– Конечно. Если не учитывать, сколько эта зараза принесла им бабла за три года, и сколько на ней сэкономили...

– Хм... Я слышал немного иную версию...

– Твое дело, кому из нас верить. Мне уже не важно.

– Ладно. Закажу нам по бифштексу, а ты пока ешь салат.

– А он-то хоть съедобный? В нем ничего не зашевелится?

Поперхнулся, бедный. Надо же, какие мы брезгливые... Сразу видно, в нормальной общаге не жил... Не приспособленный.

– Закрой рот, пожалуйста. Нет, совсем не закрывай. Просто ешь. Молча. – Кажется, улавливает, что в словах нужно быть точным. А я уже приготовилась демонстрировать абсолютно закрытый рот. Жалко.

Салат, как ни странно, оказался вкусным. Очень вкусным. Почти божественным. Или я просто очень проголодалась. Но Кирилл добился-таки, своего: я заткнулась и наслаждалась. Пирамида Маслоу, будь она неладна... А мне когда-то хватало ума кому-то доказывать, что это неправда, и в человеке важнее сознание. Ага.

Кирилл, к сожалению, еде уделял недостаточно времени: все больше посматривал на меня, чему-то опять ухмылялся. Вот интересно, он умеет нормально улыбаться, или только губы кривит? Может, у него там какая-то мышца не работа-

ет, потому и скалится так неприятно? В общем, рот был занят, а голова продолжала генерировать совершенно нелепые идеи. Вечная проблема, не лечится ничем.

– Будешь вино?

– Я же сказала, алкоголь нельзя...

– Я помню. Нельзя смешивать с таблетками. Обманываешь. Ты выпила несколько коктейлей.

– Да они слабенькие совсем! Стоп. Ты и за этим следил?

– Ага. – Ему явно нравится наблюдать за тем, как меняется выражение на моем лице. Тоже нравится меня бесить. Это становится еще интереснее. Буду следить за мимикой.

– Зачем?

– Мои парни, если собирают информацию, то собирают все, что возможно. А там уже я решаю, что полезно, а что – нет.

– И в чем эта польза заключена, расскажи, пожалуйста?

– Ну, хотя бы в том, что ты реже будешь мне врать.

– Я, в общем-то, рассчитываю, что врать совсем не придется. Сейчас расстанемся и больше никогда не встретимся.

– А это уже не тебе решать. Может быть, и не встретимся.

– На кой ляд я тебе сдалась? Хотя, прости... Я этот вопрос уже задавала. Неоднократно. Ладно, буду считать, что воспылал неземной любовью. А так как не знаешь, как правильно добиться снисхождения девушки, удерживаешь насильно. Пусть будет так.

Он молча налил вино в бокал. Сверля глазами. Пусть

сверлит, у меня от этого лишние дырки в голове не появятся. А если и будут, не страшно. Все равно, через них вытекать нечему. Последние мозги, видимо, растеряла, когда решила связаться с этим упырем. Любопытство, черт его раздери за ногу.

– Пей. – Протянул бокал, а сам встал и ушел куда-то мне за спину. Ясно, телевизор включил. Экран не видела, но слух зацепился за что-то, связанное с процентными ставками. Как зацепился, так и отстал: голос новостного диктора сменился бубнежом про жизнь водоплавающих. Что за дурная привычка переключать каналы?!

– Верни, пожалуйста, на самый первый канал.

– Ты хочешь биржевые сводки в час ночи послушать? Окстись, зачем тебе это?

– Нет, давай, лучше "Дом-2" посмотрим... Поучимся у людей, как себя правильно вести...

– Он уже закончился.

– Да ладно? Ты в курсе, когда его показывают? Слушай, прости, но я разочарована... Очень.

– Я вообще много чего знаю, не очень нужного. А ты пей, пей. Немного расслабишься.

– Хорошо. – Нужно отдать должное – вино дивное. Вкус, аромат, букет, неважно, как его там еще оценивают... Ради только этого можно было в гости зайти.

– Ну, тебе тоже не помешает. Налей и себе. А то, что это за несправедливость – я расслабленная, а ты напряженный?

– Тебе так кажется? – Он отстал, наконец, от пульта. Поймал музыкальный канал, что-то ненавязчивое. Пипец. У нас что, романтик намечается? В лучших канонах всемирного мозгопромывательного женского теле-, видео-, радио- и прочего чтива? Я теряюсь.

Облокотился на спинку кресла. Терпеть не могу, когда кто-то стоит сзади. Наверное, память пещерных предков... А он, как будто так и надо, отобрал у меня бокал, отхлебнул немного, посмаковал...

– Недурно. – Сделал еще глоток, вернул мне посудину в руки. Что ж, зачет по непредсказуемости можно поставить. Как-то не вяжется поведение с образом brutального делового независимого мачо. Что он там задумал, интересно знать?

– Здесь что, с посудой проблемы? Налей в свой и пей, сколько влезет. Терпеть не могу таких вещей.

– Жадная?

– Нет. Просто не люблю делиться.

– Это не одно и то же?

– Нет.

– Ну, тебе знать лучше. Я тоже не люблю делиться. Ничем.

– Очень за тебя рада... – Договорить не дал. Обхватил руками подбородок, заставил поднять голову, посмотреть наверх. Очень оригинально. Еще немного, и можно шею свернуть.

Что-то мне взгляд Кирилла совсем не нравится. И то, как большими пальцами скулы обводит, тоже не устраивает. Кос-

нулся краешка губ, заставив непроизвольно облизнуть их. Сам облизнулся, как большой, наглый кот. И глаза... Что-то в них прячется, этакое, под опущенными веками...

Мы сейчас целоваться будем? Ни черта ж себе! Я к этому морально не подготовилась. Может, вина еще глотнуть? Попробовала увернуться, чтобы выполнить задуманное, не откладывая в долгий ящик, не позволил. Прижался губами к тому самому уголку. Я замерла. Аккуратно прошелся кончиком языка. И отпрянул. И что это было?!

– Там у тебя капелька осталась. – Фу, отлегло от сердца... Или не отлегло?

– Для этого есть салфетки.

– А так приятнее. – Гад. Издевается. Хотела уже наехать, высказать все недовольство, но...

Целуется он божественно. Узнать бы, где такому учат. Найду себе мужа – на курсы отправлю. А если это талант от природы? Тогда сложнее... Придется методом проб и ошибок подбирать...

Это я успела подумать, пока он только примерялся, давал распробовать свой вкус, слегка касался, поддразнивая... Мурашки, которым положено бегать, никуда не побежали, а вот все мышцы тела неожиданно напряглись. И шея выгнулась, вдогонку за поцелуями, еще больше. И ничего, никакого неудобства. Хуже, что руки заняты чем-то лишним: не обнять, не притянуть поближе. Нельзя же так долго дразниться! Цапнула за губу, совершенно нечаянно... Испуга-

лась. Наверное, больно... Ему, похоже, понравилось. Что-то там рыкнул, невнятное. Зато поцелуй стал таким, как надо. Когда выбивает дыхание... Хорошо, что сижу. Иначе, упала бы. Слишком мощные ощущения. Прошлого раза не хватило, чтобы запомнить. Зато сейчас – вполне достаточно.

Да куда же он все убегает-то! Уже всем телом тянусь, и никак не дотягиваюсь! И руки заняты, и бокал этот чертов даже поставить некуда... А у него свободные. Что хотят, то и творят. Побрели куда-то... Вниз. По плечам, по рукам, вернулись, пощекотали ключицы... Нервные окончания словно решили вылезти из-под кожи. Это и есть те самые заветные мурашки, что ли? Фиг бы с ними. Срочно нужно, чтобы еще прижал и погладил, вот так, да...

Господи... О чем я думаю? Надо же... что-то делать... сопротивляться, что ли...

Кирилл, будто уловив сомнения (отчего бы и не уловить, если я замерла, как деревянная), отпрянул, позволил выдохнуть, немного придти в себя. Ну, попытаться, хотя бы. Попыталась. С переменным успехом.

Меня развернуло. Вместе с креслом. Внезапно. Оказались лицом к лицу. Кирилл брякнулся на колени, дернул ближе к себе. Без промедления взялся за край футболки. Все бы, конечно, хорошо, и я бы даже не против.

Только от резких движений, так лелеемое мною вино выплеснулось. Не на меня. На его замечательную рубашку. Светлую.

Растекающееся пятно отвлекло.

– Постой. Да подожди же ты! – Откровенно непонимающий взгляд. Снизу вверх. Потом возмущенный. – Здесь где-нибудь есть соль?

– Тебе зачем?

– Пятно. Присыпать. Чтобы не въелось.

– Да черт с ним, с этим пятном! Нашла проблему. – И снова потянулся к моей одежде, застрявшей где-то на полу. Видно, планида у меня такая – оставаться рядом с ним полураздетой...

– Нет. Меня замучает совесть!

– Елизавета! – Ой. Так меня мама в детстве звала, когда очень злилась. Напряглась. У него слишком похоже получилось. – Едрит твою... Какая совесть?! Расслабься уже, в конце-то концов, и получай удовольствие. И не мешай это делать мне.

– Не могу.

– В чем дело-то? – Я его, похоже, довела. Голос несчастный и злой. Три – один или три-два? Нафиг, эти подсчеты. Нужно разряжать обстановку.

– А ты разве не знаешь главное правило секса? Самое важное?

– Какое?! Давай, рассказывай, пока я тебя не придушил.

– Не стоит. От трупа ты, положим, избавишься, но радости от этого? Никакой.

– Лиза. Какое правило? Что ты опять придумала?

– Короче, слушай и запоминай. Может, больше никто и не поделится.

– Ну?

– Сначала женщина должна качественно поиметь твои мозги. Получить от этого удовольствие. Только после этого ты сможешь нормально иметь её тело. В любом случае, мужчинам приходится нелегко: и там, и там напрягаетесь. Так что, выпить лучше тебе. – Глядишь, полегчает. Очень на это рассчитываю.

– Я понял. – Только хотела обрадоваться и качественно, со вкусом, эту тему обсудить, но он продолжил говорить. – Ты ищешь способ отмазаться. Любой, самый дурацкий.

– Наконец-то, дошло. Только я этого не скрывала, а всячески старалась донести. Слава богам, допёрло... Ну, все? Я тогда пойду? – Дернулась, пытаюсь отцепить его руки от подлокотников.

– Куда? Как думаешь, почему я всегда добиваюсь успеха в бизнесе?

– Не знаю. Как-то чужие проблемы не сильно волнуют... И чужие успехи – тоже. Мне бы разобраться со своими... Но, если хочешь, можем обсудить... – Да хоть перспективы человечества на освоение Марса – все обсудим. Только бы руки свои загребушие от меня убрал!

– Потому что я не привык останавливаться на полпути.

– Значит, если начну скандалить, ты меня изнасилуешь?

– После того, как ты потопталась по моим нервам, это да-

же преступлением не считалось бы. Честно.

– Ну, прости, конечно... Только, видишь ли, наши чувства с тобой не взаимны. Я не знаю, как это объяснить. И не пойму, зачем убивать столько времени на меня... Ты должен был уже, по всем меркам, устать и выставить меня за дверь. Вместе с кроссовками. А ты, как баран, упёртый...

– Ладно. Поговорили – и хватит. – Я с замиранием сердца пронаблюдала, как он встает, нервно сдергивает рубашку, так, что пуговицы затрещали. Ох, какое же классное тело! Кажется, повторяюсь, но оно, действительно, обалденное. Кожа смуглая, гладкая, мышцы играют при каждом движении... Руки так и тянутся потрогать... И это все сегодня – мне. Кажется, я начинаю сдаваться...

– Давай-ка, поменяемся местами. – Это не просьба, и не приказ. Констатация факта. Сидела на кресле, и вот – уже на коленях у этого... этого... Вот почему красивая внешность достаётся каким-то упырям? И только в романах красота и рыцарское благородство неизменно приобретают знак равенства? Эх, тоска-печаль... Но, учитывая, что рыцарей я вообще не встречала, соглашусь и на тело. Такое горячее. И сказать бы гадость какую, да только язык не поворачивается...

– Держи. – Снял крышку с еще одного блюда, стоящего на столе. Протянул руку к моему рту, предлагая его открыть, ненавязчиво так...

– Да ну, нафиг?! Тут еще и десерт был? Почему сразу не сказал?

– Специально придерживал. Стратегический запас.

Клубника. Свежая. Ароматная. К черту душу и совесть! У меня сегодня праздник для организма. С совестью завтра поговорю.

В общем, пока я её прожевывала, снова начал целовать. Все сделал правильно: заткнул мне рот, и настало счастье. Ну, может быть, не счастье, но все встало на свои места...

Футболку стягивали уже вместе, больше мешая друг другу, чем ускоряя. Кожа обжигала, руки стискивали, мои – жадно впивались ногтями, чтобы не скользить, задержаться, и снова пускались гулять по плечам, по груди, по шее... Гладили колючий подбородок, забирались в волосы на затылке, собирали их в горсть... В общем, дорвалась... Крышу расшатывало, еще немного – и унесет. Раздражало, что Кирилл был намного сдержанней. Контролировал ситуацию он. Полностью управляя происходящим. Не позволяя получить все, что срочно требовалось. Прямо здесь и сейчас. Приходилось терпеть. Задерживать дыхание, прикусывать губы, чтобы вслух не умолять...

И все было хорошо, пока ему не приспичило макнуть палец в сливки (куда ж клубнике без них, просто мне не досталось), нарисовать на груди узор и... начать слизывать...

– Эй, прекрати! Это же негигиенично! Я два часа толкалась в душном, грязном зале, прыгала как сумасшедшая... – Он замер. Видимо, прислушался к моим доводам. Но как-то странно замер, не поднимая головы. – Нет, если хочешь,

можешь продолжить... Только не надейся, что я отвечу тем же. Ладно бы, после душа...

Какой-то странный звук раздался в районе моего живота. Даже слегка отодвинулась. Похожий на хрюканье.

– Кирилл, ты что, подавился? Эй, что с тобой? – Молчит. Только голова начала трястись. Потом задрожали плечи, спина... А если припадок? Блин, что делать-то?

Паника. Я знаю массу методов оказания первой помощи. Теоретически. Но по-настоящему их оказывать никогда не приходилось. А он еще держит, словно в тисках. И продолжает трястись. И звуки издает... Да что ж такое-то?

– Кирилл! Подними голову, пожалуйста! Слышишь? Что с тобой? Нехорошо? Может, водички? – Нервно закрутила головой. Вот все, что хочешь, а водички нет. Не вином же его отпаивать? Эпилептикам алкоголь нельзя... А это похоже, очень, на эпилепсию...

– Да сиди ты, не дергайся! – Голос сдавленный, но голову поднял. Охренеть! Он ржет! Я, понимаешь, нервничаю, думаю, как спасти ... А он! Он ухахатывается!

– Отпусти, придурок! Я с ним серьезно разговариваю, переживаю за здоровье... Что такого смешного-то? – И никак же не вырваться! Держит, как в тисках. Только голову уже на плечо положил. Точно – припадочный. Только неизвестно, что за болезнь... Вот же, вляпалась, на свою голову...

Пришлось ждать, пока он успокоится. Злилась, конечно, за такую реакцию, но от сердца отлегло. Я же, действительно,

сначала испугалась. А оказалось – вот оно, идиотское чувство юмора. Я сейчас даже шутить не пыталась. Просто, читая про такие моменты в книгах, или глядя на них в кино, всегда задумывалась: а давно они мылись, интересно? Но это художественный вымысел, понять можно, и даже простить. А когда с тобой такое происходит в реальности? В общем, зря это из меня вырвалось. Парню весь кайф обломала. Он теперь вообще о романтике забудет. Мне-то что? По барабану. А какая-нибудь дуручка влюбится, будет от него жестов ждать, красивых... А он – ни в какую. Наверняка, рефлекс выработается. В общем, сломала судьбу и Кириллу, и ни в чем не повинной девушке. Замечательно, кстати, думается на отвлеченные темы, когда сидишь полуголой на коленях у стонущего от смеха мужика...

Если бы он так плотно не прижимался, я бы, наверное, замерзла. Но он прижимался и грел. Было почти комфортно.

Просмеялся, наконец, и посмотрел мне в глаза. Сердито и удивленно. И смешинки еще играют. В общем, адская смесь. Влюбилась бы, непременно, если бы так не раздражал. И – песочницы у нас слишком разные. Меня ненароком сюда затянуло, но нужно будет валить. Какая тут может быть влюбленность? Даже нормального секса не получается. А разговоры по душам – вообще, за гранью реальности.

– Тебе говорил кто-нибудь, что ты – зануда? Причем страшная?

– Странно, что ты так долго продержался... Обычно, на-

род сдается на первом получасе разговора. Хотя... тупым и малограмотным приходится объяснять. Думала, ты из той же породы. Но ничего, молодец, догадался.

На этом я приготовилась собирать по полу раскиданные шмотки. Футболка видна. А вот куда он закинул мой любимый бюстгальтер, в розовую крапинку? Без него не уйду. Пусть хоть голышом выставляет...

Пока я оглядывалась, мир подозрительно покачнулся. Вроде, не очень пьяна... Глюки от нервного перенапряжения? Нет. Слава богам. Просто Кирилл поднялся. Естественно, вместе со мной. И куда-то пошел, крепко придерживая за пятую точку. Не в сторону выхода, что хорошо. Все-таки, насчет идеи уйти голышом я погорячилась. Не хватит смелости.

– Куда ты меня несешь? Поставь на место. – Не очень требовательно. Не часто меня на руках носят.

– А как ты думаешь?

– Вообще никаких вариантов. – Но улыбается подозрительно. Что? Улыбается? Нет, мне не почудилось. Нормально так, по-человечески. Значит, с мышцами лица все в норме...

– Мыться пойдем. Для гигиеничности, как ты выразилась... – Ох, ты ж... Все. Цензурные слова закончились. Синонимов нет. Только брань. Шоферско-площадная.

– Я же не для этого тебе сказала, ты что? Я не хочу с тобой мыться! И без тебя не хочу!

– Придется. Раз уж ты без этого никак не можешь. – Вот почему каждый раз, когда думаешь, что влипла по самое некуда, это самое некуда оказывается намного глубже?

Раздевал он меня, нужно сказать, очень технично: пара легких, непринужденных движений, и джинсы валяются. Вместе с бельем. А этот монстр неугомонный сам раздевается. При этом успевает разглядывать меня.

А я, между прочим, тоже залюбовалась. Почему бы и нет? Особенно, когда спиной повернулся, чтобы воду включить, проверить температуру. Мда... Жаль, что такие классные гены поганым характером подпорчены. А так – ему самое дело размножаться, увеличивать процент красоты в населении.

Рассмотреть все как следует мне не дали. Только руки протянула потрогать – засунул в ванну, залез следом сам.

А потом началась месть. Жесткая. Он, оказывается, злопамятный гад...

Все обломы, которые сегодня Кириллу достались, вернулись, и сторицей. Мне очень четко дали понять, как нехорошо обижать взрослых дяденек. Нет, конечно же, ничего плохого он не сделал. Как-то понятно было, что этого в планах нет.

Просто смотрел в глаза, очень серьезно. Так, что хотелось сглотнуть, прижаться к стеночке и аккуратненько по ней сползти. Такое было в этом взгляде обещание... Злорадное: "Все, дорогая, твои ходы закончились. Теперь держись"

Ну, я держалась, сначала. Сколько могла. Пока он тща-

тельно смачивал все тело – крутил под лейкой душа, почему-то очень плотно прижимаясь. Хотя места здесь хватило бы и на пятерых. Шикарная ванная. И когда заставил держать волосы, чтобы не мешали, пока он вдумчиво меня намыливал. Почему-то руками, хотя рядом висела потрясающая по мягкости губка. Гель в руках пенился плохо. Поэтому пришлось все смывать и намыливать заново. Пытка? Ага. Мне тоже так казалось.

Пока, намыливая, снова не полез целоваться. Волосы отпустить запретил. Странная логика. Видимо, не знает, как с длинными обращаться. У него ж короткие... На робкий писк с попыткой объяснить, что они все равно уже мокрые, получила новый поцелуй. Голодный до того, что веки сами собой прикрылись. Но я еще держалась.

Сломалась, когда начал проверять качество помывки. По сантиметру. Сначала на ощупь – ждал, что скрипеть буду, что ли? Скрипела, зубами. А потом на вкус. Отрывать его начала где-то в районе тазовой косточки. Вот никогда б не подумала, что там может быть эрогенная зона...

– Прекрати, пожалуйста. Я не могу больше.

Ну, очень довольный взгляд снизу. Такой мужик передо мной, и на коленях... Только дура устоит. А я, вообще-то, дура, но не настолько же...

– Мы еще не закончили. – И продолжил. Если бы не придержал, рухнула б там же. В глазах темнело. А он продолжал. Не знаю, сколько времени. Долго. Когда уже устала вы-

прашивать передышку, остановился. Выдохнула облегченно. Хотела уже выпрыгнуть... Фиг там был!

– Подожди. А как же волосы?

– А что с ними не так?

– Их тоже нужно вымыть... Только теперь сама. У меня нет опыта.

– Кирилл. Ты – мерзавец. – Звучало бы, наверное, убедительнее, если бы язык не заплетался...

– Мне кажется, я это уже слышал.

– Не от меня. Я точно помню.

– Ну, пусть будет так. – Надо же, какой снисходительный...

Никогда не думала, что просто ополоснуть волосы будет так сложно. Они вообще не слушались. Путались постоянно. И руки падали. И Кирилл мешал. Очень. Так убедительно демонстрировал свое намерение... В то же время, очень осторожно, чтобы вовремя остановить самостоятельность. А она проявлялась. Весь организм сошел с ума и требовал логического завершения. А оно откладывалось и откладывалось. Бесконечно.

А потом была спальня, в которой запомнилась только постель. Большая, прохладная, удобная. И простыни, очень гладкие, хоть немного остудили кожу.

И клубника была, и сливки. И он их, таки, пытался размазать по моему телу. Я намекнула, что после этого снова потребую душ. К счастью, намек подействовал. Кирилл и сам

был на грани – чувствовалось по дыханию, по силе, с которой сжимал мой затылок, не позволяя вывернуться, чтобы хоть немного остыть.

Думала, просто сдохну от неудовлетворенности. От звенящего напряжения в теле. От того, как сводило мышцы, как судорожно пальцы впивались в кожу, не заботясь о том, что можно поранить. Да все ладони уже были истерзаны ногтями, пока не вцепилась в плечи. И больше не отпускала. Он прошипел коротко, но не возражал. Только еще сильнее впился в губы... Чем дышала? Бес его знает, чем. Воздуха не хватало.

А потом вообще все закончилось. Он что-то сделал, невыносимое, легкое движение – и взрыв. Я, кажется, очень громко орала. И металась, как сумасшедшая. Звездочки не летали. На какой-то миг стало страшно: так же не бывает, так... слишком... чересчур... И снова кричала, долго. Потом силы кончились, и горло охрипло.

Кирилл все это время был где-то рядом. Кажется, наблюдал. Или мне померещился этот взгляд очень сосредоточенный, будто важное что-то творится... Впрочем, какая разница? Теперь уже можно и умереть спокойно. Сил на жизнь все равно не осталось...

Но мечты о том, чтобы, наконец, уснуть и выспаться, так и не стали реальностью. Он начал двигаться. Плавно, очень медленно... Почти неощутимо... Но снова перехватило дыхание...

Может, притвориться мертвой? Пошевелится – и надоест. Какой смысл бревно тормозить? Я же видела в женском журнале, что мужчинам отклик просто необходим. Это если мужчина – правильный. А Кирилл свою правильность уже доказал... Это просто у меня что-то не так с настройками...

– Лиза... Эй... О чем задумалась?

– Ни о чем... – Очень странно... Даже не хочется язвить...
– Не останавливайся.

Да. Я передумала. Вот такая вот я неопределенная. Даже противно самой. Но об этом подумаю после. А пока...

– Уверена? – Вот что за человек? Почему ему обязательно нужно делать все наоборот?

– Кирилл... ты издеваешься надо мной?

– Нет. Пытаюсь разбудить и возбудить... А ты, похоже, заводишься только в момент сопротивления... – Все это, конечно, можно было бы... обсудить. На досуге... Но не сейчас, когда каждое слово, произнесенное шепотом, перемежается прикосновениями: губ – сладкими, языка – горячими, пальцев – слишком короткими, чтобы успеть прочувствовать... Ну, разве можно так поступать со слабой женщиной? Кожа, еще не остывшая от первого взрыва, слишком болезненно воспринимала происходящее... снова ей было мало всего... Пришлось, будто кошке, изгибаться, подставляясь под ласку. Чтобы не ждать, пока догадается прихватить...

– Да. Вот так.

– Ты что-то сказала? – Все-таки, язык мой – враг мой.

Лучше бы заткнулась и не отвлекала.

— Кир, давай, ты заткнешься, и я заткнусь? Мне кажется, разговоры мешают... — По-моему, честная сделка, и очень правильная...

— Ну, надо же... — Ох, как мне нравится, когда его рука вот так устраивается под лопатками... Приподнимая, чтобы шея выгнулась... так, чтобы затылок уперся в подушку, куда-то её сдвигая... ага, подушки — к черту... уже полетели...

Боже, наконец-то, я дождалась: мы двигаемся. Правда, совсем не так, как мне надобно... Вообще не так... И ведь знает же! Просто не позволяет мне делать то, что хочу... Сдерживает. Дразнит.

— Кирилл... — Ну, все... я теперь хныкать еще начну...

— Кто-то обещал заткнуться...

— Зачем ты меня мучаешь?

— Ты так долго делала мне мозги... теперь — моя очередь... Все по правилам... — Я бы поверила, наверное, если б его шепот не прерывался так часто. Сам же себя изводит, гад, и меня доводит до ручки...

— И что теперь делать?

— Расслабиться. И получать удовольствие. Помолчи. И не думай.

А потом он показывал, как это — не думать ни о чем. Отдать себя во власть его тела, такого сильного, и такого нежного. Сдаться и принять все, что отдает... Ловить его хриплые стоны ртом, и благодарить своими за каждое новое при-

косновение... И, сплетая пальцы, снова освобождать, потому, что мало – его рук, плеч, шеи, спины... Нужно успеть ухватить еще больше... Срываясь на крики, взлетать от каждого мощного движения... И снова умолять...

А потом заворожено смотреть, распахнутыми глазами, как смотрит на тебя... Ждет... И не позволять себе еще раз улететь, ожидая его...

Пока не шепнет, разрешая: "ну же, Лиз, давай"... Наконец, раствориться в неге... Удовлетворенно чувствуя, как расслабленно прижимается его тело к твоему...

Все, прощайте мои мозги. Кажется, мы приплыли...

Блаженное оцепенение тела, ума, совести, чувств – не зря французы нарекли это "маленькой смертью"... Можно бы и до утра так нежиться... Но не здесь и не сейчас. Не в гостиничном номере с чужим, совершенно посторонним мужчиной. Которому очень не хочется мозолить глаза, когда он придет в себя и посмотрит по трезвому. Надо бы аккуратно подниматься, собирать вещички (поди еще, найди их, в этих хорах)... Но, черт... Как же это физически сложно...

В прошлый-то раз уходила отсюда на подкашивающихся ногах. А сейчас, видимо, придется ползти, или держаться за стеночку... Нехорошая, между прочим, тенденция таким вот образом покидать этот номер. А приходить сюда – еще более вредная.

Пошевелила пальцами, слегка покрутила головой – вро-

де бы, живая, конечности слушаются, пусть и с переменным успехом... И начала аккуратно, бочком, по паре миллиметров, потихоньку выбираться из постели. Получалось с трудом: ноги и руки запутались в простынях, перекрученных в замысловатый ком...

– Куда ты? Полежи еще. – Хриплый, сонный голос. И рука, по-хозяйски притянувшая к себе. Все несчастные сантиметры между нами, что одолела за четверть часа, жестоко уничтожены.

– Мне нужно домой.

– Куда спешить? Лежи. У меня еще есть на тебя планы. – Боже мой, сейчас начну биться в припадке от счастья. Планы у него. Снова бесит.

Я, значит, раздражаюсь, нервничаю, а ему – хоть бы что... Лежит себе, посапывает, не спит... Просто расслабленный и довольный... Только зачем-то меня напрягает: руку закинул, в шею задышал... Щекотно же...

– Лиза, где у тебя кнопка?

– Какая? – Может быть, конечно, я не совсем еще в себя пришла... Но какая может быть кнопка на голом теле? И вообще, я одежду на кнопках с детства не ношу...

– Которой ты выключаешься. Хотя бы на часик тебя уговорить, а потом – дергайся, сколько влезет...

Началось. Уже чем-то опять недоволен.

– Кирилл. Вот скажи мне. – Чтобы задать вопрос, даже перевернулась, лицом к лицу.

– Может быть, лучше помолчим?

– Нет. Сначала скажешь, а потом молчи. – Наверное, вышло чересчур грозно: удивленно бровью пошевелил, приоткрыл глаз, правда, наполовину. В общем, картину изобразил, называется "я весь во внимании".

– Ну?

– На кой ляд ты этим занимаешься?

Теперь поднялись обе брови, уголок губ лениво пополз вверх:

– А разве не понятно и так? Требуется повтор пройденного материала?

– Нет. Зачем ты тратишь столько времени и сил на меня? Секс уже был, и для него ты приложил слишком много усилий. Раза три должен был меня послать. Почему не послал?

– Женщина, ты задаешь слишком много глупых вопросов. Лучше молчи.

– Отвечай. Зачем?

– Мне так хочется. Затем. Достаточно?

– Вполне. Теперь можешь спать.

– Премного благодарен.

Что ж, зато по-честному. Ответ на мучивший вопрос получила, теперь уже можно и валить. Раз не спит – и скрываться не нужно. Решительно высвободилась из-под тяжелой руки, и ногу с себя толкнула.

– Лиз, я же сказал тебе, спи. Что ты прыгаешь?

– Мне нужно домой.

– Что там? Дети не кормлены? Кот не выгулян?

– Ага. И муж сидит у окошка, ждет, когда вернется ненаглядная... – Может, совесть немножко уколёт?

– Нет у тебя никакого мужа.

– То, что я не ношу кольца...

– И детей нет. И даже кота. – Демонстративно зевнул. – Я знаю. Можешь не сочинять.

Вот же... чуть не вырвалось словечко, настоящую даму не красящее... Японский городской, етит его душу... Как далеко он зашел, выясняя обстоятельства?! Чем ему так "угодила", что не поленился узнать? Хотя, наверняка, не сам, и не так уж это сложно.

– Зато родители есть. В курсе?

– Ага. Что ты суетишься-то? – Он уже полусидел в постели, наблюдая сквозь дверь, как я заглядываю по углам.

– Куда ты мой лифчик дел?

– Не помню. Да зачем он тебе? Оставь на память...

– Хорошо. Только автограф поставлю, чтобы не перепутал с другими в коллекции...

Короткий смешок.

– Ты мне льстишь. Я коллекцию с твоего начну. Как думаешь, по какому принципу собирать?

– Точно, не по размерам. Слишком мало вариантов. Быстро закончится интерес.

Снова смешок.

– Как скажешь. Подумаю над вариантами, с парнями об-

сужу.

– Только, я тебя умоляю, храни их правильно и береги. Ненавижу, когда с бельем плохо обращаются... – Как, например, с моим. Зачем, спрашивается, было запихивать его под стол, если можно аккуратно положить на какую-нибудь чистую поверхность?

Киру, похоже, надоело наблюдать за моими метаниями по комнате. Решил тоже встать. Как был, нагишом, так и прошлепал, не прикрываясь ничем. Хотя бы немного постеснялся... Да о чем это я? Стеснительность и скромность – понятия, о которых он, возможно, и слышал, но никогда не применял на практике.

Подловил на пути в ванную (там, насколько помню, тоже что-то из шмоток должно найтись) прижал к себе.

– Знаешь, мне очень нравится твой прикид: сверху футболка, а снизу ничего... Очень даже... Так и ходи. Или разденемся обратно?

– Отпусти. – Может быть, получится убедить по-хорошему, и не придется отбиваться?

– Скажи, куда спешишь. Если соврешь убедительно – отпущу.

– Ко мне родители с утра должны заехать. Очень рано. Вместе уезжаем на дачу. А у меня в квартире бедлам. Убьют, если обнаружат... – Надо же, как складно врать получается. Мои предки в курсе, что утро выходного дня – неприкосновенно. И лучше не нарываться на дурной нрав не выспав-

шейся доченьки. Во всяком случае, давно не рисковали.

– А, ну, тогда ладно... Тебя отвезти?

– Ни в коем случае! Завтра все бабушки во дворе будут рассказывать про мою гулящую натуру. И, как ты понимаешь, предки будут одними из первых, до кого дойдёт. Оно мне надо?

– Но сейчас же ночь...

– А они, мне кажется, дежурят по ночам. С каждой стороны двора – по оку неспящему...

– Уговорила. Добирайся сама. Давай, хоть такси вызову?

– Давай.

Конечно же, самостоятельно звонить диспетчеру – дело не барское. Он, наверное, и не знает, как это сделать. Дал задание кому-то из своих – и все, можно расслабиться.

– Когда подъедет машина, вызовут. – Подошел ко мне, притянул, потискал немного, по спине погладил... – Может, не поедешь никуда? Я тут один останусь. Знаешь, как темноты боюсь? А спать с включенным светом стыдно... Я же большой мальчик...

Он откровенно дурачился, в глазах плясали смешинки, в голосе – теплый мед, много хорошего обещающий. Надо же... Вполне себе человек... Какая жалость...

– Большой мальчик, хочешь, помогу тебе найти номерок, по которому вызывают девочек, они успокоят и согреют, и бабайку прогонят?

Руки сжались на моих плечах чуть сильнее. И все. Больше

никакой ощутимой реакции.

– Снова решила подразнить? – Пожала плечами с невозмутимым лицом. – Я сегодня не хочу никаких других девочек.

– Ну, тогда придется спать с включенной лампой.

– Уговорила. – Раздался звонок. – Ну, иди тогда, такси подъехало.

Я рванула к выходу.

– Стой.

– Ну, что еще?

Вдумчиво, со вкусом, поцеловал. Обласкал губы, каждую по отдельности, потом поприкусывал легонько... Со вздохом отпустил... Снова прижался...

Еще один звонок. Оторвался.

– Беги. Завтра вечером заеду.

Этого мне еще не хватало!

Хотела немного понервничать по дороге домой, но в такси задремала. Сказалась бессонная ночь и сумасшедший вечер перед ней. А вот таксист, похоже, запереживал: еще бы, везти среди ночи помятую девчуху, из гостиницы, домой... А она еще и отключается в пути. Что можно подумать? Конечно же, что девушка устала, и ей нужно поспать. И совершенно не стоит трясти её, будто грушу... В общем, расстроил меня таким поведением. Чуть не отправила его без денег, в качестве компенсации. К сожалению, оказалось, что денег он и не ждет: все уже было оплачено до того, как охранники

проводили и усадили меня в салон.

Черт. Все-таки, я осталась Киру должна. Пусть, и самую малость, но возмутил сам факт.

Времени до утра было совсем немного, а дел хватило бы на несколько дней.

Билетов на поезд до Питера уже не осталось. Пришлось бронировать на другой – из соседнего города. До вокзала доберусь на такси. Уже приходилось, когда совещания в центральном офисе назначались по принципу "вынь да положь", и плевать все хотели, на чем ты поедешь.

С другой стороны, так лучше: если Янкевичу очень припрет меня разыскивать, вряд ли догадается проверить покупку билетов на каких-то других вокзалах, кроме нашего. О том, что у него может быть доступ к системе электронного бронирования, предпочла не задумываться.

А даже если и есть: пока до него допрет, где искать, я успею затеряться в миллионах людей, живущих в огромном городе. А потом пройдет время, и он просто обо мне забудет.

Мне очень хотелось в это верить и, в то же время... Никаких "и"! Просто надеюсь, что больше никогда не пересечемся. Классный секс – это, конечно, здорово. Полезно для психики и здоровья. Для поднятия самооценки. И даже неизменная способность Янкевича доводить до белого каления – не так уж и плоха: заставляет быть в тонусе. Но эти намеки на продолжение, которое никому из нас не нужно, окончательно все испортили. Не хочу я никаких "завтра" с ним, а

тем более – никаких "заеду". Зачем? Еще одна возможность случайного секса? Три раза – уже ни фига не случайность, какой бы восхитительной она ни была.

До утра собирала вещи и документы. Ну, как собирала? Паспорт, трудовая, диплом, полис – вот и все документы. Кошелек, ноутбук, несколько смен белья, джинсов и рубашек – все вещи. Ну, ладно, ладно... Еще немного платишек, юбочек и туфелек взяла. Постояла, глядя на туфли в чемодане... Нет, они нарушают гармонию. Вытащила. Не брать же для них еще один чемодан?

Два, однозначно, в квартиру к Нинке не поместятся. А жить там, кроме чемоданов, нужно еще той самой Нинке, её мужу и мне...

Муж, бедолага, еще, по-моему, не в курсе, какое счастье его ожидает... Нет, конечно, он меня любит и обожает, и это взаимно. Но Нинель мою любит больше и делиться её вниманием не привык. А придется. Уже искренне сочувствую парню...

Так, холодильник пустой, нужно только выключить и протереть. Воду перекрыла. Ключи у родителей есть. Заедут на неделе, проверят, чтобы все в порядке было. Расстроятся, конечно, что вот так – сегодня, а не через неделю, но... Им не привыкать к моим вывертам.

Покрутила в руках телефон, вспомнила все детективы, в которых героев находили по включенному в сеть аппарату. Посмеялась сама над собой (это же выдумка, фантазия)...

Еще посмеялась. Но сим-карту вытащила, а телефон оставила в шкафчике, в который даже сама нос никогда не засуну. Пусть лежит, от греха подальше. Новый куплю в каком-нибудь ларьке на вокзале. Вторая выкинутая симка за неделю – пора задуматься , а не много ли проблем я себе создаю... Итак, прощай, родной, любимый и душный город. Буду скучать. Вру сама себе, из приличия. Не умею скучать. Поэтому не буду.

Глава 2

Спустя два года...

– Ничего подобного я тебе никогда не обещала.

– Но и не говорила, что будешь против!

– Конечно. Ты же не спрашивал. А мне даже в голову не приходило обсуждать эту тему. Откуда я знала, что тебе припрет?

– Да конечно! Я тебе намекал сотню раз, а ты делала вид, что не понимаешь.

– А я тебе сотню раз говорила, что не понимаю намеков! Я тупая в этом отношении! Хочешь нормально поговорить – говори прямо. Предупреждала?

– Да. – Скуксился. Еще бы. У нас почти все разговоры этим заканчиваются.

– Но все женщины только и ждут момента, когда мужчина об этом заговорит... Только заикнешься – сразу понимают...

– А я – не все! И не надо со мной заикаться. Это раздражает. – Нервно щелкнула зажигалкой. Черт. Тысячу раз зарекалась бросить. Но разве с этим товарищем хватит каких-нибудь нервов?

– Хорошо. Ты согласна?

– Нет. Посмотри на меня. И скажи: где я, и где – "замуж"?! Какая из меня жена? Ты же повесишься через неделю после свадьбы... А мне еще один грех на душу ни к чему. И так

хватает.

– Лиза... Ну, зачем ты так? Я же серьезно...

– А я тоже серьезно, Вить. Мы же с тобой договаривались: никаких претензий друг к другу. А что теперь? – Да что же сегодня с этой зажигалкой? Или с нервами?

– Лиза, ты сейчас не в настроении, я понимаю... Может быть, я слишком резко предложил...

– Витя, а ты не думал, в принципе, что звать женщину замуж, находясь в курилке, как бы не очень правильно, а?! Я себя не на помойке нашла, чтобы соглашаться на такие вещи. Ты себя не уважаешь, или меня?

– Ой, так вот, в чем проблема? Ну, давай, сегодня вечером сходим в ресторан, и я все сделаю по правилам... – В глазах идиота зажглась надежда. Ну, почему я сразу не заметила, что он идиот? Теперь, вот, маюсь...

– А что это изменит? Нормальные мужчины делают это без репетиций. Рисковать не боятся. А ты решил проверить сначала, прощупать дорогу, а потом – как будто рыцарем стал?

– Ну, Лиза...

– Уйди. Уйди, пожалуйста, с глаз моих долой... – Что-то утомил он меня сегодня. А день только начался...

– Лиз, ну, милая, успокойся...

– Уйди, говорю. – Давно я так не рычала. Но сколько можно-то?!

– Когда закончу, позвоню. До вечера. – Поплелся к офису.

Понурый такой... Жалко парня. И зачем только мучаю? Так ведь, сам не уходит...

Вот же... Весь кайф обломал... И настроение ни к черту... А всего-то вышла подышать воздухом перед совещанием. Сложным. Даже курить не собиралась. А теперь... Сигареты есть, огня – нет. И что мне, следом за ним топать?

– Девушка, я могу вам помочь? – Щелкнула с металлическим звоном крышка "зипповской" классики.

Не глядя на говорившего, потянулась к огню. Прикрыв глаза, затянулась... У нашего концерта еще и зрители были. Браво. Наверное, им понравилось. Надо сделать пару затяжек и уходить отсюда. Знать не хочу, перед кем сейчас позорилась.

– Я правильно понимаю, что вы сейчас парня бросили?

– Чтобы что-то бросить, его нужно сначала подобрать. А я не подбирала... – Какой любопытный, блин. Будем надеяться, что в полумраке тенистой беседки он меня не рассмотрит. Еще не хватало, чтобы пальцем вслед показывали. Авторитету конец.

– А вы не подбирали?

– Нет. Само прилипло.

Громкий, раскатистый хохот. С другой стороны. Другим голосом. Черт. Их тут еще и двое? Придется рассмотреть.

Открыла глаза. Глянула. Закрыла. Трижды, нет – четырежды, черт!!! Какого ж хрена-то? Именно здесь и именно сейчас?!!

Он же в Москве! Я точно знаю! И здесь вообще находиться не должен. Нет никаких интересов: ни деловых, ни теневых. Он. Сюда. Не. Приезжает. Поэтому я живу спокойно. А это – миф. Иллюзия. Просто я перенервничала, слишком глубоко затянулась никотином на голодный желудок. И это у меня глюк.

Прищурилась сквозь дым, в полусумраке... Нет, даже сейчас, в темноте, ни с кем не путаешь. Не глюк...

Вполне себе живой и осязаемый, стоит, пускает кольца ароматного дыма, и усмехается. Глаза все такие же, цепкие, колючие, с вечной печатью издевки над всем окружающим. В общем, Кирилл Янкович собственной персоной. Ни с кем не путаешь и саму себя не обманешь. Осталось понять, каким ветром его занесло в курилку нашего офиса? Да еще и в ту, которая на улице, на жаре и в пыли... Ведь на каждом этаже устроены специальные комнаты для курения... Именно для того, чтобы такие, как я, не тратили лишнее рабочее время на беготню вверх-вниз...

А он-то явно у нас не работает. Что здесь забыл, среди простых смертных?

Очень хочется спросить его, прямо в лоб... Но... Во-первых, я на работе и должна вести себя как истинная леди. В ситуации с Виктором плохо вышло, но это не в счёт. Во-вторых, это не мое дело. Вообще не моё. Два года прошло с той случайной встречи. Мы друг другу никто, и не обязаны помнить прошлое. И неважно, что я еще помню. Просто хоро-

ший секс очень сложно забыть. Нет. Не так. Он, собака такая, совсем не забывается. Пока не встречу что-то более превосходное, так и буду сравнивать...

А в-четвертых... И это самое главное: он-то меня забыл. Стоит, разглядывает, оценивающе скользит глазами по лицу и телу, но все это – как будто в первый раз.

Где-то в моих размышлениях проскочила неувязочка... Ну, да, конечно: между вторым и четвертым пунктом, по идее, должен быть третий... А у меня его нет. И Бог с ним, потом придумаю...

Уйти сейчас, не потеряв достоинства, на прямых и не заплетающихся ногах, не получится. Чересчур мощное потрясение. Все с этим Кириллом так – мощно и внезапно. За каким бесом я тогда поперлась на вторую встречу? Нужно было просто уволиться и свалить.

Руки сами собой потянулись за второй никотиновой палочкой. Первая уже истлела, после трех глубоких затяжек...

– Вы не позволите?

– Конечно. Разве я могу отказать даме, тем более – такой... – Какой именно – спутник Янкевича не уточнил. А я не стала интересоваться. Не до этого. Удивительно, однако: впервые рядом с Кириллом оказался товарищ с печатью интеллекта на лице. И нехилой такой печатью... Сплошной интеллект, который не вяжется с габаритами. Если Кир – крупный и мощный, то тело, стоящее рядом с ним, просто огромное... Где он выкопал такого слона, да еще и с умными гла-

зами?

– Только вот, милая девушка, мне кажется, вы слишком много курите. Может быть, не стоит, вторую подряд? – Однако зажигалку поднес, дождался, пока огонек затеплится...

– Я не знаю, что вам кажется, молодой человек, но у меня есть стойкое ощущение, что это не ваше дело. – Смотреть прямо, только в лицо этому белобрысому гиганту. Как на эти разговоры среагирует Кир, лучше не знать, поэтому, не оглядываемся.

А гиганта моя дерзость, похоже, нисколько не смутила. Только бровью повел, слегка...

– Зря вы так думаете. Я не могу спокойно смотреть, когда столь юные и привлекательные особы делают подобные ошибки.

– Поверьте, курение – это самая малость по сравнению с теми делами, что я уже натворила. Но от этой хоть удовольствие получаю... – И демонстративно затянулась...

Не удержалась, скосила глаза в сторону Кира. А он – хоть бы хны. Стоит, ухмыляется... И все. Ну, и замечательно. Полегчало.

– И все же, я думаю...

– Вы уж меня простите, но я давно устала выслушивать чужое мнение по поводу моих привычек. Моё здоровье: хочу – гроблю его, хочу – угроблю окончательно. Вы, мне кажется, пришли сюда по своим делам, вот ими и занимайтесь. Развлеклись немного подслушиванием и достаточно. Еще раз

извините.

– Как-то не очень искренне извинения звучат.

– Как умею. Специально притворяться не обучалась. Всего доброго.

И ушла. Не оглядываясь. И даже коленки не дрожали. Спасибо белобрысому – разозлил своими советами. До чертиков.

Из-за этих вот неожиданных встреч и бесед, потратила времени больше, чем рассчитывала, до совещания осталось минут пятнадцать. Как раз, чтобы долететь на бреющем до кабинета, схватить документы и добежать, не запыхавшись, до большой переговорной. Обычно, мы так не замораживаемся на пунктуальность (с учетом пробок, народ подтягивается еще в течение часа после начала). Но вчера босс раз пять намекнул, что сегодняшняя встреча – особенная, и очень убедительно просил не опаздывать. А наш босс умеет убеждать: всего-то, половина премии не дойдет до твоего кармана, и никаких ненужных разговоров.

Короче, вся наша немалая команда менеджеров разного звена уже бродила по коридору. И Виктор, конечно же, в этой толпе. Наверняка, успел пожалиться и товарищам, и недругам, как я была с ним жестока. А недруги и сотоварищи утешили: "не ты первый, не тебе и последним быть". Ну, ничего, может быть, это заставит его смириться. Тем более, и горе-то не совсем страшное случилось.

Хотя, если бы не этот непонятливый поклонник, не было

бы и встречи в курилке. Конечно. Витя во всем виноват! Вот и буду на него злиться... Так намного удобнее. А совесть? С ней мы вечером поговорим...

Как назло, уже на подходе к двери переговорной, посыпались звонки от клиентов. И ни одного такого, чтобы можно было сбросить без сомнений.

В общем, влетела в помещение, когда все уже сидели по местам. Осталось всего два свободных: одно – во главе стола, законное место босса, второе – по левую руку от него. Моё. В принципе, тоже законное. Как-то уже повелось, что мне по барабану, где сидеть, а народ, не имеющий моей врожденной наглости, с удовольствием эту честь мне уступал. Мне без разницы, а людям приятно. Почему бы и нет?

Закон подлости, видимо, сегодня проснулся и решил, что Лизонька чересчур расслабилась. Пусть напряжется. Иначе, с чем бы еще связать присутствие Янкевича в этом помещении? Да еще и прямо напротив? Глаза в глаза? Нужно срочно вспомнить, где я так нагрешила за прошедшую неделю, и начинать грехи отмаливать. С поклонами, на коленях. Боюсь, по-другому не выйдет. И добром все это не кончится...

Потому что сивый верзила, спутник Кирилла, по какой-то нелепой случайности, тоже оказался здесь. Рядом со мной уселся. Да еще, со своими габаритами, так, что его колени вплотную касаются моих. И локти в мой бок упираются. Засада. Конкретная такая, не вырвешься. А с другого края стола взглядом загнанного оленя сверлит Виктор. Прости, до-

рогой, но сейчас мне точно не до травоядных. С тобой потом разберемся.

Кондиционер, как будто, и работает вовсю, но не справляется: в горле сушит. Может быть, как раз из-за этого нового модного прибабаха... Руки сами собой потянулись к бутылочке с водой. И, как обычно, пробка меня не послушалась.

– Позвольте... Елизавета, правильно? – Белобрысый – само обаяние. И даже имя на бейджике прочитал.

– Правильно. Я чужие бейджи не ношу, у нас не принято.

– А как сокращенно?

– Никак. Только полное имя. Это же правило компании.

– А...

– Андерс, дай-ка, я за дамой поухаживаю... – Первые слова, что я услышала из уст Кирилла. Голос не поменялся. И тембр. И интонации все такие же. – А то присвоил себе титул джентльмена, а я, что деревенский лопух, прохлаждаюсь.

Их пальцы почти встретились на несчастной бутылочке. Короткий поединок взглядов. И становится ясным, кто тут главнее. Ни фига не Андерс...

Кстати, имя наводит на размышления: парень-то у нас, похоже, не очень русский. Прибалт или скандинав. Отсюда и внешность такая северная, и легкий намек на акцент (очень вкусный, люблю необычное произношение), и его европейская предусмотрительность. Наши-то, варвары, вспоминают, что за девушкой нужно ухаживать, только если нужно пустить пыль в глаза. И то, не всегда это удачно получается...

Пальцы Кирилла сомкнулись на пробке и медленно, очень медленно, принялись крутить. Непрошенные ассоциации полезли из памяти. Очень непрошенные. Из очень дальних уголков, намертво запертых. Почему-то эти бутылочки, Кирилл, и его руки прочно связались в моем восприятии с сексом. Очень зря. Слишком, наверное, пристально уставилась на воду. Он хмыкнул. Мне показалось, или что-то в его лице промелькнуло? Нет, почудилось. Все тот же холодный, вежливый интерес. Слегка бровь приподнята. Вопросительно, мол, что так пялишься?

– Очень хочется пить. Горло сушит. – Даже засипела, для убедительности.

– Я же говорил вам, что не стоит так много курить. – Вот же, зануда... Точно, прибалт. Говорят, они такие. Вживую ни разу не сталкивалась.

– Спасибо, что напомнили о моей ошибке. Перед сном обязательно подумаю над вашим советом.

Пока отвлеклась на сивого, Кирилл взялся хозяйничать: налил уже воды в стакан, пододвинул в мою сторону. А потом, из этой же бутылки, налил в свой. Оборзел, однако... Это же моя бутылочка! Разве я позволяла?!

Вякнуть что-то, о чем пожалею, он не позволил:

– Я потом с вами поделюсь, не переживайте. Иначе, обе выдохнутся.

Ладно, уболтал. На этот раз, помолчу. Мне же и лучше.

К счастью, пауза, которая начала неприлично затягивать-

ся, была прервана – появлением босса. Он, как всегда стремительно, влетел в помещение на последних секундах, не оглядываясь по сторонам, занял свое коронное место, и только потом поздоровался.

Нестройный хор ответных приветствий, и два коротких кивка – со стороны Янкевича и его скандинавского друга Андерса. Интересные у них, однако, отношения... Только сейчас до меня доперло, что этим двум вообще нечего здесь делать. Какого хрена они здесь забыли?

Слава богам, известным и не очень, долго в сомнениях мучиться не пришлось: босс начал совещание с того, что представил всем собравшимся этих двоих.

Мать моя, женщина... Акционеры. Вернее, два совладельца конторы, прикупившей тридцать пять процентов акций нашей драгоценной компании. Жили себе парни, не тужили, а потом подумали – что-то мало прибыли приносит убогонькое питерское ОАО... И решили вмешаться в его управление. Какая прелесть. Ради этого, их из столицы в нашу провинцию занесло...

Все это мелочи: экономика, акции, прибыль – я человек маленький, наемный, и знать о таких тонкостях не желаю. Половину речи Янкевича вообще прослушала. Волновал вопрос: как бы так побыстрее и покачественнее смазать отсюда лыжи? Чтобы следов при побеге не осталось...

До сих пор не поняла: вспомнил он меня, или показалось, но проверять догадки желания нет. Совершенно.

И вот, в самый интересный момент, когда я уже придумала, как лучше сменить фамилию, и куда отправить своё резюме (черт бы драл этого Янкевича – второй раз придется менять работу)... Этот самый, гребаный, ненавистный возмутитель моего личного спокойствия, задал неожиданный вопрос:

– В чем дело? Почему, имея на руках столько конкурентных преимуществ, ваша команда проигрывает другим, более слабым?

Нет, я старательно и мужественно терпела, когда наши парни вяло и скомкано отмазывались. И даже когда Кирилл начал стебаться над нашим директором по ассортименту – я молчала. Но когда этот зануда нечаянно зацепил неудачную работу с ключевкой... В общем, не надо меня трогать, и я не буду брызгаться ядом...

– А не нужно быть такими жадными. И все будет хорошо. И ключевая розница будет нашей, и прибыль наберется.

Я сказала это достаточно тихо, но очень внятно. И как раз в тот момент, когда все дружно примолкли.

Гробовая тишина последовала за этим выпадом. Что-то я, видимо, важное, пропустила в речи Кирилла...

– Будьте добры, поясните... Екатерина, если не ошибаюсь?

– Елизавета. Могу написать свои данные на бумажке. В плане совещания они, кстати, тоже есть...

– Извините, Елизавета. Продолжайте...

– А я, в принципе, все уже сказала. Думаю, вы и сами поймете, что я имела в виду, если посмотрите в отчеты по наценке.

Что-то босс насупился недобро, и как-то нервно сглотнул. Чувствую, что вылечу отсюда, и даже раньше, чем сама подам заявление...

– Ну, я в них еще не успел заглянуть, так, может быть, вы поделитесь тем, что уже проработали, наверняка? Я надеюсь, в вашей компании не принято бросаться голословными утверждениями?

Вот же, гаденыш... Намекает, что я несу чушь, в которой сама не разбираюсь? Сейчас я твой заносчивый нос подотру... И пофигу, кто ты здесь, и какое у тебя влияние...

– В нашей компании принято знать и разбираться во всем, что касается твоего участка работы. Контакты с ключевой розницей, как вы, наверное поняли, это мой участок. Так вот, если собственники компании немного умерят аппетиты и сбавят наценку процентов на сто, хотя бы... У нас есть шанс, что крупные розничные игроки посмотрят в нашу сторону. И даже согласятся торговать нашим китайским ширпотребом. А до этого, им совершенно ни к чему возиться с барахлом, которое выглядит точно так же, как все аналоги, но стоит в два раза дороже. – Выдохнула после длинной тирады. И заткнулась. Кто умный – поймет, а кто не поймет... Смысл таких людей пускать на эти совещания? Пусть сначала матчасть изучат...

Покосилась в сторону Андерса. Огромный прибалт сидел, придерживая склоненную голову рукой, и откровенно меня рассматривал. Причем, с явным удовольствием... Кир молчал и сверлил глазами то ли Андерса, то ли меня. Поди разберись в этой привычке уставиться немигающим взглядом куда-то в пустоту...

– Вы считаете... Елизавета, я не ошибся?

Вот знать бы сейчас, он реально не помнит моего имени и меня, или специально так акценты ставит, чтобы я усомнилась? Что же, сделаю вид, что тоже его не знаю. И даже не подзревала о существовании Янкевича до самого сегодняшнего дня...

– Да, меня зовут Елизавета. Кирилл Петрович, я правильно ваше отчество назвала? – Андерс по-тихому, в кулак, заржал. Босс побледнел и слился с белоснежным экраном, висящим за его спиной. Народ в помещении замер. Всем ясна была степень моего неприкрытого хамства. А что я, собственно, теряю? Работа уже потеряна. Процентов на девяносто девять. И один процент вероятности – на счастливую случайность, в которую я никогда не верила.

– Владимирович. Но вы же сами сказали, что у вас не принято отчество называть.

– К вышестоящему руководству, а так же к старшим по возрасту – можно.

Когда-нибудь и я научусь так же держать лицо, как это делает Кир: ни одна мышца не дрогнула, лишь глаза, немно-

жечко так, осветились подобием усмешки. Не обиделся, однозначно, однако оценил и записал на мой счет. Даже если он и с нуля открытый....

– Хорошо. Разрешаю вам обращаться ко мне без отчества. Иначе, поправлять устану. – Жаль, а я уже столько вариантов придумала, как его исковеркать... – Так вы считаете, что у нас наценка завышена?

– Да.

– На сто процентов?

– Ну, я бы и на двести скинула... Еще четыреста остаётся. На них тоже можно жить безбедно. А оборот вырастет.

– А я сейчас пытаюсь сообразить: вы в ключевую розницу что толкаете, если не секрет?

Недоумение на лице Кирилла стоит очень дорого. Жаль, сфотографировать нельзя... Но я и так запомню. Андерс тоже, наверняка. Его не по-детски плющит от нашего разговора.

– Да, Кирилл, мне этот вопрос постоянно задают. Однако, никаких наркотиков в ассортименте нет. Обычные китайские игрушки.

– Уверены?

– Я же сказала, что разбираюсь во всем, что касается моего направления. Так же, как и все остальные здесь. Иначе, за что, по-вашему, нам платят деньги?

– В этом я и хотел покопаться... Но несколько позже. Так значит, говорите, игрушки по цене контрабанды и наркоти-

ков?

– Да. И ничего странного, что никто у нас ничего не хочет покупать. Гораздо проще и выгоднее заказать пару вагонов прямиком из Китая...

– Что ж... Я понял. Для общего совещания данных вполне достаточно. Перейдем к другим вопросам. А вас, Елизавета, я попрошу задержаться, когда мы закончим, и посвятить нас с партнером во все тонкости и нюансы.

Вот же, блин! Напросилась, на свою голову. Или на пятую точку? Лучше бы молчала... Что же со мной дается такое нынче?

А для полноты ощущений не хватало сочувствующего взгляда от Виктора... Жалость с его стороны меня до ручки доведет...

Ежу понятно, что оставшееся время для меня прошло с нулевой пользой: ни словечка не слышала из того, о чем шло бурное обсуждение. Вполне возможно, что о переносе нашего офиса на Бали, а может быть о бессрочном оплачиваемом отпуске. Для всех. Мне было ровным счетом фиолетово на все. Одна мысль: какой бы неожиданной болезнью заболеть, желательно заразной, чтобы меня срочно изолировали от общества. От Кирилла с его огромным блондином – в первую очередь.

К сожалению, ни одна болячка за пятнадцать оставшихся минут у меня не выскочила. А симулировать не умела, даже когда в школе и универе училась.

В общем, я поняла, что время "Х" наступило, когда все присутствующие активно задвигали стульями. Решила прикинуться веником и сделать ноги вместе со всеми. Вдруг, проскочу? А там – уеду на какую-нибудь важную встречу и втюхаю, со злости, огромную партию китайских кукол со стотысячной наценкой...

Эх... А компания могла бы сегодня реально отхватить куш, с таким-то моим боевым настроем... Не судьба, видимо. А потом удивляются: и почему у них прибыли нет? Не умеют моментом пользоваться, вот и все. Потому что мои скромные попытки свинтить тут же были пресечены:

– Елизавета, куда же вы? Я планировал с вами отдельно поговорить...

Чтобы у тебя все центры памяти отключило, разом! Не забыл-таки...

– Так ведь, эта переговорная занята на следующие полдня, разве вас не предупредили? – Всеми возможными способами маячила боссу, чтобы поддержал...

Тот, похоже, подумал, что меня от волнения так перекосило, и решил не напрягать ценного сотрудника еще больше. Спасибо и на том.

– Действительно, Кирилл Владимирович, здесь запланирована встреча с поставщиками. Большая делегация, перенести в другой зал не выйдет.

– Хорошо. А мой кабинет уже готов? Можем и там пообщаться. Показывайте, где он.

Тут уже перекосило шефа. По-настоящему.

– Э... Кабинет? Ваш?

– Ну, да, мой. Его должны были подготовить еще на прошлой неделе. Разве нет? – За ледяным спокойствием Кирилла промелькнула знакомая насмешка. По-моему, Аркадий Борисыч с недавнего момента стал моим заклятым врагом. Собственноручно сделался.

– А... да... Но, ведь, это распоряжение отменили, нет?

– Возможно. Я не помню всех мелких распоряжений. Но я точно указывал, что в ближайшие полгода планирую прочно осесть в вашем офисе. И либо раскатаю вашу никудышнюю контору, либо продам, по цене недвижимости, а вас всех разгоню, к чертям. Я не люблю вкладывать деньги и смотреть, как они тихо тают.

Я мысленно стенала, материлась и рвала на себе волосы. Полгода!!! Я буду первой, кто "разгонится" самопроизвольно. Вот сейчас, только бы добраться до отдела кадров и написать заявление...

Ага. Разогналась я, как же... Аж целых два шага успела сделать. Бочком, по стеночке. Кто б знал, как это нелегко: не отлипая от стены, очень, очень медленно и печально тянуть за собой стул (чтобы казалось, что я, вместе с ним, стою ровно на одном и том же месте), при этом держать спину прямо и очень стараться не заржать. Потому как ситуация, несмотря на трагизм, чересчур забавная. И вообще, во всех сложных, запутанных случаях нужно немного поржать, и жить станет

легче. Эта простая философия меня ни-ког-да не подводила. Но сейчас-то могут и не понять...

Они и так-то не поняли: все трое, одновременно, уставились на меня, хором рявкнули "Лиза, стойте на месте" (ну, почти хором), и занялись дальнейшим выяснением вопроса про кабинет... А я тут, похоже, осталась в качестве декорации. А что? Неплохой такой манекен, кажется, даже симпатичный. Только вот, стоять неподвижно на моих шпильках несколько неудобно. Вернее, трендец, как тяжело.

– А можно, я тогда разуюсь?

– Что?!! – Вот когда они научились разговаривать хором? Ладно, Кир с блондином, но как мой босс успел с ними спеться?!

– Ничего. Вам не понять мучений женщины, стоящей на шпильках. Мне нужно либо двигаться, либо сидеть. Иначе упаду. – Это, кстати, совершенно серьезно. Я успела возненавидеть новёхонькие лаковые кремовые лодочки еще час назад. Терпела, мучилась, а сейчас вот – вырвалось...

– А зачем вам эти мучения, Лизонька, если не секрет? – Слишком ласковый голос у этого сивого. Почти издевательский.

– Вы, действительно, хотите это обсудить? Или, все-таки, определитесь с местом для разговора? Боюсь, что на этой философской теме можно застрять на полдня, а легче мне не становится! Пожалейте уже человека, в конце концов! Попытки запрещены Женевской конвенцией. А я вам даже ничего

плохого сделать не успела...

Гневная тирада подействовала: у мужчин пропало желание спорить, а Кир быстро нашел решение. Правда, не совсем то, что нам с боссом хотелось бы.

– Значит, я займу ваш кабинет. На время, он меня устроит. А вы, пока, займитесь подготовкой моего. Думаю, должно очень быстро получиться...

Еще бы. Наш драгоценный шеф до того любит свое шикарное кожаное кресло, что, будь его воля, и спал бы в нем, и домой не ходил, да жена его против. Ревнует к мебели, глупенькая...

– Э... Конечно, Кирилл Владимирович... Конечно... Только, мне нужно предупредить, чтобы секретарь звонки на меня переводила... Вам же ни к чему лишняя информация? И почту с документами нужно перекинуть...

Бедолага. Если бы я сама не встряла сейчас, то уже искренне злорадствовала бы. У него, наверное, неоконченный пасьянс раскрыт. Или "Сапёр" какой-нибудь. Попал, так попал. Так же, как я, наверное...

– Позже перекинете. Когда я скажу. А пока – займитесь делом. Дорогу мы сами найдем, или Елизавета покажет. Или вы не знаете её? – Неожиданно, Кир переключился на меня. С очень хорошо сыгранным (или настоящим?) пренебрежением. Как на сошку мелкую глянул. Оно и к лучшему. Недостойна я этой бездны внимания. Вот нисколечко! Может, все-таки, не вспомнил, кто я такая?

– Покажу. Я уже иду показывать. Догоняйте. Стоять уже, реально, не могу. – Если уж казнь предстоит, какой смысл её откладывать? Раньше сядем, раньше выйдем...

И, не дожидаясь ответа, двинулась в сторону вожделенной двери. Никогда еще не испытывала такой страсти и нежности к предметам интерьера, как к этому куску пластика и непрозрачного оргстекла. Сегодня же, все глаза об неё смозолила. Век бы больше не видать...

– Лизочка, ну, куда же вы так спешите? – Интересно, этот голубоглазый крокодил решил за один день перебрать все уменьшительные варианты моего имени? Какая, на хрен, я ему Лизочка? Терпеть такое искажение не могу.

Подумала. Хотела промолчать. Передумала. Такими темпами, я у него в Лизуна превращусь. За что есть шанс получить по наглой белобрысой морде. Сложно будет дотянуться, но я уж выберу момент, когда нагнется пониже...

– Вы знаете, Андрей... Я предпочитаю эффективно тратить свое рабочее время. Мне же платят за результат, а не за бессмысленное шатание по коридорам.

Хм, "Андрея" он проглотил и даже не поморщился. Но что-то, видимо, понял. Эх, люблю сообразительных парней. Жаль, что водится с нехорошими людьми.

Никогда не любила дорогу в кабинет начальства. Редко в её конце мне маячила нечаянная радость. В основном – либо новые сверхурочные задания, либо какой-нибудь незаслуженный наезд. Иногда, правда, эти несколько десятков мет-

ров я пролетала, как бронепоезд на всех парах. На разборки. С шефом. Но радости это также не прибавляло.

А сейчас, ковылять на жутко неудобных ходулях, да еще и чувствуя две пары сверлящих глаз в районе спины и, кажется, пониже её... Мука мученическая. Отстой. В общем, ковыляла я очень быстро. Что-то подсказывает мне, что Андрияха – очень добрый человек. Он даже предложил мне руку. А я гордо отказалась. Дура, конечно. Зато – гордая! Этим я буду себя вечером утешать, отмачивая ноги в ледяной воде...

А Кирилл, не побоюсь этого слова, оказался душечкой: молча уцепил меня под локоть и повел. Или поволок? Фиг его знает, как правильнее, однако, с дополнительной точкой опоры передвигаться мне стало легче. Только вот, теперь узкая юбка мешала семенить, придерживаясь его скорости.

Психанула. Остановилась. Топнула ногой.

– Кирилл... Владимирович! Я похожа на Пятачка?

– Нет... – Идиот, судя по лицу, не понял, к чему я клоню. – А почему именно на него?

– Потому что я сейчас сзади за вами полечу, развеваясь по ветру. И приговаривать буду "Винни, Винни!"

Андерс уперся лбом в стенку и как-то сдавленно дышал. Кирилл хмурился. Я тоже.

– Вы что? Мультиков не смотрели в детстве?

– Я думаю, вы их пересмотрели, Елизавета. За всю компанию. Этого достаточно будет. -

Ну, и ладно. Нет у тебя чувства юмора – сам виноват.

– Елизавета, если вы и дальше будете придумывать предлоги, чтобы оттянуть разговор, я вас просто отнесу в кабинет. И не важно, что об этом подумают.

– Не нужно меня никуда нести. Мы пришли. – И мрачно толкнула тяжелую дверь в приемную.

Секретаря, похоже, успели предупредить: она метнулась и услужливо зашевелила ключом в замке, только что не приседа от старательности.

Этот хам, умело прикинувшись галантным кавалером, вежливо оттеснил даму, вынул у неё ключик, одним движением открыл замок и замер, предлагая мне пройти вперед.

– Анна Юрьевна, а почему вы так смело открываете двери неизвестным людям? Хоть бы паспорта попросили... А если я грабителей привела, или, не приведи господь, какого-нибудь налогового инспектора?!

Анна Юрьевна, к слову сказать, вполне адекватная тётка, на этот раз застыла соляным столбом. Можно её понять: невозможно на такой вопрос ответить, не выдав своё пристрастие засунуть нос в чужие документы, и не отвечать – нельзя, вроде как, обвинили в халатности...

Андерс, похоже, сегодня решил играть роль буфера до последнего:

– Лиза, не переживайте. Мы уже представлены помощнику директора. Проходите уже, не задерживайтесь.

Ничего не оставалось, как сделать этот страшный шаг. И

я шагнула.

Я искренне, всей душой надеялась, что самоопределившийся буфер шагнет вслед за мной. Предатель. Остался гонять чай с секретарём. Конечно, лопать её сдобные плюшки намного интереснее, чем наблюдать за моей казнью. А она будет, несомненно. Только вот, знать бы – за все грехи, или только частичные? Два года – это считается давностью лет, или еще не вытягивает на амнистию?

Кир зашел следом и плотно прикрыл дверь. И мне совершенно не показалось, что его руки, очень так качественно, прошлись по моим бокам. Вроде как, подтолкнули вперед... Или просто потискали? Иначе, зачем бы им соскальзывать на мою задницу? Она здесь вовсе ни при чем!

Атмосфера сгустилась. До невероятной плотности: воздух, казалось, нужно отрезать кусочками, чтобы вдохнуть. И выдыхать его такими же маленькими, колючими кусками. Потому что в горле моментально пересохло, будто сдавило обручем.

А еще Кир... Стоит за спиной и дышит куда-то в затылок. Жарко от него, как от печки. И руки, наглец, даже не думает убирать.

– Что вы себе позволяете?! Уберите, пожалуйста, руки от меня. – Что-то ни фиги не грозно вышло. Скорее – сипло и жалобно

– Нет уж, Елизавета Батьковна... простите, плохая память на имена... Я вас буду сейчас контролировать.

Едрит твою! Это, интересно, как?!

Ну и, конечно же, наедине с Кириллом наступил рецидив моей главной болезни: словесного недержания. Это когда язык произносит мысли одновременно с их появлением. Если кокетничать, это можно назвать непосредственностью... Но, если быть честной с самой собой, то это опасная инфекция. Причем последствия, почему-то, проявляются на пятой точке. Она, прямо-таки, вся зудит и чешется, в предчувствии приключений.

Короче, вопрос прозвучал вслух. И я замерла, в ожидании ответа.

– А я вас, быстрая вы наша и эффективная, буду придерживать, чтобы слишком не разгонялись. – И он, наверное, для надежности, прижал еще плотнее. Все мышцы в организме напряглись и сжались. Особенно те, на которых сидят. – А вы сейчас достанете свой ежедневник, и будете конспектировать весь наш разговор. Дословно.

– Зачем? – Очень не люблю разговаривать, когда собеседник тебе не виден. Однако, повернуть голову и посмотреть в глаза – страшно, очень. Как-то, вдруг, вспомнилось, что Кирилл напоминал мне хищника. И почему я об этом забыла-то? – У меня нет проблем с памятью. Можно просто законспектировать основные моменты.

– А мне что-то подсказывает, что эти проблемы есть... – Теперь уже дышит в районе виска и уха. И все сильнее в себя вдавливают. Если нечаянно отпустит – свалюсь. Прямо, как

в романах. Только, не от обморока, а от потери равновесия и неустойчивости в ногах.

– Это "что-то" вас нагло обманывает, уважаемый Кирилл Владимирович. У меня все хорошо с головой. И способность к фиксации и восстановлению событий и фактов из прошлого крайне высокая. Это не я так решила, это вчера тест в журнале так сказал. А тестам нужно обязательно верить! Вот так!

– Мда? Прямо уж, все-все помнишь в этой жизни, до самых маленьких мелочей?

– Нет, конечно. Я бы вам посоветовала почитать литературу о свойствах человеческого мозга. Многие ученые говорят, что все ненужное наш мозг отсекает и отсеивает. Чтобы не засорять черепушку ненужным хламом. Как-то так...

– А этого своего неудачного жениха ты тоже собралась отсеять? Как хлам? – Куда это он клонит, хотелось бы знать? Зачем ему мой жених зандобился? Тем более, что и не жених он вовсе...

– А почему это неудачного? Его, кстати, Витя зовут. Очень хороший и важный сотрудник в нашей компании. Финансовый директор. Гениальный ум во всех областях, касающихся денег...

– А здороваться со старыми знакомыми тебя не учили? Или ты меня тоже в мусор списала?

– Ах, вот вы о чем! – Вот же, блин, загадки загадывает... – А что же вы мне сразу не сказали, что мы знакомы? Я и

не подумала...

Я очень старалась прикинуться этаким валенком. Очень. Только вот, тело никак не желало прикидываться. С ошеломляющей яркостью вспомнило и жар, и силу крепких рук, и даже дыхание, щекочущее кожу. Оно, в общем-то, и не забывало. Но рефлексy – это удел животных. А я-то – барышня, обладающая сознанием. И вот сознанию было глубоко параллельно на то, чего там хочется телу. Оно мне сигналило: "Бежать, Лиза!!! Срочно и категорично!"

Только вот, оно слегка забыло, что бежать на моих каблучках – задача невыполнимая. Не считая того, что меня еще и прижали так, что ни вдохнуть, ни выдохнуть.

– Лиза... – Тягуче так... Будто поглаживая голосом, сразу по всему организму прошлось. – А тебя не учили, что обманывать нехорошо?

– А когда это я кого-то обманывала? Вот, пожалуйста, хоть один факт? Но такой, чтобы с реальными доказательствами? Ваши домыслы меня не интересуют.

Где-то я логику нарушила, видимо, но в неравной борьбе с физической силой и обольщением, можно и запрещенные методы применять. А чем еще бить мужчину под дых, как не нашей драгоценной, в природе не существующей?

– Ты же сама себе противоречишь, Лизонька... – Вот, из его уст мое имя звучит совсем по-другому. И даже не хочется спорить. И говорить... вообще... не хочется... Пусть, лучше трогает дальше. Так же, как сейчас. И руками, и этим про-

никновенным шёпотом...

Да что ж за хрень со мной происходит?!

От злости, хватило сил дернуться и вывернуться из кольца рук. Правда, лишь для того, чтобы оказаться притиснутой носом к его шее.

– Черт! Кирилл, отпусти! Что ты меня лапаешь?!!

– О, как! А что это, перешла на "ты"? Разве так можно с незнакомыми людьми?

Блин. Прокололась.

– Ну, так мы уже несколько часов знакомы, между прочим..

– Если верить этой версии, целых два часа. По-твоему, достаточно, чтобы отбросить все условности?

– Хм... А предлагать переспать женщине, которую видишь минут пятнадцать – это нормально? – Всё. Теперь уже окончательный прокол. Но лучшая защита – нападение. Вот. – И вообще, твои конечности уже изучили все, что можно, не раздеваясь. Странно бы звучало: "Уважаемый козел! Уберите свои грабли с моих ягодич, пожалуйста!", не находишь?

Одна наглая конечность переместилась на мой подбородок. Жестко взялась, заставляя поднять голову.

– Значит, с памятью у нас все нормально? Просто невежливая?

– Нет. Я до последнего надеялась, что это галлюцинации. От жары. Но глюки, к сожалению, синяков не оставляют.

Жесткий нажим пальцев на моей челюсти моментально ослаб. Но и свободы моей несчастной головушке не было предоставлено. Просто держать стал чуть мягче, и даже как будто слегка погладил...

– Извини, если сделал больно. Я не хотел.

– Да что ты? А пряжка ремня в мой живот упирается тоже случайно? Нафиг тебе такая огромная бляха на штанах? Ты что, косишь под шерифа или ковбоя?! – Мне, действительно, надоело ощущать, как жесткий холодный металл вдавливается в мою кожу, ощущаясь даже сквозь ткань блузки.

– Лиза... – Окликнул, как будто я могу созерцать и слушать ещё что-нибудь, кроме него.

– Что?!

– Ты сейчас договоришься.

– Пффф... Я это столько раз уже слышала в своей жизни. Мне нельзя молчать. Я разговорную речь тренирую! Это мой главный рабочий инструмент!

– Странно, что с твоим умением им пользоваться, вы еще не всех клиентов распугали...

– Ха! Они меня все любят и обожают!

– Что-то мне слабо верится...

– Ну, так ты же не клиент. А почти галлюцинация...

– Я сейчас пальцы сожму опять. Только теперь на шее. И уже специально.

– Говорила же – извращенец!!!

– Говорила. Но это же мало что меняет, не правда ли? –

Теперь уже в мои ягодицы уперлась крышка директорского стола.

– Ничего. Просто поставила тебя в известность, чтобы не забыл. Отпусти, больно же!

– Да ладно, Лизонька, не притворяйся. Я тебя очень аккуратно держу, нигде ничего не придавливает.

– Стол...

– А, вот ты о чем! Сейчас исправим. – Если я надеялась, что меня отпустят сейчас, то надежда моментально умерла: этот хитрый наглец просто приподнял и усадил меня задницей на стол. Боже, если бы не общество Кирилла, я бы уже словила оргазм только от самой мысли, что попираю рабочее место шефа своей пятой точкой.

– Ну тебя нафиг, Кирилл! Даже такую радость испоганить сумел.

– Какую, не понял?

– Такую! Тебе все равно не понять! У тебя же начальства никогда не было...

– С чего ты это взяла? А вот насчет того, чтобы понять... Я, как бы, над этим и работаю...

– Кирилл! Ты – и работаешь?! Я тебя умоляю, не смей!

– А что здесь смешного?

– Ну, хотя бы, то, что ты работаешь в каком-то странном режиме. Складываешь в постель женщин, которых видишь впервые. Зажимаешь подчиненных, которых видишь в третий раз... Вот прямо даже не знаю, как назвать этот

стиль управления... Казанова, ловелас, директор-извращенец, просто наглец?!

– А кто из нас наглый, красотка, ты ничего не путаешь?

– Я – не наглая. Просто пытаюсь держаться подальше от тебя. А ты этого никак не понимаешь. Наменяю всеми возможными способами, прямо говорю, а до твоего упрямого мозга никак не доходит!

– О, продолжай! Мне нравится, когда ты заводишься! – Этот сучок снова начал вдавливать в мой организм. Узкая юбка помешала – не поленился, начал задираТЬ. Попыталась сдвинуться назад – дернул за колени, снова прижал. Хорошо, что поверхность стола полированная...

– Прекрати, не хватало мне еще заноз в задницу хватать!

– А что? Идея хорошая... Может, поймешь, какие ощущения при этом испытываешь...

– Да за что? Чем я провинилась-то? – Вот, реально, не понимаю, что ему от меня через два года зандобилось?

– Скажи, пожалуйста, пятьсот рублей на телефон – это что было такое?

– Черт. Как ты понял, что это от меня? – Это ведь была совершенно 'левая' сим-карта, купленная в ларьке, даже без предъявления паспорта...

– Ну, сложно было догадаться, конечно. Я долго размышлял. А потом сообразил, что поступление денег с СМС-кой "абонент такой-то пополнил ваш счет", на утро после восхи-

тительной ночи, о чем-то да говорит. Или поспоришь?

– И что? Прямо-таки, указано было, что это я? Мне кажется, что это нелепое совпадение, не больше. Если ты так завелся только из-за этого, зря. Все. Теперь отпусти, и я пойду продавать этих несчастных кукол. Прибыль нужно увеличивать, и срочно, чтобы ты побыстрее свалил.

– А я вот думаю, что сейчас надаю кому-то по его упругой заднице, чтобы не хамила старшим по возрасту и положению. Похоже, давно не перепадало, да?

– Послушай, Кир... Я поняла, что ты склонен к БДСМ. Шлепки там, унижения, сдерживание, и тому подобное. Да? И почему-то решил, что я тоже в теме. Это не так! Честное-пречестное! Я только романы про это читала. И совсем не представляю себя на месте связанной и униженной героини. Вообще не возбуждает. Категорически. Но, если у тебя с этим проблемы, могу поискать в Интернете. Там, говорят, целые сообщества есть...

– Лиза, ответь, зачем была эта пятихатка? Что ты имела в виду? Если ответ мне понравится, есть шанс, что уйдешь отсюда без последствий для здоровья и психики.

– Кир, ну, я не знаю, сколько принято оставлять мужчинам, если все понравилось... Сколько было свободных денег, столько и перевела. Знаешь прекрасно, что я была в тот момент безработной...

– Ну, все, мамзель, вы доигрались! – Ноздри Кирилла дернулись, желваки заходили на скулах. Взбесила, похоже. И

зря. Понимала, что нарываюсь, но как можно следить за языком, когда следишь за тем, чтобы этот гад еще плотнее не прижался? И так уже дальше некуда. Обстановочка, близкая к интиму. Если бы руки его не были заняты тем, что прижимали мои к столешнице, фиг знает, куда уже ползли бы...

А теперь отползать начала я. Ну, попробовала. Хотя бы отклониться от этой рассерженной физиономии. Даже почти страшной. Понятно, что не смогла сдвинуться и на полсантиметра. Спина затекла в тщетных попытках отклониться. Ага. Вот и полетели вниз первые жертвы нашей беседы. Кажется, калькулятор и телефон. Может быть, степлер...

А ему – хоть бы хны! Конечно, не свое имущество портит! – Слезай со стола! – И недвусмысленно дернул к себе. Нет. Все-таки, я нахватаюсь заноз сегодня...

– Зачем? Мне и здесь удобно. Глаза в глаза, так сказать...

– Я сейчас ремень сниму и отхожу тебя по заднице! – И очень, надо сказать, достоверно, потянулся к той самой пряжке.

– Нет, Кирилл, я сейчас тебе всю правду скажу! Прекрати, мне страшно... – Взмахнула руками. Теперь монитор. Правда не на пол, но все равно брякнулся знатно...

– Теперь, конечно же, расскажешь, но сначала я тебя отлуплю!

– Да какое ты имеешь на это право?! – Посмотри-ка ты на него, оборзел вконец!

И, конечно же, в лучших законах жанра и моей удачливой

судьбы, именно в этот момент, за каким-то бесом, свой любопытный нос в дверь просунула секретарша...

– Кирилл Владимирович, у вас что-то... – Дальше ей ни договорить, ни посмотреть не дали. Дверь захлопнулась, из-за неё был слышен только успокаивающий басок Андерса. Сто пудов, он явно не простой партнер Кирилла. Слишком часто и качественно защищает и выгораживает. Одна проблема: все, что нужно, наша сорока уже увидела. Уперлась мне взглядом в глаза. И ужаса в её зрачках я не увидела. Только предвкушение и любопытство.

Нужно и Киру должное отдать: реакция отменная. Сразу же, как шум послышался, обнял и спиной максимально загородил. А толку-то? Более двусмысленной и однозначной позы даже специально не придумаешь.

Что мне оставалось? Только уткнуться извергу в грудь носом и затрястись. Почти в истерике.

– Эй, ты что там, плакать решила? – Кир напрягся, уже совсем иначе, голос обеспокоенный...

– Ага. Сейчас. Хрен дождётесь! – Оттолкнула так сильно, как только смогла. Отошел в сторону. Видимо, растерялся.

– В чем дело тогда? – Вот же, неугомонный! Ему бы во времена святой инквизиции попасть – ценили бы на вес золота.

– Да ни в чем! Плюс сто баллов к моей репутации растлительницы приличных людей! Мало мне Виктора, теперь еще и тебя припаяют! – Умудрилась, все-таки, сползти с этого

разнесчастного стола. Юбку одернула. А он ремень свой так и не застегнул.

– Куда меня припаяют? Не понял...

– К позорному столбу! И не тебя, а меня! За каким чертом тебе приспичило что-то выяснять, прямо здесь и сейчас? Другого времени и места подобрать нельзя было?

– Сама как думаешь? – На место растерянности начала возвращаться наглая ухмылка. Ух, так бы и врезала ему! Жаль, не умею...

– Никак. Мог вообще сделать вид, что мы незнакомы. Жил бы себе спокойно, и жил. И мне не мешал...

– Не мог.

– Прелестно. Только вот, не начинай мне про неземную страсть и любовь задвигать. Мне это еще вечером выслушивать.

– Что? – Только я собралась двинуть к выходу, как снова за руку ухватил.

– Ничего. А что именно тебя интересует в этом "что"? – Вот мне-то, за каким лядом потребовалось задавать уточняющие вопросы? Мысленно надавала себе тумаков. Что-то с моим речевым аппаратом не то происходит в последние пару часов...

– Ты реально собралась идти в ресторан и слушать байки этого утырка? – Он меня сделал сейчас. Конкретно. Чего угодно ждала, любых подковырок, но никак – не этого.

– А... – Рот открылся. Закрылся. Нет, после таких разго-

воров, точно придется черепушку чинить. Вот, даже слова потеряла, чтобы ответить. Секунд через десять немного разглядывания они нашлись. – Тебе-то какое дело? Моя личная жизнь. Как хочу, так и порчу. А может быть – украшаю. Как знать? Может, Витенька – моя судьба, просто я еще не догадалась?

– Значит, от меня сбежала, а с этим недоделком решила судьбу связать? – Темные глаза хищно прищурились. Губы сжались. Жестко так. И почему мне помнилось, что эта тонкая линия бывает мягкой и чувственной? Приснилось, похоже. Или слишком пьяна была.

– Офигеть. Кирилл Владимирович, я ваше самолюбие, что ли, задела?

– Почему бы и нет? У меня не может быть самолюбия?

– Хм... Значит, не зря старалась...

– Что? Повтори! – Я, интересно, уйду живой и не очень помятой из этого кабинета? Чересчур зло рычит. И слишком крепко прижимает. Теперь уже к креслу.

– Может быть, хватит меня трепать, словно Тузик грелку? Или ты пыль решил таким способом протереть? Давай, протру... Только не моим костюмом. На светлом полотне пятна не смотрятся, знаешь ли... – Прошипела, глядя прямо в глаза. Чтобы видел, что я тоже умею злиться.

– Химчистку оплачу.

– Какая щедрость! Может быть, и услуги рекрутера, напоследок? В качестве отступных?

– Какого рекрутера? Ты о чем? – Остолбел, похоже, парнишка. От потрясений. Или от жары.

– Такого. Должности моего уровня проще подобрать через агентство. Сама задолбаюсь по собеседованиям мотаться. Город немаленький, сам понимаешь.

– Какие агентства, о чем ты, вообще? – Хоть руки отпустил. Просто нависает, не позволяя выбраться. В подлокотники впился. Того и гляди покрытие порвет. Хана мебели с таким хозяином.

– О том, что я сейчас прямиком в отдел кадров пойду и напишу заявление. Задним числом. Чтобы сегодня уволили, не затягивая.

– Опять бежишь? – Зло прищурился.

– Нет. Берегу психику и здоровье. Это называется так.

– От меня, что ли?

– От себя, конечно же. Аллергическая реакция рядом с тобой происходит. Все на свете начинает бесить и раздражать. Ты ни при чем. Просто такая реакция организма. Науке неизвестная, противоядия нет... Пойти, что ли, в какой-нибудь институт, сдать на опыты? Глядишь, на века прославлюсь...

– Ты когда-нибудь по делу говоришь, а не зубоскалишь?

– В твоём присутствии – нет. Говорю же – необратимая реакция в нервных тканях. Опасно для меня, тем более для окружающих. В общем, отойди, и я потопаю к кадровичке.

– К чему такая спешка? – Однозначно, дебил. Я ему пол-

часа растолковываю, почему нельзя находиться в одном с ним помещении, и все равно – уточняет.

– Курить хочу. И кофе. И в туалет. И спать. А еще на море. Вот, душно требуется, прямо сейчас!

– Какие проблемы? Кури здесь...

Приплыли.

– В каком смысле?

– В прямом. Нужно только что-то найти под пепельницу. Сигареткой угостить? – И он, реально, отошел от меня, оглядываясь в поисках подходящей склянки. Даже попробовал вытряхнуть карандаши из органайзера. Не подошел. Пластмассовый. Проплавится.

Я до того потерялась, что забыла, как требовала освободить пути...

– Ты в своем уме?

– А в чем проблема? Мой кабинет. Практически, моя собственность. Шеф твой, кстати, приврал. Тридцать пять процентов только у меня. Двадцать пять – у Андерса. С ним я как-нибудь договарюсь.

– Да плевать мне на собственность! Сигнализация срывает. Пожарная. – И тыкнула пальцем в заветные пимпочки на потолке.

– Ой. Они декоративные, сто пудов. Как будто я не знаю, как она работает...

– Мы тоже так думали. Работает. И еще как.

– Да ну? – Живой интерес в глазах ни с чем не спутаешь. –

Проверяли?

Я мрачно кивнула.

– Каким способом?

– Бумажку подпалили. И ходили с ней под этой фигней.

– Боюсь даже спросить, зачем.

– Пospорили.

– Дай, угадаю, кто затеял этот спор?

– Ты его все равно не знаешь.

– Ну, скажи. Любопытно посмотреть на этого смелого.

– Не выйдет. Его уволили.

– А что так мрачно-то? Ты о нем жалеешь? Тоже была твоя судьба?

– Хуже. Я ему предложила проверить. А он, дурак, послушался...

– Вот только не говори, что тебя мучает совесть!

– А что? По-твоему, у меня совести нет? – Даже вскинулась, от обиды. Что за мнение о человеке, которого и видел-то несколько раз? Причем, большая часть времени была потрачена не на душевные беседы.

– Хм... С трудом представляю, как она у тебя выглядит, и куда спрятана...

– Ты сначала свою найди и изучи. А потом сравнивай. Все, достал ты меня. Я пошла. – Сообразила, наконец, встать с этого гребаного кресла. А так хорошо сиделось... Проклятые каблуки!

– Максимум, до двери и дойдешь.

– А что? Бросишься наперерез? Слишком дистанция длинная. Если только в прыжке... Но это будет, даже для тебя, чересчур...

– Андерс не выпустит.

– Охренеть. Измором будешь брать?

– Подумаю.

– А если очень хорошо попрошу? Скажу "пожалуйста"? Может, на колени брякнуться? Могу. Ни разу не пробовала, но почему бы сейчас не освоить эту науку?

– Не прокатит.

– Да? Уверен? – И начала подтягивать юбку. Если прямо так грохнуться, может и по швам разойтись. Узкая очень.

– Подожди. Не нужно таких жертв. Я придумал.

Вот это его "придумал" мне совершенно не нравится. Абсолютно. Предпочитаю придумывать сама. Хотя, не скажу, что это приносит мне меньше неприятных последствий. Зато – свобода воли и выбора.

– Я уже боюсь представить, какая фантазия забрела в твою голову.

– Не верю.

– Чему?

– Тому, что боишься. У тебя, похоже, тормозов нет совсем.

– Есть. Просто я ими пользуюсь филигранно. Почти на пределе возможностей.

– Смотри, когда-нибудь откажут...

– Ничего. Зато окружающие повеселятся за мой счет.

– А пока, похоже, ты халявой пользуешься?

– Молодец. Раскусил меня. Доволен? Говори уже, сколько раз я должна прокукарекать на парадном входе, чтобы ты от меня отстал.

– Ну, что ты... Такая жестокость совсем не в моем вкусе. Эта маленькая тайна останется лишь между нами.

– Бить не позволю. И не надейся. Свои извращенные наклонности оставь при себе. Или дели с такими же больными.

Похоже, не угадала. Почти обиделся. Во всяком случае, вид принял очень оскорбленный.

– Почему ты мне постоянно какие-то ненормальные наклонности приписываешь? Извращенцем обзываешь... Сейчас в твоих интересах не хамить, а быть максимально сговорчивой и ласковой.

– Потому что нормальный человек после моего хамства давно бы уже отстал. А ты прилип, как банный лист к причинному месту. Это уже отклонение. А ласковой быть я в принципе не умею. В глубоком детстве это качество потеряла.

– Придется искать. Или восстанавливать. Других вариантов нет... – И он насмешливо развел руки в стороны. Мол, прости, и рад бы помочь, да не в силах.

– Короче. Давай заканчивать эту бредовую встречу. Рассказывай, что тебе нужно. Я сделаю и пойду восвояси. Дел по горло. А мне еще новую работу искать.

– Точно сделаешь? Тогда я от тебя отстану. Забуду вообще, как звали. И работу менять не придется.

– Обещаешь?

– Конечно. Когда я тебя обманывал?

– Так-то, у тебя еще и возможности не было...

– Так ты соглашаешься?

– На кота в мешке?

– Других возможностей не предусмотрено.

– Хорошо. – Достала меня эта беседа. До чертиков. Уже и кукарекать готова, только бы отпустил.

– Я хочу повторение.

– Чего конкретно? – Я уже начала обдумывать, в какое агентство закинуть резюме, и даже не сразу въехала, о чем он... А когда въехала, решила, что быть такого не может. Я что-то не так понимаю...

– Мне секс понравился. Хочу повторить.

– Пипец. Кирилл, ты придурок, что ли? После всего, что я говорила и делала, тебе еще нужен секс? Голову полечить не пробовал? Психиатр, сексопатолог, еще кто-нибудь... Сейчас, говорят, много специальностей, которые над такими проблемами работают.

– Ну, я же не прошу в это время со мной разговаривать. Можешь молчать.

– Ага. Точно, сбрендил. Я – и молчать? Как ты себе это представляешь? Кляп воткнешь или напоишь до бессознательного состояния? – Боже. Что я с ним сейчас обсуждаю?!

Кто из нас сбрендил-то, по-хорошему? Говорят, сумасшествие заразно...

– Да ладно, я на абсолютном молчании не настаиваю. У тебя неплохо получалось и приятные вещи говорить. – Сволочь гадкая! Чтобы меня и вогнать в краску? Нужно постараться. У него получилось. Если бы взгляд мог поджигать, его тело уже было бы изрешечено кучей дымящихся дырочек, разного калибра. Одним разом не стала бы – пусть мучается.

– Лиз, я пошутил. Не стоит расстраиваться.

– Твое чувство юмора находится за гранью моего. Не смешно, нисколько.

– Ну, не все ж тебе надо мной стебаться...

– Я тебя умоляю... Даже не начинала еще.

– Ах, да! У тебя же для этого есть женишок, финансовый гений!

– Витю не трогай! Он не виноват ни в чем. Просто не повезло парню.

– В чем-то согласен. Но ничего не обещаю в его отношении.

– Если он уйдет, вся эта гребаная контора прогорит моментом. Вряд ли, кто-то сможет так выворачиваться из постоянных задниц, при нашем-то управлении...

– Это мы еще посмотрим. В общем, слушай сюда. Ты сейчас спокойно извиняешься за все свои выходки, объясняешь мне, зачем ты так поступала, только правду говоришь, и мы

спокойно расходимся. Хорошо? – Такой вид принял усталый, будто с придурочным ребенком разговаривает. А кто из нас придурок? Я бы еще разобралась...

Я совсем пригорюнилась.

– Не прокатит. Есть еще варианты? Или это тоже была шутка?

– А в чем проблема? Объяснить мне, зачем были эти выходы, за каким хреном ты тогда сбежала, деньги эти на телефоне... Нереально, что ли?

– Тогда уж, лучше, начни с момента, за каким бесом я к тебе с договором приперлась во второй раз. Могла бы просто послать все к черту.

– Это мне тоже интересно. Только, греет надежда, что ты пала жертвой моих чар.

– Ну, так это же все и объясняет. Seriously. Я так очаровалась, что крыша съехала. Творила всякую ерунду, сама не понимая. Давай, теперь я извинюсь, и на этом поставим точку?

– Не прокатит. Неадекватные люди ведут себя по-другому.

– Ага. Примерно, как ты... Тебе ли не знать всех тонкостей и нюансов.

– Не начинай заново. Лиза, в чем проблема – просто объяснить?

– А почему тебя это так волнует?

– Любопытство. Простое. Человеческое. Не встречал еще

таких экземпляров, как ты. Хочу разобраться.

– Тогда, ты посидеешь быстрее. Я сама себя не всегда могу понять.

– Слушай, давай в окно покурим? Если подальше высу-
нуться, дым не должен попасть...

Шиза косит наши ряды. Я ему про Фому, а он – про Ерё-
му... Или выбрал другой метод воздействия? Сбивать с пан-
талыку, чтобы своего добиться. Понять бы еще – чего имен-
но. Можно подумать, я ему миллион баксов должна. И угро-
жаю сделать себе харакири, унеся в могилу все коды от сей-
фа. И он, бедный, не знает, с какой стороны зайти...

– Ну, давай. Мне уже без разницы. Только потом не гово-
ри, что это была моя идея. – Смиренно побрела в обратную
сторону от выхода...

– Да никто не поверит, что я на твою провокацию повелся!

– Поверят. Здесь – точно. Даже не усомнится никто.

– Хорошая у тебя репутация...

– А то! За что мне, по-твоему, деньги платят?

– Больше похоже на то, что за твое умение доводить кон-
курентов до ручки...

– И за него тоже.

– Я понял, в чем твоя основная проблема.

– В тебе?

Кир усмехнулся, распахивая окно.

– Нет. В том, что последнее слово обязательно должно
остаться за тобой. Несмотря на то, что оно может быть от-

кровенной ересью.

– Смотря с кем разговаривать. Кто-то, например, только ереси и достоин.

– Имеешь право на любое мнение. Подходи, давай. Пять минут – и я его закрою.

Плюнула на приличия, скинула туфли и подошла к окну. Кир уже прикуривал, присев на подоконник. Маловато места, конечно: открывается только правая часть. Придется стоять, прижавшись вплотную.

– Двигайся. Иначе, что-нибудь прожгу на тебе.

– Могу место уступить. Хочешь, присаживайся?

– Нет. Высоты боюсь.

– Опять сочиняешь?

– Нет. У меня сразу голова кружится. Шутка ли – десятый этаж...

– А как же скалолазанье? Ты же ходила на курсы...

– Я на них записалась. Оплатила абонемент, но так ни разу и не дошла...

– Почему?

– Потому что... – Стоп. Какие курсы? Нет. Неверный вопрос. С какого хрена ему известно, куда я ходила в Питере, и на какие курсы записалась?

– Эй. Кто тебе сказал про мои курсы?!

– Птичка на хвосте принесла.

– Кирилл! Это уже вмешательство в мою личную жизнь. Подсудное дело, если ты не знаешь!

– Чем докажешь, что я вмешивался?

– Ничем. Ты прав. Но так нечестно же!

– Ага. Зато – взаимно.

– Не поняла?

– Ну, ты что-то знаешь и не хочешь говорить. Я тоже знаю, и тоже не хочу. Все честно. Не правда ли?

– Нет.

– Почему?

– Потому, что и твои, и мои данные касаются меня. Кособоко получается. О тебе никакой информации нет.

– Ну, как же... Все очень даже и меня коснулось. Жду пояснений, до сих пор, как ты помнишь. Смотри, надоест уговаривать, и мое предложение о сексе перестанет быть шуткой.

– Я балдею. Кирилл, ты – живое воплощение того, как можно определить зануду.

– Мда? – Он сделал затяжку (курильщик, похоже, из него никакой – больше истлело, чем было использовано по делу), и щелчком выкинул сигарету. – И как ты его определяешь?

– Просто. Это мужчина, с которым проще переспать, чем объяснить, почему не хочешь с ним спать.

– Сказано хорошо. А ты уверена, что не хочешь? – Очень удобную выбрал позицию для такого разговора: прижал к окну, из которого можно выпасть. Плотно прижал, так, что двигаться можно только вперед, в то самое окошко.

– Даже под угрозой того, что ты меня сейчас выкинешь на

улицу, скажу: да, уверена. Не хочу.

– Не бойся. Не выпадешь. Крепко держу. – Действительно, крепко. Так, что моя спина и филейная часть четко ощущают все выпуклости, и не только их, горячего жесткого тела. – А тогда не была уверена? Или просто хотела? – Искушающий шепот на ушко.

Черт. Я только расслабилась. Думала, есть шанс нормально договориться... А он просто подготавливал почву. Подманивал. Теперь, видимо, второй раунд начался. Только, что-то я не слышала звуков гонга...

– Да, блин! Да! У меня, на тот момент, не было постоянного партнера. Мужиков на улице цеплять не привыкла. Вот и страдала. А тут – очень подходящий момент, предлагают время провести с пользой, для тела и для дела. Грех не воспользоваться. Доволен? Я на все твои вопросы ответила?

Тихий, щекочущий кожу смех.

– Ты мной попользовалась? Браво, Лиза! Я очень доволен ответом. После клуба, я так понимаю, тоже?

Вообще-то, по моим расчетам, он должен был обидеться. Чему же так рад?

– Ну, если помнишь, я пробовала отказаться. Но ты был очень настойчивым. Говорю же, зануда...

– А мне все по-другому виделось...

– Ну, с твоим-то сомнением... Представляю, что напридумывал себе... – Хотя, если честно, была уверена, что на следующий день забыл. Ну, ладно, через два дня, если учи-

тывать перевод этих несчастных пятисот рублей. Ведь знала же, что этот мелкий укол зацепит. Но не смогла себе в мелкой пакости отказать.

– А ты продолжаешь по нему топтаться? Думаешь, получится раздавить? – Вот сейчас его голос должен звучать рассерженно, или ядовито. Ничего подобного. Очень соблазнительно звучит. Не поняла. Что значит "соблазнительно"?

Какого беса я сейчас расклеиваюсь и начинаю поддаваться на это обаяние? Ведь ничего, кроме животных инстинктов, он во мне не будит. И даже их, вообще-то, не должен будить. Равнодушие и отстраненность – это максимум, что может быть позволено. Так, какого хрена мне так хочется развернуться и вспомнить, какого вкуса у него губы? Я и так, нужно сказать, помню... однако, впечатления можно и подновить... Вот только, мне это совершенно ни к чему...

– А что, у тебя есть какое-то уникальное разрешение убивать другим самооценку, чтобы тебе ничего в ответ не прилетало?

– Когда это я её тебе убивал? – Надо же, как искренне удивился. Может быть, и правда – не понимает?

Не выдержала, развернулась, чтобы ответить, глядя прямо в глаза. Идея плохая. Без каблуков, я ему в ключицы лбом упираюсь. А голову задирать – пипец, как сложно. За спиной окно распахнутое, шевелиться страшно. Все равно, придется... Не стоять же в обнимку и бубнить ему в грудь... Эффект вообще не тот.

Пока все это думала, просто стояла и сердито сопела, пачкая помадой рубашку. Совесть за это ни сколько не мучила. Она сейчас больше сосредоточилась на том, как наглые пальцы скользят вверх-вниз по позвоночнику. И запрещала ему отзывчиво прогибаться. Ну, и пускай по всем окончанием нервным словно заряд прошелся... Я девушка стойкая. И не буду реагировать на банальное лапанье. Просто он пахнет еще очень вкусно...

– Слушай, Кир... Как у тебя одеколон называется?

– Тебе зачем?

– Комаров травить, конечно же! – Огрызнулась на автомате. – Тебе какая разница, зачем мне название? Трудно ответить?

– Кто бы говорил... А вдруг, он тебе так понравился, что ты его всем мужикам своим будешь дарить?

– Нет. Наоборот, нужно знать, что покупать нельзя ни в коем случае. Меньше шансов ошибиться. – Хотела съязвить, что сегодня же приобрету такой для Вити, но, тем самым, признаюсь... А оно мне надо?

– Извини, конечно, только помочь тебе не смогу. Это подарок, стоит пузырек, пользуюсь, на название не смотрю...

Подарок. Надо же... Сто пудов, от Андерса. Не хочу думать, что от какой-то подружки. Абсолютно не хочу. А если поразмыслить: какая мне разница? Вот именно. Никакая. Так, Лиза, соберись. Нахами напоследок, так, чтобы наглые ручонки разжались, и улепетывай, пока не опомнился. А он

быстро приходит в себя. Убеждались.

– Зря. Чем-то подобным у нас тараканов у бабушки выводили. Отпусти. Я задыхаюсь.

– Так ты голову подними. Жарко, тем более, от того, что ты дышишь куда-то в меня... Опять же, ассоциации возникают...

– Какие такие ассоциации? – Возмутилась. Забыла об опасности. Подбородок задрала. Встретилась взглядом с насмешливыми темными глазами...

Что-то в них мало насмешки, однако... И смотрят куда-то не туда...

– Ну, например, такие... – Хорошая демонстрация. Его рот – слишком близко с моим. Верхнюю губу захватывает... Нет. Мы таким образом не целовались. Я точно помню. Таких игр не было. Или я ошибаюсь? Запуталась совсем...

Я, отчего-то, была уверена, что помню все очень ярко, только некоторые моменты затерлись, перемешались с тем, что порой в снах приходило и мучило, заставляя искать, выбирать в реальности хоть что-нибудь, отдаленно похожее. Как ни старалась забыть и выкинуть из подсознания, подальше от греха, не получалось. И вот – опять. Намного жарче и острее, чем в снах. И от того опаснее. Такими темпами, придется идти в монастырь, отмаливать все грехи и умерщвлять желания...

Кира, похоже, не удовлетворило, что я не принимаю в процессе никакого участия. Просто стою и думаю. Беда, ко-

нечно. С его-то мнением о себе, как о самце, которому никто не отказывает, несколько обидно... Я это понимаю. Но на кой хрен снова лезть мне под юбку? Можно действовать и более мягко...

– Кирилл, прекрати. – Оторвалась на секунду. – За дверью люди. И Андерс со всеми не справится: он не заменит толпу твоих бритых уголовников...

– Зря обижаешь людей. Все приличные... – Вот, уважаю парня: умудряется тискать меня, целовать шею, и выгораживать своих горилл. А еще говорят, что только женщины способны выполнять одновременно несколько действий. У этого товарища тоже неплохо выходит...

А вот сажать меня на подоконник мы совсем не договаривались! Вцепилась в плечи, почти заорала:

– Кир, зачем?!

– Ты для меня слишком маленькая, так удобнее... – И снова целоваться лезет.

– А если я выпаду? Об этом подумал?

– О, извини. Это легко решается. – И перетащил на стол. Теперь с другой стороны.

Только пришла хорошая идея в голову, чтобы снова гадость выдать... Ушла очень быстро. Игры закончились. Меня соблазняли, и очень успешно. Думать уже не могла. Могла лишь постанывать, когда его пальцы зарылись в волосы... Заколка, похоже, сломалась... И впиваться ногтями в мышцы, спрятанные под тканью, тоже получалось неплохо... Не

помню, кто галстук ему развязал. Я его точно стягивала и бросала куда-то, к чертям...

Главная моя заслуга в том, что не позволила оторвать все пуговицы на блузке. Мне же ещё выходить отсюда, на глаза сотоварищей... Заставила расстегивать, медленно и вдумчиво. Не помогала. И не призналась, что половина из них – обманка, и вообще, расстегивается она со спины и снимается через голову... Извращенка, наверное, но особый кайф доставило наблюдать, как он раздраженно пыхтит, пытаясь вынуть бусинку из несуществующей петельки непослушными пальцами... Этой минуты хватило, чтобы слегка перевести дыхание, руки от него отвести...

Но препятствие надолго этого дельца не задержало: он просто выдернул ткань из-за пояса юбки, задрал до шеи, и впился губами в кожу, прикусывая, на самой кромке белья. Застежку лифчика нашел, не задумываясь, вот она-то проблем не вызвала...

– Кир, прекрати. Ты мне синяков и засосов наставишь.

– Ага. – Такой довольный.

– Что "ага"? Ты понимаешь, что они проходить будут недели две?

– Ну, зато не будешь ни перед кем оголяться минимум полмесяца... – И все это – не отрываясь от тела. Надо же...

– Кир, у тебя что, два года секса не было? Что ты так звереешь?

– С тобой – нет. – И принялся меня укладывать. Прямо на

стол. На котором еще валялся опрокинутый монитор и куча всякой другой ерунды. Часть была сдвинута в кучу на край столешницы, часть – полетела на пол...

По-моему, кто-то заглядывал в дверь... Интересно, он видел, как я сопротивлялась? Или с того ракурса все выглядело более... интересно?

Кир что-то рыкнул, не очень внятное, даже мне страшно стало. Ну, так, не очень, конечно... А дверь закрылась, с грохотом. Сдается мне, это был Андерс... Обиделся, наверное. Я бы точно обиделась на его месте. Интересно же знать, что там друг творит с обнаглевшей сотрудницей...

А я, действительно, обнаглела: укладывать себя не позволила. Крепко обхватила Кирилла за шею, уселась обратно, обхватывая ногами, поплотнее... Юбка опять предательски трещала... Дежа-вю какое-то...

Он, между прочим, не возражал. Бурчал только, не очень довольно, потому что в таком положении... упссс... трусики не снимались. А рвать синтетическое кружево умеют только герои дешевых романов. Ну, и не очень дешевых, конечно, тоже... Только живьем такого мне видеть не доводилось... Хотя, видит бог, Кир старался...

Это, наверное, было бы смешным, и я бы поразвлекалась... Да только вот, ощущать, как дрожат от нетерпения руки мужчины, который пытается тебя раздеть... И ласкает тебя этими горячими руками, так, что и самой не грех бы стягивать это самое белье, чтобы не мешало... Потому что

мало тех прикосновений, раздражающих кожу своей незавершенностью... И все тело болит, требуя, чтобы его, наконец, накрыли, прижали, подмяли, обволокли, и не надо нежностей... Хочется быстро, все и сразу! Два года пыталась забыть, и засыпать, не думая. А тут – на тебе, бери, пользуйся, наслаждайся. И проклятое кружево, которое не слушается... с завтрашнего дня – только хлопок, с ним проще...

Ему, слава богу, хватило, наконец-то, ума просто сдвинуть в сторону жалкие тряпочки. И жадно, на грани грубости, пройти там, где все уже болело от сводившего напряжения. Нежности – ноль, но я бы от неё сейчас просто сдохла, не выдержав еще и секунды ожидания. А потом резко вторгся пальцами, заставив изогнуться дугой, закинув голову, вжимаясь в него ноющей грудью... Хотелось орать в голос, но, где-то на периферии, остатки разума вопили "Нельзя", и мне оставалось только закусывать губы, чтобы сдержаться...

Он что-то заметил, похоже, ухватил за затылок, притянул ближе, заткнул мне рот своим, сглатывая рвущийся стон, и отвечая вздохом, таким же утробным... А жадные пальцы не останавливались, все больше дразня, вызывая все большее чувство неудовлетворенности. Мало. Этого было мало. Но большего он не давал, будто бы издеваясь.

– Лиза, держись крепче... – Оторвал мои руки, впившись в его шею, завел за спину, придавая большую устойчивость. – Не падай, пожалуйста.

Как еще он разговаривать может? Когда у меня в глазах темнеет...

Придерживая за спину, вновь склонился к груди, подразнил дыханием и больно впился. Еще одно легкое движение руки – и я взорвалась, рассыпалась и обмякла. "Губы в кровь, наверное..." – смутная мысль пришла и тут же исчезла.

Кирилл успел поймать, когда я начала плавно съезжать на столешницу... Иначе, свалилась бы к его ногам... В самом прямом смысле, никаких метафор...

Прижал к груди, не прекращая поглаживать везде, где дотягивался... Но из меня будто воздух выпустили, даже реагировать не могла. Просто висела на нем, мелко вздрагивая, пробуя отдышаться...

– Ты как? Все нормально? – Надо же, какое участие... Мне бы сейчас в какой-нибудь темный уголок, и чтобы не кантовали...

– Ммм... Угу... – Все, что смогла ответить. Не открывая глаза. Веки, будто свинцом налитые, не открывались.

А он... Начал поправлять одежду. На мне. Все так же придерживая за спину, вернул на законное место бюстгальтер, застегнул. Лямочки поправил. Затем блузку вниз натянул. Я, наверное, жалкое зрелище сейчас представляю...

Аккуратно пододвинул к себе, помог встать на ноги, теперь уже до юбки руки дошли, до моей многострадальной. Интересно, она еще будет жить, или теперь – только на тряпки?

– Кирилл, а... ты? – Вот, мысль, смутно блуждавшая в голове, наконец, оформилась. Это же ему было нужно, он настаивал, а получается... У Кира, как и прежде, облом.

– Что "я"? – Он перевел глаза от края блузки, которую сейчас заправлял за пояс, на мое лицо.

Поморщилась. Снова игры.

– Так же нечестно. Ты свою порцию не получил...

– А... вот ты о чем... я передумал.

– В смысле? – Так меня еще никто не удивлял...

– В прямом. – Он сделал паузу, чтобы критически меня осмотреть. Лучше бы сразу осматривал, теперь-то зачем? – Не хочешь на диван присесть?

– Хочу. Я бы, вообще, домой сейчас пошла и под одеялко... – Мечтательно вздохнула...

– Это приглашение?

– Иди ты нафиг. Я устала от тебя и отдохнуть хочу. С какого рожна приглашать-то?

– Ну, я так спросил, чтобы проверить, насколько ты вменяема сейчас.

На диван, все-таки, перетасил. Или перенес, так более приятно звучит...

Уселся рядом, вздохнул, глаза потер... Будто забыл о вопросе.

– Может, ответишь, все-таки, зачем было весь этот сырбор разводить? Ради того, чтобы остановиться?

– Лиза, я одного не пойму: ты всегда такая настырная?

– Целеустремленная. Так правильнее. Когда резюме пишешь, недостатки нужно обзывать так, чтобы они казались достоинствами. Если нужна будет помощь – обращайся. Научу. Даже бесплатно, в порядке благотворительности.

– И как часто с тобой случаются благотворительные припадки? Я еще ни разу не замечал...

– Обычно, я подаю по пятницам... – Сидеть так, закинув голову на спинку, прикрыв глаза, можно бы очень долго. Даже вялая перепалка не раздражает и не бодрит. Так, скорее, привычка... – Ответь на вопрос, Кирилл. Иначе, не отстану. Даже в кошмары начну приходить...

А что? Все по-честному. Трепать нервы друг другу нужно взаимно. Иначе, кайфа никакого...

– Лиз, я понял, что если сейчас начну, то очень долго не остановлюсь. И тогда уже сомнений в происходящем не останется ни у кого, во всех офисах на этом этаже. А так же на тех, что сверху и под нами. Звукоизоляция здесь ни к черту, застройка-то типовая...

– Ааа... Понятно. Спасибо. – Убить бы его сейчас. Он, значит, смог сдержаться, а я не смогла. Снова обыграл. Оно, конечно, такое признание немного льстит... Но раздражает намного больше...

– Пока еще не за что благодарить... Я просто время более подходящее выберу...

– Ага. И я, как собачка, по звонку прибегу, чтобы доставить радость. Не путай меня, Кирилл, со своими шлюшка-

ми. Все, что здесь произошло – нелепая случайность. Ты выбил меня из зоны комфорта, и теперь я не ведаю, что творю. Но, думаю, достаточно. Никаких повторений и предложений. Все. Баста. – Я как-то выдохлась за эти полдня, слишком насыщенные, даже для моего извечного пофигизма. И эта наставительная речь вышла несколько вялой... Но Кир, похоже, проникся. Потому что очень долго молчал, прежде чем ответить. Его лица не видела, сидела все так же, закрыв глаза...

– Ты сейчас немного не в себе, Елизавета, и плохо понимаешь, о чем говоришь...

– Как точно подмечено. Тебе бы работать в центре психологической помощи... Ладно, Кирилл, все это весело, но я пойду. Сколько времени сейчас? В отдел кадров до перерыва успею?

– Нет. Перерыв уже начался, и ты пойдешь домой. Только обуешься, для начала...

Только сейчас опомнилась, что так и сижу разутая, в одних чулках. А этот гребаный фетишист с каким-то нездоровым интересом уставился на мои ступни. Или на фиолетовый педикюр со стразами? Боже... Еще и этот позор рассмотрел... Второй день собираюсь избавиться, да забываю...

– Я пить хочу. И вещи нужно забрать, в кабинете остались... – Заявление можно и сканом по почте послать. Отчитываться не собираюсь.

– Сейчас организуем.

Он встал, подошел к двери и, открыв её лишь наполовину, начал отдавать распоряжения, как ни в чем не бывало...

– Андерс, принеси, пожалуйста, воды. Девушке плохо стало. Перенервничала. Анна Юрьевна, у вас что-нибудь успокоительное есть? Нет, не нужно "Скорую". Лучше принесите вещи Елизаветы сюда, – повернулся ко мне. – Что нужно?

– Сумочку и плащ. – Покорно ответила, понимая, что лучшего объяснения моему потрепанному виду не придумать. Если бы не одно "но": боюсь, никто не поверит, что я так умею нервничать... А если поверят, что ж... Мне уже без разницы.

Андерс, видимо, за водой отправился прямо в Москву. Можно понять: не местный, в питерских супермаркетах ориентации ноль...

Потому что несчастную бутылку он принес на полчаса позже секретарши, которая стрелой метнулась и вещи мои приволокла. Хотя, её тоже понимаю: обеденный перерыв в разгаре, нужно хоть кофе попить, а она тут носильщицей подрабатывает...

В общем, я успела поправить прическу (или то, что от неё осталось), стереть салфеткой оставшийся макияж, и даже накинуть плащик, а Андерс все где-то пропадал. Кир мерил кабинет шагами, почти не оглядываясь на меня, будто и не зная, что за мамзель тут сидит. Волновался?

– Кирилл, я воды сама себе куплю. Какой смысл ждать? Пойду...

– Сиди. Андерс тебя домой отвезет.

– Вот еще. Я в полном порядке. Тем более, сама за рулем...

– Я сказал – отвезет, значит, так и будет.

– Что еще за диктаторские замашки? "Я сказал", – передразнила. – А кто тебя спрашивал, если не секрет?

– Если ты помнишь, то для всех действует версия, что у тебя нервный срыв...

– Ага. И веришь в неё только ты. Убеждать остальных не советую.

– Это еще почему?

– А тогда конец твоим нормальным отношениям с коллективом.

– Как интересно. Причина?

– Обычно, это я людей до срыва довожу. В это любой поверит. А если тебе такое со мной удалось – ты ужас, какой зверь, изверг, тиран и вообще...

– Да мне, вообще-то, без разницы... – Пожал плечами.

Я ответила тем же, по привычке отзеркалила жест...

– Ну, тогда убеждай. Я в этом не участвую.

Он уже открыл рот, чтобы возразить, но в помещение ввалился блондин. Вернее, вошел почти без звука, но будто занял половину объема. Тесно как-то стало. Откуда он, такой большой, взялся?

Мне достался очень короткий взгляд, вскользь, а потом он уставился на Кирилла. Похоже, старательно отводит гла-

за, потому что они, то и дело, скашиваются в мою сторону. Стесняется, что ли? Или боится в открытую смотреть? Тоже забавный фрукт, было бы время – обязательно попробовала бы поковырять, что там за начинка внутри...

Но "фрукт" лишь угрюмо протянул воду Кириллу и бросил, коротко:

– Выйдем, Кирилл... Владимирович, – судя по паузе, по отчеству звать его не привык. – Нужно сказать пару слов, без посторонних.

Кир оглянулся:

– Лиза, подождешь?

– А куда я денусь? Вы же говорить собираетесь в приемной? Мимо вас, все равно, не проскочу.

– Действительно. Пойдем, пообщаемся. Надеюсь, не очень долго? Тебе еще нужно Елизавету до дома доставить. Ей за руль, как бы, нельзя...

– А вы тут еще и по пятьдесят грамм, что ли, дернули? – Бровь белобрысого старательно ползла вверх, как он её ни держал на месте. Усиленно делал вид, что ничуть не удивлен, и расстраивался, что не выходит.

– Нам здесь еще алкоголя не хватало, правда, Лиз? – Так это произнес, будто в сообщники записал. Наигранно-дружеским тоном.

– Я вообще не пью в незнакомых компаниях. Поэтому, не понимаю, о чем вы. – Лицо кирпичом, и пусть сам выкручивается.

– А в чем дело тогда? Я не понимаю, с каких это пор я должен подрабатывать шофером для персонала?

Ни фиги ж себе! Это он меня сейчас персоналом обозвал?! Ладно, припомню...

– Лиза перенервничала, я же сказал! – Кирилл бесится. Не любит, когда ему что-то против говорят? Тогда, какого хрена нянчится со мной? Должен был три раза дойти до белого каления...

– Да. У меня на валерьянку побочный эффект проявляется. Она расшатывает мой эмоциональный фон, делает опасной для окружающих. В общем, дура-дурой становлюсь. Хотя, если вам не жалко окружающих, я и сама доберусь. Не напрягайтесь, я это Кириллу уже полчаса твержу. – Ну, чуть-чуть преувеличила... Подумаешь...

– Ладно, Андерс, пойдем, расскажешь, что там стряслось. Лиза тебе зубы заговаривать будет, пока не убежишь. Пожалей психику, сделай перерыв. – Это, значит, о психике блондина Кир переживает. А кто подумает о моей?

Но вопрос так и остался без ответа: оба свалили, чуть не забыв оставить бутылку.

Я водички попила. Подождала. Еще попила. Потом стало скучно. И дверь захлопнута не до конца. И – нет, я не люблю подслушивать. Вообще, никогда так не делаю. Просто подошла, чтобы поплотнее прикрыть... И немножко задержалась. И нечаянно услышала, о чем эти товарищи спорят...

– ...выгораживать тебя перед Иркой! – Это Андерс шу-

мит. Ого, а он может быть грозным. – Она не дура, и давно догадывается, что ты не совсем чист. Если хочешь кобелировать, то хотя бы не на моих глазах!

Так, запомним. Ирка, значит. И подарки, наверное, от неё. Сидит, значит, бедная, ждет под окном, а этот гад со мной развлекается! Нужно бы её телефончик раздобыть. Так, на всякий случай.

Кир ответил, но слишком тихо. Я не расслышала.

– Достал уже, честно! Вот скажи, когда ты утомонишься?

Снова бурчание в ответ. Хоть голову просовывай в щель, чтобы услышать, что он там бубнит...

– А ну-ка, объясни мне, Кир... Очень выгодный бизнес, в который я бабки вложил, он действительно выгодный? Или вся затея – ради юбки? Ты меня за этим в Питер притащил? – Вот теперь, он точно злится...

Черт! Ну, почему ни одного слова Кирилла не слышно? К логопеду бы записался, что ли... Все самое интересное пропускаю...

Зато Андерс – лапочка. Орет, как иерихонская труба! Не люблю громкоголосых, но этого – исключительно обожаю!

– Ты мне мозги не пудри. Если бизнес накроется медным тазом, я тебе не прощу. Сделал из меня олуха, наобещал всякой хрени, а я, как дурак, повелся...

Снова тихий бубнеж, потом – пауза. Очень подозрительная. Не к добру эта тишина. Неужто, догадываются о том, кто под дверью скребётся?

Шаги. В мою сторону. Ладно, переиграем. Дернула дверь и выплыла в приемную.

– Товарищи. Вас невозможно подслушивать. Кто ж так орет, а потом бормочет? Я ни фиги не поняла. Может, расскажете?

Рекламная пауза. Такой же эффект она производит, когда втыкается в самом интересном месте сериала. В общем, не обрадовала я никого своим появлением.

– Елизавета. Неужели, ты и впрямь подслушивала? – Кирилл насупился, очень недоверчиво. Ясно, пытается сообразить: где я правду говорю, а где – очередная хохма.

– Ага. А теперь совесть замучила, и я решила признаться. Казните меня или помилуйте, все приму. – Ненавижу пафос, но сейчас постаралась.

– Ладно. Мы потом договорим, когда отвезешь Лизу.

Андерс кивнул, видимо, надежда на то, что отмажется, у него преждевременно умерла...

– Ну, все. Я побежала. Андрюша, догоняй! Кирилл, прощайте!

– Подожди минуту. – Вот что ему опять от меня нужно?

– Минута пошла.

– Даже не думай сегодня ходить на какие-то встречи.

– Пфф...В кои-то веки, я пораньше с работы уйду, с законного позволения...Неужели, я теперь на переговоры попрусь?

– Я про другую встречу. Никаких Вить. Поняла?

– А вот теперь – точно пойду. Спасибо за то, что помог мне принять решение. Все. Пока.

И умотала оттуда, от греха подальше. Потому, что физиономия Кира ничего доброго не предвещала. Быстренько так потопала, даром, что все на тех же каблуках...

Глава 3

Я уже почти доковыляла до своей пучеглазой пташки и собиралась очень быстро улететь. Зря планировала. Андерс догнал, перегнал, молча взял за руку и повел обратно. Хотела, сначала, скандал закатить, с воплями "Убивают, насилюют!", а потом поняла, что мы на парковке одни. Глупо орать голубям и воронам – полицию не вызовут.

С видом оскорбленной невинности добрела до серебристой тачанки (танк на колесах, иначе не назовешь, терпеть не могу такие). Демонстративно встала у двери. Думала, не поймет намек, и я, хоть так, на нем отыграюсь. Но блондин оказался воспитанным: дверь приоткрыл, придержал, помог залезть, закрыл. Полное обслуживание.

– Андерс, вы же не хотите меня никуда везти. Давайте, договоримся?

– О чем? – Хмурый Андерс намного страшнее хмурого Кирилла. Мне он таким не нравится, вообще.

– Вы меня отпустите восвояси, а я об этом никому не скажу. Поеду домой сама. А вы отдохнете в каком-нибудь кафе. Могу подсказать хорошее. Даже дорогу покажу.

– Не прокатит. Пообещал отвезти – значит, отвезу.

– Ну, и зря. Сами пожалеете потом.

– Возможно. Как-нибудь разберусь.

– Ну, смотрите... Я вас предупреждала.

– Вы мне угрожаете, Лиза? – Слегка поднял светлую бровь. А ничего так, с мимикой у него все в порядке...

– Не дай боже... Я вообще безвредное существо, глубоко в душе. Просто, выбросы энергии очень большим радиусом поражения обладают. А в мирное русло я её направить не всегда успеваю.

– Кого "её"?

– Не кого, а что. Свою энергию.

– Это я заметил уже. – Он достал навигатор и начал что-то сосредоточенно вводить.

– Тогда вы должны понимать, что связываться со мной не стоит. А оставаться в замкнутом пространстве наедине – вообще, поставить крест на своих нервах.

– Я переживу.

– Хорошо. Тогда расскажете мне по дороге, о чем вы с Кириллом спорили. Я не расслышала до конца.

– Лиза, я на вас смотрю и задаюсь вопросом: у вашей наглости есть предел?

– Есть, наверное... Только его еще никто не видел, по моему. Во всяком случае, мне не говорили.

– Надеюсь, я смогу вас остановить по дороге к этому пределу... – Он, наконец-то, тронулся с места.

– Вы, главное, сами не останавливайтесь. По дороге будет очень интересно.

– Вы это сейчас о чем, Елизавета? О какой дороге?

– Ай... – Не умеет совсем играть словами. Скучно. – За-

будьте. Шутки не объясняют.

– Это была шутка?

– Вот знаете, Андерс, будь мы немного подольше знакомы, я сказала бы, что вы безнадежно тупите. Но мы знакомы всего несколько часов, и я себе таких фраз не позволю.

Он помолчал немного. Видимо, решал, стоит ли уже на меня орать, или можно еще помучиться.

– А вам когда-нибудь говорили, что вы очень необычная?

– Нет. Таких изысканных комплиментов мне еще не доставалось. Обычно, люди проще выражаются, хотя, в том же смысле.

– Это как?

– Ну, вариантов много. Я целую коллекцию насобираала. Когда-нибудь, с внуками поделюсь...

– А со мной? Поделитесь?

– Я не уверена, что это обогатит ваш лексикон. Ничего хорошего не услышите.

– А все же?

– Ну... Девочка с приветом, без тормозов, ушибленная на всю голову, дурковатая... Достаточно, или еще добавить?

Андерс только скептически поджал губы. Не понравилось, или не поверил?

– Это очень странно. В вашем личном деле, наоборот, сплошь лестные характеристики. И про ум, и про другие качества... Несовпадение. Не объясните, почему?

– Не знаю. Может, кадровики обманывают? – Посмотрела

на него с надеждой. – Или мне так повезло, что мое дело приготовили для показательной выставки? И все плохое из него убрали?

Усмехается и мотает головой.

– Андерс, вы, главное, мне верьте, а не всяким бумажкам. Лучше, чем я, обо мне не расскажет никто.

– Я не сомневаюсь. Что важно, Елизавета, вы – абсолютно откровенны. И ничего плохого не скроете, в отличие от кадровиков.

Мне почудилось, или он издевается надо мной?

– Вы знаете, Андерс, я очень люблю и уважаю умных людей. Вы мне кажетесь очень даже неглупым. И я готова уже вас уважать.

– Ого, какая честь! Вы с первого взгляда ум определяете?

– Нет. С первого взгляда можно определить его отсутствие. А наличие немного сложнее.

– Лизонька, у меня сейчас ощущение, что вы откровенно льстите.

– Ага. Не ошиблась. Умный.

Андерс разулыбался.

– И сейчас тоже была лесть?

– Нет. Это уже констатация факта.

– И к чему этот разговор?

– Андрюша, я вас, таки, обожаю! Или как лучше? Энди, Эндрю, Андрон... Как вам больше нравится?

– Чем вас не устраивает мое полное имя?

– А чем вас не устроило мое?

– Ладно. Квиты. В ваших устах любое извращение звучит, как песня! – Он картинно прижал руку к сердцу. Развеселился. Это хорошо.

– Вы это зря сейчас сказали, между прочим. Разойдусь ведь – не остановите. Потом грустно будет...

– Хорошо, Лиза, я учту. А теперь, может быть, мы вернемся к теме? С какой целью была эта лесть сказана?

– Ого! Еще и упорный! И с толку не собьешь... В общем, я думаю, договоримся.

– Смотря о чем...

– Да все просто. Вам же не нравится, что Кирилл тратит на меня время?

– С чего вы взяли?

– Значит, ошиблась. Значит, вам это нравится?

– Я такого тоже не говорил.

– А здесь быть не может других вариантов. Либо да, либо нет.

– А если я глубоко равнодушен к этому моменту?

– Ну, если бы вы видели свое лицо, когда с ним беседовали, то даже не пытались бы врать. Что угодно, только не равнодушие... И потом, я очень сомневаюсь, что вы любите охранять двери, пока шеф кого-то... разговаривает. Если я ошибаюсь – поправьте.

– Вы делаете слишком поспешные выводы, Лиза. Пока вы с Кириллом... разговаривали... очень громко, хочу ска-

зять. — Тут я, против своей воли, начала краснеть. — Я наслаждался беседой с вашим секретарем. Очень милая женщина...

— Само собой. Вам теперь есть, с чем сравнить.

— Что вы имеете в виду, Лиза? — Он отвлекся на сложный маневр, и выглядел слегка рассеянным.

— Ничего. Вы не понимаете намеков, а я не люблю их объяснять. Поэтому — проехали.

— С вами невозможно разговаривать спокойно. Пара фраз — и начинаете раздражать.

— Вот, и я о том же. Пожалейте психику свою и шефа. Уговорите его свалить отсюда, и все будут счастливы. И вы, и он, и я.

— Лиза, я не пойму, отчего вы так стремитесь поссориться с Киром и побыстрее разбежаться. Любая другая на вашем месте должна бы радоваться и думать, как его удержать...

— А я — не любая. Я — это я. И не нужно меня ни с кем сравнивать.

— В том-то, видимо, все и дело...

— Не поняла?

— И не нужно. Один совет: не хотите проблем, завязывайте с этим Витей. Всем лучше будет.

— И вы туда же?! Это моя личная жизнь, и не смейте указывать, что мне делать!

— Боюсь, Лизонька, вы одного не поняли: ваша личная жизнь почему-то интересует Кира. С этого момента она пе-

рестала быть только вашей. Это факт, и лучше с ним смириться...

– Да пошли вы все!!! – Ненавижу, когда мне указывают. Тем более, два человека подряд, а особенно – этот сивый. – Высадите меня, и срочно. Меня укачивает. Я по свежему воздуху пройдуся.

– Не обманывайте меня. Я слишком много о вас знаю. Тем более, доехать осталось всего лишь пару кварталов.

Охренеть! Еще один господин всезнайка! И... Я вот сейчас не поняла...

– А куда вы меня, собственно, везете?

– Вот по этому адресу. – Кивнул в сторону навигатора. – Он же верный?

Ага. Абсолютно. Только про этот адрес никто в нашем офисе не знает. Даже Виктор. Я его в гости ни разу не приглашала...

– А кто вам сказал про то, где я живу? Это вмешательство в мою личную жизнь, между прочим! – Что-то я сегодня повторяюсь... Кому-то уже предъявляла, кажется, именно эти обвинения. С этими двумя любая фантазия сдохнет, не выдержав нагрузки...

– Ну, у всех нас есть методы получения информации... Вы же собираете данные о своих клиентах? Вот и мы... собираем.

– Но я-то – не ваш клиент! Я вас не трогала, ни одного! Что пристали-то?

– Понятия не имею. – И рожа кирпичом. Жаль, что за рулем, отвлекать опасно, иначе, заехала бы чем-нибудь...

Я, видимо, слишком увлеклась идеей, как буду блондина расчленять, и надолго смолкла.

– О чем задумались, Лиза? Какая-то непривычная тишина...

Сучок, еще и подкалывает.

– Да вот, пытаюсь представить, пойдет ли вашей физиономии художественная роспись ногтями... Думаю, что не очень. Но меня это не остановит. Не советую расслабляться.

– Да, я начинаю понимать Кирилла... – Усмехается, опять. Почти ненавижу. Если бы не любопытство, уже устроила бы бойкот.

– Вы о чем?

– Очень горячая штучка, темпераментная. Если вы так себя не только на словах ведете...

– Ага. Баллончик с бензином, зажигалка, и настроение. Ни один ухажер не устоит.

– И часто приходится такие меры включать?

– Ага. Тела не успеваю прятать. Еще, как назло, на соседней стройке котлован зарыли....

– Лиза, мы приехали. Выходите.

– Я выйду. Но, может быть, попробуем договориться?

– О чем?

– Расскажите Кириллу, что я болею чем-то очень опасным и заразным, и лучше ко мне близко не подходить. И увозите

его отсюда подальше.

– Зачем вам это?

– Я очень люблю свою работу, и не хочу её терять. А с Киром в одном здании я долго не смогу находиться. Плохо будет всем, и вам тоже.

– Я пока ни на что не жалуюсь, Елизавета. И не собираюсь влезать в дела Кирилла.

– Хорошо. Значит, не договоримся. Для вас же хуже, Андрей. Не знаю, как по батюшке. Я пошла, до свидания.

Он открыл рот, чтобы ответить, но не успел. Резко дернула за воротничок рубашки, на себя, и крепко так поцеловала. В губы, пока не успел увернуться.

Теперь он с шальным видом хлопал глазами.

– Ммм... Как понравилось... Обязательно отчитайтесь Кириллу обо всех подробностях нашей поездки. Я у него потом спрошу.

И еще один поцелуй – контрольный – пока не оклемался. Хлопнула дверью и выскочила.

Просто трясло от злости. Не хочешь договариваться? Значит, сам сбежишь... Идиот.

Только успела нажать на кнопку вызова лифта, затрещивал мобильный. Номер незнакомый. Не брать – нельзя. Слишком часто приходится разговаривать с новыми клиентами.

– Да, слушаю. – Постаралась убрать из голоса всю нервозность, свое плохое настроение показывать нельзя.

– Елизавета, что это было? – Ну, конечно. Андерс, чтоб его! Даже не буду спрашивать, где взял мой номер.

– А вы не знаете, как это по-русски называется? Я вас поцеловала, Андрюша. Два раза.

– Я знаю, как это назвать русскими словами, но хочу пояснений: что это было?

– Это любовь. Пылкая и внезапная. Только что в себе нашла. Надеюсь, что это взаимно.

– С какого перепугу? – Андерс немного растерян и злится. Слышно по голосу.

– С такого. Вы полностью подходите под мой идеал мужчины. Твердый и неприступный. Готовьтесь к осаде, Андрюшенька... Я от вас не отстану. Теперь и номер ваш есть. Так-то...

– Елизавета, вы объявляете мне войну, что ли? – Сообразительный гад. И мне это нравится. Может быть, стоит отнестись к затее повнимательнее? Чем черт не шутит... Все равно, у Кирилла какая-то Ирка... Ни за что в жизни не стану ни с кем мужчину делить. Пусть чешет к своей крале. За скобками остаётся Виктор. Парня жаль, но с ним свою судьбу связывать точно не в моих планах.

Нужно с ним как-то осторожно поговорить, чтобы не поранить...

– Елизавета, вы собираетесь мне отвечать? Или, в кои-то веки, проглотили язык?

– Энди, зачем же так официально? Мне кажется, наши от-

ношения перешли на другой уровень. Можете меня Лизонькой называть. Я вам разрешаю. И даже можно на "ты". Договорилились, милый?

В трубке послышался странный звук, похожий на рычание... Ну, вот... А его слонем и мерином обзывала. Еще один хищный зверь. Зато будет весело, если их друг на друга натравить... Главное, аккуратно свалить с арены, чтобы под раздачу не попасть.

– Лиза, вы можете называть меня как угодно, только прекратите этот фарс. Я на него не подписывался.

– Ошибочка вышла. Уже подписался. И, да, я учту твоё разрешение. Номер забуду как "котик", хорошо? Не удивляйся, если нечаянно проговорюсь. Наши отношения не должны быть тайной...

Ха. Психанул. Сбросил. Выдержка так себе, надо сказать. А я рассчитывала... Но "котиком" все равно назову. Пусть будет.

Итак, моя телефонная книга, в целом очень упорядоченная, пополнилась еще одним странным контактом. Кроме него, есть номера "не брать" и "не звонить, даже очень пьяной". Оба, само собой, принадлежат другу-шефу-коллеге сивого кота.

Кашу я заварила, нужно сказать, знатную. Как бы из неё вылезти без потерь... Но мне, все равно, деваться некуда – буду сопротивляться до последнего. К тому же, есть верный друг и товарищ – Нинель.

– Нин, привет! У меня задница! – С кем еще обсудить план действий, как не с лучшей подругой? Импровизация – это хорошо, но только на кратком временном отрезке. А если готовиться к реальным боевым действиям, да еще и по всем фронтам, нужна стратегия. И кому, как не подруге, её можно доверить? Ясное дело, что никому. Среди всего моего окружения, одна только Нинель не обидится, если я вместе с ней разработаю план, а потом сама же его и поломаю, на первом шагу. Она сама такая же. За это и люблю.

– Что? Извини, не расслышала в этом дурдоме...

– У меня задница, говорю!

– Поздравляю. – После родов она стала флегмой, видимо, от недосыпа. Поэтому шило в её пятой точке иногда срабатывает не с первого оборота.

– С чем?

– Ну, не знаю... В таком-то возрасте, обнаружить на теле такую важную деталь... А как ты жила без неё раньше?

– Нинка! Я тебя задушу!

– И кому ты будешь хвастаться новыми открытиями, после моей смерти? – Коза. Пусть и любимая. Я ей на жизнь хочу пожаловаться, а она шутит...

– Я тебя задушу, а потом воскрешу! И заставлю бесконечно слушать про все мои беды, горести и несчастья!

– Мать, прекращай читать на ночь всякую фигню! Зомби не существует.

– Нин, а что мне, тогда, читать? От женских романов я

отреклась, в фантастику не верю, от детективов меня клонит в сон...

– Кулинарная книга. Поверь, она почти никогда не обманет. Хотя... – Тут мы обе заржали. Последняя попытка испечь шарлотку растянулась на две недели. Каждый день – по рецепту, иногда – по два. Переведена безумная куча продуктов, нервов и матерных слов. Плюс – несварение желудка у подруги и её мужа, которому тоже прилетело. Он был первым, кто попросил эту пытку прекратить. Я послушалась. Единственный мужчина, который смог этого добиться. Главное, чтобы он об этом не узнал. Зазнается ещё.

– Давай, колись, что у тебя стряслось. – Нинель снизошла-таки, до проявления любопытства...

– Нин, задница глубокая, на самом деле... Янкевич проявился...

– Мля. Это жсть. Как сильно проявился? Целиком, или только намеками?

– Ох, Нин... Полностью и целиком, собственной персоной. Обосновался в нашем офисе, в кабинете шефа...

– Конкретная жсть. Узнал? Хотя, о чем я... Ты же молчать не умеешь. А не узнать тебя сможет лишь глухой. Зрение обмануть получится, но твоя манера трещать что попало...

– Спасибо, Нин. Ты сейчас так точно дала характеристику самой себе...

– Ой, да ладно. Что делать думаешь?

– Я уже столько всего сделала... Теперь нужен твой экспертный совет.

– Господи, Лиз... Ну, вот что я тебе могу посоветовать, скажи? Твоя фантазия мою сотню раз переплюнет.

– Значит, слушаешь и выразишь свое восхищение.

– Хорошо. Когда будешь?

– Минут пятнадцать.

– Жду.

Военный совет с подругой, как, впрочем, и ожидалось, результата не дал никакого. Мы перемыли кости всем мужикам, Янкевичу – в особенности, дружно поржали, потом погрустили, потом перебрали самые несуразные модели поведения... Нинка сказала, что планы строить глупо. Я их выполнять не умею, когда дело касается личной жизни. Проще на ходу выворачиваться.

Единственное, что слегка подпортило эффект – фраза подруги, брошенная напоследок:

– А может, не стоит уже так сильно отбрыкиваться, Лиз? Этот крендель, Янкевич, – уникум. Ты только его имя помнишь, даже через два года. Перебери в памяти остальных. Ну, не имена, а хотя бы прозвища?

– Не придумывай. Витя. Помню же...

– Уморила. Ты ему дашь от ворот поворот и через месяц забудешь. Не так?

– Нет. Мы работаем вместе.

– Ах да... Об этом я не подумала...

– И вообще. Как решу, как приму его предложение сегодня! И будем жить долго и счастливо!

– Ты рискнешь с ним встретиться сегодня?

– Что значит "рискнешь"? Встречусь, однозначно.

– И?

– Как карта ляжет. По ситуации посмотрю.

– Понятно. Обрадую Лёху, что скоро в его полку страждущих придут новички...

– Иди ты на фиг, Нина.

– Я тоже тебя люблю, дорогая...

Счастью Витьки не было предела. Он, похоже, звонил с приглашением в кафе просто на дурачка: надежды нет, но вдруг, прокатит? И этот единственный шанс из тысячи ему сегодня и перепал. Бедный, наверное, даже в самых страшных снах не думает, что спасибо нужно говорить Янкевичу. Если бы не это явление кошмара наяву, ждал бы облом новоявленного жениха...

Но парень об этом не знал, поэтому сиял, что твой медный грош, натертый песочком.

Глядя на вдохновенное, радостное лицо нашего финансового гения, я почти физически ощутила, как где-то внутри прошлась когтями кошка. А потом еще раз, и еще. А сверху, вдобавок, еще и нагадила. Так противно мне давно уже не бывало. Тем более – от самой себя. Очень не люблю обижать людей, которые этого ничем не заслужили. А Виктору не повезло с самого начала. Вот зачем он, в принципе-то,

ко мне полез? По нему куча девчонок сохнет. Хороших, умных, красивых и милых девочек. На кой сдалась ему вредная и циничная, да и не совсем юная тетка? Тоже скуку решил развеять, оскомину сбить? Так не похоже, вроде бы...

Я уже много раз задавала ему вопрос на тему "зачем тебе это все", но парень колотиться не хочет. "Люблю, не могу без тебя, запала в душу" – и весь разговор. А я не верю, когда мужчина при первой встрече о любви твердит... Тем более, после всех наездов моих и подколов... Молчит, улыбается, обнимает – и все. Никакой движухи. Думала, пошлю его разок, да подальше, вот и отклеится, и пойдёт своим путем, с моим никак не пересекающимся. Но он не хочет отклеиваться уже несколько месяцев подряд. И я к нему привыкла. Приятно же, когда тебя как будто любят, тем более – с моим-то дрянным характером.

Но вот о женитьбе я даже не помышляла. Никогда. Мне Витька ничего плохого не сделал, чтобы так испоганить его жизнь...

– Здравствуй, Лиза! Я заказал для нас самый лучший столик. И шампанское уже нас ждет. Проходи быстрее. – Он встречал меня у самого порога. Глаза блестели.

– Шампусика, что ли, уже накатил, для храбрости, Вить? – Не смогла удержаться, хотя не следовало бы сейчас язвить.

– Что ты, Лиза! Я трезв, как стеклышко! – Он вел меня к столику, пятясь спиной вперед, заглядывая в лицо, чему-то радуясь, как младенец.

– А отчего такой перевозбужденный? Мы только встретились, а ты уже подпрыгивать готов? Тем более, я тебе еще ничего не ответила?

Думала, его несколько охладит замечание... Ни фига подобного. Еще больше растянул улыбку. Может быть, зря я так высоко ценила его мозг? Что-то идиотское сейчас проскакивало.

– А потому, дорогая моя, что ужин пройдет при свидетелях. Очень важных. И если при них ты мне скажешь "да", то уже не отвертишься.

Очень любопытно. Это кого он такого привел, кто сможет заставить меня не передумать в любой момент? Из общих знакомых не знаю ни одного такого авторитетного. Заинтриговал.

Он, наконец-то, прекратил двигаться спиной вперед и нервировать (всю дорогу переживала, чтобы не споткнуться и не упал), и торжественно провозгласил:

– Мы на месте, дорогая, присаживайся! И посмотри, какой у меня замечательный сюрприз для тебя!

Охренительно. Сказала бы по-другому, но мама приучила заменять особо яркие выражения на менее выразительные. Вот, не зря гуляет поверие, что все гении – это мутанты. И их гениальность в чем-то одном компенсируется ущербом в другой области. Витя это убедительно доказал. Вот прямо в этом самом заведении.

Я бы, даже в пьяном бреду, не смогла выдумать то, что это

финансовое светило смогло реально сотворить.

– Витя, а что ты сегодня курил такое мощное?

– Лиза, ты что? – Протянул обиженно. – Ты же в курсе, что мне допинги ни к чему! И тебе пора бросить. Нам же здоровые детки нужны, правда?

– Ага. Действительно, допинги тебе ни к чему. Ты и без них восхитительно выбрасываешь коленца...

– А вы уже и про детей задумываетесь? Не рано ли, если даже не поженились еще?

– Не поверите. Мы их активно делаем. – На языке крутилась фраза, общеизвестная во всей Руси, та самая, в которой желают доброго и быстрого пути, без происшествий, и всегда – в одном, конкретном направлении. Но холодное бешенство, которое начало накрывать, заставило эту фразу попридержать. До того момента, когда критическая масса ярости наберется, и можно будет палить своим ядом во все стороны, не беспокоясь о нечаянно попавших под руку. – Витя, что они здесь делают? Поясни? И зачем им знать про наши личные отношения, а?

– Дорогая, Лизонька, ну, такой важный и торжественный момент... Мне захотелось сделать его еще более запоминающимся...

– Молодец. У тебя получилось. Может быть, я тогда пойду, а вы без меня этот момент запомните? А я, прямо сейчас, начну стараться его забывать. Как думаешь, получится?

– Ну, что же вы, Лизонька, так нервничаете? Ради вас та-

кая компания собралась, а вы хотите убежать? У меня было впечатление, что вы не из пугливых. Присаживайтесь, мы вас уже ждали.

Я уселась на отодвинутый аж двумя парами рук стул. Подумала немного. И решила, что пленных брать сегодня не буду. Ни одного. Пощады никто не заслужил. Три прикурка.

– Виктор, ты мне, пожалуйста, объясни: что здесь делают посторонние люди? Разве я когда-нибудь говорила, что люблю смешивать личную и деловую жизнь?

– Милая Лиза, вы никогда об этом не говорили, но поступками доказывали, что очень увлекаетесь именно этим. – Сволочь наглая! Язвит.

– А вас, Кирилл Владимирович, вообще, никто ни о чем не спрашивал. И здесь вы как обычный посетитель, а не наш шеф. И вечер, между прочим, исключительно мой. Так что, попрошу не лезть, когда я с Виктором разговариваю!

Этот козлина лишь хмыкнул. А в глазах зажглось обещание скорой расправы. Предвкушающее такое. Словно, он уже представлял себе в красках, как распнет меня и будет резать. Маленькими кусочками. Хрен тебе, дорогой. Подавишься, и все свои ножи поломаешь, по дороге к результату.

– Лиза, милая, ну, зачем ты так нервничаешь? – Витьку таким ошарашенным я еще не видела никогда. – Может быть, я был неправ, что позвал наших учредителей на этот ужин. Признаюсь, не подумал, что лучше это сделать наедине... Но мне так хотелось поделиться нашим счастьем, что я решил

сделать их свидетелями, как зарождается наша семья. Но Кирилл Владимирович и Андерс Эдвардас ни в чем не виноваты. Зачем так грубить? – Он с покаянным видом повернулся к ненавистным мне рожам. – Вы уж, простите Лизу, у неё сегодня слишком много переживаний.

– Мы уже поняли. Да вы говорите, говорите, а мы пока помолчим. Потом уже, в конце, поздравим. Правда, Кир? – Это уже блондин решил вставить свои три рубля. Только их мне и не хватало...

– Витя, а тебе не кажется, что наши с тобой отношения только нас и касаются? И свидетели здесь не нужны? Или, раз на то пошло, и тебе так не терпится похвастаться, мог бы коллег позвать. Зачем руководству тратить время на всякую разную ерунду? Если они будут ходить на все такие встречи подчиненных, у них не останется времени на свою собственную жизнь.

– Лиза, да это просто так совпало... – Витька, после такой отповеди, должен бы поникнуть, но – ничуть не бывало. Спокоен, что твой сытый удав. – Кирилл Владимирович позвонил вечером и сказал, что хочет срочно разобраться в нескольких финансовых вопросах. А я уже сюда заходил, столик заказывал, с управляющим говорил... И выбор встал: либо бросить эту затею и мчаться в офис, либо встречаться где-то посередине, но тоже не факт, что я успел бы вернуться сюда. А Кирилл Владимирович великодушно предложил заниматься устройством ужина, а сам подъехал. А когда узнал,

что за повод, решил поздравить нас первым. Ну, и Андерс, конечно, присоединился к нам...

Я слушала этот бред и ощущала, как каменеют мышцы лица. От злости, раздражения, от чувства, что этот гад снова меня обошел. Ни за что не догадалась бы, что он найдет способ выйти на Витьку и определить место и время встречи. Ну, что ж. Bravo, Кирилл! Технично и грамотно. Хорошо, я поняла, каковы твои методы. Холодный и четкий расчет. А я отвечаю. Не обижайся, если не очень адекватно.

– Кирилл... Владимирович, вам, действительно, так неймётся с поздравлениями? Хорошо. Поздравляйте, и мы разойдемся, каждый по своим делам. Я – девушка скромная, и предпочла бы остаток вечера провести с Витенькой. Мне для этого благословения начальства не нужно. Просто побудем наедине. Правда, Витя? – И нежно погладила его по руке.

Витя опешил от такого внезапного перехода. У Кира только ноздри нервно дернулись, да зубы сжались. А Андерс – молодчинка. Эмоций – ни шиша. Стоило об этом подумать, как он, неожиданно, весело подмигнул. Нет. Он мне, положительно, нравится. Жаль, что придется и ему крови попить...

– Милая, ты, конечно, права. Но совсем не хочется обижать людей, которые на нас потратили время. Давайте, поужинаем вместе, а потом уже разойдемся по своим делам? – Вот как, интересно, он собрался на мне жениться и жить

вместе, если даже прямого текста не понимает? Вокруг меня собралось мини-стадо из трех упрямых баранов. А я одна, и каждого из них не терпится послать ко всем чертям собачьим, но ведь Кир добивается именно этого. Однозначно. Хочет рассорить меня с Витькой. И будет счастлив, если получит такой результат. А вот фигурки!

Зубами, конечно, скрипнула, но свежесвеженному кандидату в мужья подарила самую нежную улыбку, на которую, вообще, способна. Глядя прямо в его глаза. Витька таял, Кир сопел недовольно, Андерс предпочел сделать вид, что просто мимо пробежал и совершенно не в теме.

– Конечно, хороший мой. Прости. Я сегодня слишком устала, не соображаю, что несу. Я всецело доверяю твоему решению. Ты же у меня гений. Просто, я об этом иногда забываю...

– Лизонька, ты присядь, расслабься. Мы все понимаем, что ты перенервничала и устала. День такой насыщенный, тем более, что решение ответственное приняла... Давай, вина тебе налью, чтобы немного полегче стало... – Он плеснул на доньшко бокала напиток густого вишневого цвета, протянул мне, налил и себе, и Кириллу с Андерсом. Вино хорошее. В этом наши вкусы с Виктором на редкость удачно совпали. Жаль, что это совпадение – почти единственное...

– А разве нашим гостям положено пить за рулем? Или в их статусе можно все? – Зареклась молчать и вести себя максимально отстраненно, однако, тут же и нарушила этот зарок.

– Нет, Лизонька. Нам позволено многое, но законы мы стараемся не нарушать. И правила всевозможные – тоже. – Это влез блондин, хотя и обращалась я не к нему. – За нами водитель приедет. Нам тоже, порой, необходимо расслабиться и отдохнуть.

– А что? Часто напрягаетесь?

Сивый гад многозначительно ухмыльнулся.

– Сегодняшний день за пять обычных сойдет.

– Много нарушили?

– Скорее, много раз предупредил нарушения. Это еще сложнее, чем косячить самому.

– Вот, что-то мне подсказывает, что без косяков не обошлось, все равно... – Никак не среагировал, вот дубина непробиваемая, хоть и понял намек. Однозначно, понял.

– Ну, все мы люди, всем дано ошибаться, куда ж без косяков?

– Скажите, Виктор, а Лиза уже официально дала ответ на ваше предложение руки и сердца? – Кир вклинился, ни с того, ни с сего. Если б не знала, что он не страдает застенчивостью, решила б, что он от глотка алкоголя осмелел...

– Официально – нет. Но я и предложение не делал еще, как положено. – Смотрю я на парня и не понимаю: как, вообще, мне пришло в голову с ним пересечься? Его явно к какому-то подвоху ведут, а он и в ус не дует... И не дурак, вроде, может слишком самоуверен?

– Виктор, вы же сами говорите, что это очень ответствен-

ное решение. Может быть, не стоит торопиться? Обдумать все, как следует, взвесить все "за" и "против"? Сдается мне, что вы очень спешите. Поверьте моему жизненному опыту. Можно потом сотню раз пожалеть. А обратно откатывать совесть и самооценка не позволит.

Вот же, сс... собака серая, ободранная! Решил прямо с козырей ходить! Советует хорошенько подумать! Козел.

А этот упырок, жених недоделанный, нет бы возмутиться и послать его к черту, завис. В прямом смысле этого слова.

– Что вы имеете в виду, Кирилл Владимирович? – Да тебя он сейчас имеет, наглым образом, прилюдно! Боже, куда я смотрела?! Сейчас возникла дилемма: кому вылить на голову остатки вина из бутылки? Витьке или Киру? Или обоим? Можно, конечно, и Андерсу... Просто, чтобы не развлекался за мой счет...

– Я вам, Виктор, как бы намекаю, что вы с Лизой абсолютно не подходите друг другу. Ни характером, ни темпераментом. Ваше дело, конечно, захотеть понимать этот намек или нет. Мое дело – натолкнуть на мысль. Дальше все зависит от вашего умения соображать.

Хм... Козлина. Тоже мне, Америку открыл. Эту проблему видят все, кроме Вити. Но Кирилла она не касается. Теперь уже мне стало любопытно: что этот олух ответит? Согласится или поспорит, хотя бы для приличия? Ну, хотя бы для самоуважения своего, он обязан послать зарвавшегося шефа на Кузькину гору, вслед за Макаром-пастухом...

– Мне сейчас очень интересно стало, как вы за один день успели определить наши с Лизой характеры и темпераменты? Мы с ней очень долго встречаемся, успели хорошо узнать друг друга. И, наверное, сами определим, насколько подходим для совместной жизни. – Выражение Витькиного лица ничуть не изменилось. Выдал отповедь так, будто погоду обсуждал. Вот, прямо-таки, зауважала его! Может, не совсем дурак? Просто прикидывается, временами?

– Действительно, Кирилл Владимирович, кто вам дал право вмешиваться в наши отношения? Вашего мнения никто не спрашивал, между прочим. Вы еще ничем не доказали, что такой хороший знаток человеческих душ. Поэтому, уж простите, мы и без вас разберемся. – Витька сжал мои пальцы, потом погладил, ободряюще. А я ведь занервничала, не заметила, как напряглась...

– Уверен, что не разберетесь. Поэтому, лучше послушайте мой совет, Виктор.

– Откуда такая уверенность? – Похоже, он не только меня достал, потому что фразу мы с Витькой выпалили почти хором. Ладно – я, заведенная уже донельзя, но чтобы друг мой сердечный так на кого-то наезжал, еще ни разу не видела.

– Оттуда. Достаточно того, что я об этом сказал. – А Кир, судя по всему, тоже закипает... Это просто здорово! Может быть, они подерутся здесь? Дело кончится скандалом, а у меня будет повод ни с кем из них не разговаривать. Если общение с Янкевичем разговорами можно обозвать...

– Кирилл Владимирович, я очень вежливый и неконфликтный человек. Но это не значит, что я позволю кому-то лезть в мою жизнь. Тем более, давать такие советы в присутствии моей будущей жены. Не хочу ссоры, поэтому очень прошу: не вмешивайтесь. – Ты ж мой хороший! Если б такая возможность была, я б в тебя сразу сейчас и влюбилась, непременно! Только вот, прости, влюбленностей на ближайшую десятилетку в планах у меня нет. Буду просто уважать, договорились.

– А я уже вмешался, между прочим. И, если быть точным, это был не совет, а предупреждение. Я их, кстати, обычно не делаю, но ради тебя на исключение пошел. Ты, вроде бы, ни в чем еще не виноват, Виктор. – Сейчас в этом голосе звучали стальные ноты человека, который давно отвык от того, что ему перечат. А взгляд... раздраженный. Как на комара, которого никак не удастся прихлопнуть.

– А кто вас просил, вообще-то? Кто вам дал право на то, чтобы лезть, а тем более – предупреждать?! Вы мне не друг, не родственник, и никак не старший товарищ! – Ого... Виктора понесло, обычно спокойный, как танк, слегка отстраненный и вежливый до приторности, сейчас он был похож на раненого... буйвола? Или носорога? В общем, опасного травоядного, которое может затоптать в своей ярости. Плохо я знала его, оказывается... Впрочем, как всегда. Еще ни разу мне не удалось разобраться в мужчине... Да и фиг бы с ними, по большому счету. Но обстановка-то накаляется! И

я от этого не в восторге...

– Для тебя, Виктор, конечно же, я никем не прихожусь. Но это ничего не меняет. Дело, в общем-то, совсем не в тебе. – Подозрительно успокоился Кир. Будто бы, что-то уже решил для себя, и это решение очень ему нравится...

– А в чем тогда дело? – Витя опешил от такого поворота. А еще от того, что противник никак не реагировал на его агрессивный тон.

– Не в чем, а в ком. Шел бы ты, друг мой, домой. Чтобы не расстраиваться. Я ж к тебе, реально, по-хорошему отношусь. И работать еще придется. Давай, Виктор, иди. Я расплачусь за ужин.

– Да что, вообще, происходит? Почему я должен уйти? Это у меня здесь назначена встреча с Лизой!

– А я эту встречу отменил. Намного раньше. Только Лизонька наша драгоценная не послушалась, отчего-то. А тебе мучиться пришлось, нервничать. Так что, лучше иди сейчас.

– Как это "не послушалась"? И почему она должна была слушаться вас? – Так. Вот теперь направление разговора начало меня напрягать. До этого тоже напрягало, но сейчас уже слишком сильно.

– Витя, тебе не надоело задавать вопросы, на которые никто не ответит? Разве не видишь, что этот... товарищ откровенно издевается? Меня он уже достал. Поэтому, я думаю, нам лучше уйти. Пусть без нас поедят спокойно.

– А с тобой, Лиза, мы еще не закончили. Поэтому, тебе

придется остаться. А Виктору пора. – Обалдеть, сколько мне привалило счастья в этот конкретный момент! Чуть не подпрыгнула от радости. Витька совсем завис. Андерс молчал и смотрел, как в театре. А, точно. Еще и вино смаковал, заедая какой-то фигней с тарелки. Что-то супер-пупер крутое, видимо, чем Виктор хотел меня удивить. А этот гад жрал и ни капельки не удивлялся.

– Что это вы не закончили? – Нет, я понимаю, любознательность – хорошая вещь и полезная. Потому и до гения, видимо, Витюша дорос. Но не в таких же размерах!

– Ты точно хочешь об этом знать? Мать твою, Витя! Даже я тебе намекаю, что лучше закончить этот фарс и валить, валить отсюда, как можно быстрее!

– Я имею право, вообще-то...

– Да никакого права вы не имеете! Ни ты, ни Кир, ни Андерс! Хотите поговорить – без меня, пожалуйста. А я ушла. Всем всего доброго.

И, пока никто не задержал, быстренько потопала к выходу.

Весь недолгий путь к двери я проделала в нервном ожидании, что сейчас кто-нибудь кинется догонять. Это было бы худшим моментом в жизни. Потому что сама плохо представляла, какотреагирую. Пощечина – минимум, что приходило в голову. Дальше – только расчлененка и убийства.

Как ни странно, ушла без препятствий. От слова "совсем". Спокойно спустилась к тротуару, попыталась поймать такси.

Естественно, в такое время никто не ловился. Долго стояла с вытянутой рукой, в надежде остановить хотя бы попутку. От двух вариантов пришлось отказаться – слишком уж дружелюбными оказались водители. Мужского пола. Зачем портить людям настроение? А шанс нахамить из-за мелочи был велик. В третьей, захудалой тарантайке отечественного производства оказался дедушка, очень седой и совершенно безобидный. Такому грубить я точно не смогла бы...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.